

ЛЕХАИМ

**НОЯБРЬ
2000**

ХЕШВАН

5761

N 11 (103)

ДВОЙНОЙ СТАНДАРТ

Каждый из нас, естественно, хочет поступать правильно. Но не у всех получается, даже у самых умных и мудрых. Кажется, все обдуманно, проверено логикой, но – увы. Часто ни знания, ни образование не помогают, ложные идеалы, мишура жизни привлекают и сбивают с пути. Даже если опыт и знания позволяют выбрать правильное решение, ничто не обязывает выполнять именно его. Часто бывает, что мы знаем точно, как следует поступать, но ведем себя совершенно иначе. Непоследовательное поведение свойственно многим. Некоторым это не мешает, другие страдают. Наше поведение на работе, среди людей, бывает совершенно непохожим на то, как мы ведем себя в семье, с детьми или родителями.

История дает много подобных примеров.

Началось еще во времена дарования Торы. Людям, принявшим Б-га искренне, со всей душой, понадобилось всего сорок дней, чтобы вновь сотворить золотого тельца, идола, и начать вновь ему поклоняться.

В Древней Греции, с ее высокой культурой, с ее философами и учеными, оставившими нам множество этических теорий, широко было распространено безнравственное поведение. Даже великий Гомер превозносил разврат, предательство и другие аморальные поступки. Мудрейший Аристотель так прокомментировал противоречия между провозглашенными им теориями и образом поведения: «Не спрашивайте меня сейчас, сейчас я не Аристотель». Откровенное признание двойственности поведения, как говорят сегодня – «двойной стандарт».

Почти шизофренические размеры двойственная этика приняла у Зигмунда Фрейда. Всякий раз как представлялась возможность, Фрейд декларировал свой атеизм. Даже во времена фашизма он не смог отказаться от циничных высказываний о евреях, оставшихся в Германии. С другой стороны, он гордился своим этническим происхождением, подчеркивая в предисловии к своей книге: «...не имея возможности принять национальную идею, он (автор) никогда не отрекался от своего народа. Он чувствует, что является по своей глубинной сути евреем и не желает изменять природу». В 1922 году он размышлял о «странном, потаенном чувстве, возникающем внутри, возможно, зове предков». Фрейд, написав «...остаюсь абсолютно неверующим человеком», в другом месте определил иудаизм «как четкое осознание внутренней тождественности».

Множество случаев духовной дихотомии дает наше недавнее прошлое. Давид Маркиш в своем романе «Стать Лютовым» художественными средствами исследовал характер мягкого интеллигентного Исаака Бабеля, поэтизовавшего гражданскую войну и конармию. Всю свою короткую жизнь Бабель, возможно, хотел стать Лютовым, но так и не смог.

В обыденной жизни такое раздвоение личности происходит довольно часто. Парадоксально, но вор, прежде чем идти на дело, может просить Г-спода, чтобы Он помог ему не попасться, скрыться с места преступления.

Каждый человек состоит из двух частей, в нем одновременно есть плохие, недостойные качества и хорошие. Борьба между этими составляющими идет постоянно, борьба между чувствами, желаниями, инстинктом и реальными делами.

Проблема раздвоения личности не возникает у истинно религиозного еврея, любой свой шаг сообразующего с Торой. Тора дает ему строгий критерий для оценки поведения всегда и везде. Каждая сторона жизни определена предписаниями Закона. Никакой мудрец не может действовать в противоречии с Торой, которая указывает пути достижения личностной гармонии. Душа и ум должны быть едины при служении Б-гу. Критерии добра, определенные Творцом, абсолютны, и это единственный способ не допустить отклонения от выработанного идеала. Даже сам идеал может быть настолько извращен, что может служить оправданию зла. Тора исключает возможность подмены добра злом, использования жестокости для «улучшения» мира. Религиозный еврей всегда соизмеряет свое поведение с объективным критерием, он не может отказаться от выполнения обязательного предписания и не может выполнить то, что запрещено. Без каких-либо оправдательных отговорок. Принятие Б-га и следование Его воле предопределяют нравственный климат наших взаимоотношений и мир в наших душах.

Мы знаем, что человек не может стать умнее. С этой стороны он всегда будет таким, каким родился. Он может получить образование, приобрести знания, но никогда не станет гением. Чему он в состоянии научиться, так это управлять своими поступками. Сильный не тот, кто поднимет больше, прыгнет дальше, а тот, кто может стать хозяином своих начинаний, своих желаний, кто умеет владеть собой, не ищет оправдания своим плохим поступкам, а предотвращает их.

Работа над собой позволит каждому из нас достичь гармонии чувств и дел, поможет соединиться с Б-гом.

Āĕāāī ūé āāāēī Dīñēē Āādē Ēāçāð

УРОКИ ТОРЫ

ХАЙЕЙ САРА

Хотя глава называется «Жизнь Сары», она фактически начинается с ее смерти. Необычно и первое предложение «И было жизни Сары 100 лет и 20 лет и 7 лет – это годы жизни Сары». Почему возраст праведницы сообщается не одним числом, а тремя? И почему, лишь с малыми нюансами, дважды говорится о «жизни Сары»? Комментаторы дали этому три объяснения.

Все три утверждают, что Тора здесь восхваляет Сару за ее совершенство, но каждое из них выделяет особый его аспект. А в целом мы имеем возможность убедиться на конкретном примере, как праведность возвышает человека над потоком быстротекущего времени.

Итак, обратимся к мидрашам, раскрывающим внутренний смысл текстов Торы в дополнение к их прямому пониманию.

ПЕРВЫЙ МИДРАШ

«И было жизни Сары 100 лет и 20 лет и 7 лет – это годы жизни Сары» (Брейшис, 23:1) – на эту фразу мидраш дает следующий комментарий: «“Б-г знает дни праведных и их наследие пребудет вовек” (Псалмы, 37:18), то есть так же, как они праведны, так и их годы праведны. В 20 она (Сара) была красива, как в 7, а в 100 так же свободна от греха, как в 20». (Согласно другому мнению она была прекрасна в 100 лет, как в 20, и в 20 лет безгрешна, как в 7).

Многие комментаторы, включая Раши, говорят, что таким образом объясняется троекратное повторение слова «лет». Поэтому далее процитирован стих из Псалмов «Б-г знает дни праведных (совершенных)». Это подразумевает, что определение «совершенный» может характеризовать сами дни: каждый день в жизни праведника сам по себе совершенен. Такое мнение подтверждает и само построение начальной фразы главы, которое таким образом намекает, что все годы ее жизни были равны в своем совершенстве. Но в подобном объяснении содержится целый ряд трудностей.

1. Мидраш говорит: «так же, как они праведны, так и их годы праведны». Но, если праведность здесь означает свободу от греха, то праведность (совершенство) человека и праведность (совершенство) его дней являются одним и тем же. Однако мидраш пользуется языком сравнения – «так же, как», предполагая тем самым, что речь идет о двух разных вещах.

С другой стороны, если понимать под совершенством физическую красоту, то мидраш, безусловно, затруднителен для понимания, ведь, хотя Сара и могла быть так же прекрасна в 100 лет, как в 20, но это нельзя отнести ко всему периоду между этими датами, ибо было время, когда красота Сары поблекла (Брейшис, 18:12). Так что, хотя в 100 лет она и могла быть совершенной, но к ее годам (предшествующим) это не относится.

2. Подразумеваемое выражение «годы их совершенны» является странным, так как обычно оно воспринимается как совершенство самих лет. Но мидраш здесь использует эту фразу для обозначения совершенства человека на протяжении этих лет.

3. Кажется, что переход, который делает мидраш от выражения «дни праведников» к выражению «так и их годы совершенны», ничем не оправдан. Хотя цитата, содержащая слово «дни», и приводится для объяснения встречающегося в главе слова «годы», было бы, безусловно, более логично использовать слово «дни» для объяснения фразы, упоминающей «дни праведников».

ВТОРОЙ МИДРАШ

Дав первое объяснение, мидраш добавляет второе: «другое объяснение – Б-г знает дни праведников». Это относится к Саре, которая была совершенна в своих действиях, как сказал рабби Йоханан: «подобно телице без порока».

На первый взгляд, есть два различия между этим и предыдущим объяснениями:

а) Первое объяснение применяет определение «совершенный» к дням, а второе – к людям.

б) Первое объяснение понимает совершенство как нечто всеобъемлющее, включающее и чисто физическое качество красоты, в то время как второе относит совершенство лишь к добрым делам.

Но и во втором мидраше есть проблемы:

1. Понятно, что второй комментарий должен добавить нечто новое к нашему пониманию фразы «Б-г знает дни совершенных». Но что же фактически он добавляет помимо очевидной информации вроде «лишь тот, кто действительно совершенен, может считаться совершенным»?

2. Что добавляет к нашему пониманию данного мидраша сделанное рабби Йохананом сравнение с «телицей без порока»?

3. Мидраш, относя стих Псалмов к Саре, на первый взгляд, разъясняет сам этот стих, а не фразу из нашей главы, что было его первоначальной задачей.

ТРЕТИЙ МИДРАШ

Объяснив тоекратное повторение слова «годы» в рассматриваемой фразе, мидраш переходит к комментарию кажущегося лишним в этом контексте выражения «это годы жизни Сары». Он связывает это выражение со второй частью стиха из Псалмов: «и их наследие пребудет вовеки». Мидраш говорит: «Для чего Тора добавляет “это годы жизни Сары”? Чтобы сообщить нам, что жизни праведников драгоценны для Г-спода как в этом мире, так и в мире грядущем».

Но это тоже требует разъяснения.

1. Факт, что праведники имеют долю в грядущем мире, равно как и то, что их существование там драгоценно для Г-спода, очевиден. Зачем же мидраш сообщает нам об этом, да еще приводит в доказательство стих из Псалмов?

2. Мы можем согласиться с тем, что намек на грядущую жизнь заключен в повторении самого слова «жизнь» в разбираемой фразе («И было жизни Сары ...это годы жизни Сары»). Но откуда следует дополнительная информация о том, что жизни праведников в грядущем мире драгоценны для Г-спода?

3. Какова связь между двумя не связанными друг с другом на первый взгляд толкованиями заключительной части фразы из недельной главы: между ее простым смыслом, относящимся к жизни Сары в этом мире, и толкованием мидраша, говорящим о ее грядущей жизни?

СОХРАНЕНИЕ СОВЕРШЕНСТВА

Мы сможем найти ответы на эти вопросы, если вначале разберем следующее: как человек, оказавшийся в обстановке, губительной для его внутреннего уровня, может сохранить свою целостность? У него есть для этого три пути:

1. Он может внутренне укрепить себя, чтобы не поддаваться влиянию окружающей среды. Но такая победа неполноценна, ибо если он ослабит контроль, то начнется капитуляция, иначе говоря, понизится его уровень.

2. Он может отделиться от окружающих. Но опять же эта победа лишь постольку, поскольку он удалился от всех искушений. Встретившись с ними лицом к лицу, он точно так же подвержен возможности падения.

3. И наконец, он может повлиять на свое окружение, поднять его до собственного уровня. Это и является полной победой над окружающей средой. Опасностей в этом случае удалось не только избежать, но и полностью устранить.

Таким же образом человек может сохранить себя от греха и даже от физического распада. Он может преодолеть законы времени. Во-первых, укрепляя себя духовно, человек способен преодолеть соблазны материального мира, но при этом остается потенциал греха, от которого можно уберечься только постоянной бдительностью. Вот почему мидраш, говоря о Саре, сообщает, что, когда ей было 100 лет, она была, как в двадцать. На этом уровне существует только подобие, а не полная идентичность между старостью и юностью.

Во-вторых, ведя жизнь, освященную сущностью души, а не ее внешними проявлениями, иначе говоря, уходя от материального, человек может преодолеть время и его физические эффекты. Но опять-таки это положение непостоянно, поскольку тело сохраняет свою связь с материальностью. И наконец, когда и тело, и его действия пронизаны духовностью, физическая природа человека не подавляется, а трансформируется, и все его существо приобретает вневременную духовность в отношениях с Б-гом. При этом не возникает даже возможности греха.

НЕИЗМЕННОСТЬ САРЫ

Вот почему мидраш объясняет, что Сара была в 100 лет, как в 20, только после цитаты из Псалмов, дополненной разъяснением, что «как сами они совершенны, так и годы их совершенны». Только через совершенство всей жизни можно достичь того состояния неизменности, которое характеризует Сару. А повторение слова «лет» в первой фразе главы говорит, что каждая из приведенных цифр (100, 20 и 7) сравнивается с

другими: в 100 лет Сара была также далека от самой возможности греха, как в 20 или как в 7. Иными словами, она достигла высшей из трех ступеней целостности.

Но как это согласуется с тем фактом, что она была подвержена изменениям и что был период, когда она утратила свою красоту? На иврите слово «шнотам», «их годы», означает также «их изменения». Тем самым мидраш приобретает дополнительный смысл, сообщая нам, что даже «их изменения совершенны». Хотя (а может быть, именно поэтому) внешне праведники также меняются, эти перемены лишь помогают раскрыть их внутреннее постоянство, ибо свет, излучаемый их душами, не тускнеет.

КОНЕЧНОЕ СОВЕРШЕНСТВО

В применении к праведникам выражение из Псалмов (84:8) «идти от силы к силе», означает, что их жизнь представляет собой не просто развитие на каком-то определенном уровне, но постоянный прогресс и подъем на более высокие ступени служения Всевышнему. В таком случае можно ли расценивать как похвалу Саре утверждение, что все ее годы были равны в своем совершенстве? Ведь такое равенство подразумевает отсутствие прогресса!

Именно эту проблему призван разрешить второй мидраш. Говоря нам, что на момент своей смерти Сара достигла «совершенства в ее действиях», он указывает, что она достигла того уровня совершенства и близости к Б-гу, на котором становится возможным ретроактивно довести до совершенства все ее прошлые действия (подобно тому как истинное раскаяние превращает прошлые грехи в заслуги). Таким образом, второй мидраш идет дальше первого: первый говорит о свойстве, общем для всех праведников, а второй относится только к Саре, которая пошла дальше общего уровня и фактически трансформировала предыдущие действия финальным раскаянием. И именно поэтому Рабби Йоханан добавляет сравнение с «телицей без порока», ведь как раз принесением в жертву телицы достигалось ретроактивное искупление всего еврейского народа со времен Исхода из Египта.

ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ СМЕРТЬ

Но проблема все-таки остается. Каждому отведен свой срок жизни, и пределами этого срока определяется работа, которую человек должен стремиться совершить в этой жизни. Но Сара умерла преждевременно, ибо, согласно объяснениям мудрецов, «душа покинула ее», когда она услышала, что ее сын Ицхак связанным возложен на жертвенник.

Если она не прожила полностью отведенный ей срок и не успела завершить поставленные задачи, то как мы можем назвать ее жизнь совершенной?

Мидраш сообщает, что для ответа на этот вопрос Тора и добавляет фразу «это годы жизни Сары», так как «жизни праведников драгоценны для Б-га и в этом мире, и в мире грядущем». Иными словами, праведник, умерший преждевременно, может завершить свою работу даже в грядущем мире. Точно так же награда за создание духовных ценностей воздается покинувшему этот мир, а добрые дела сына или дочери помогают умершим родителям.

ВЕЧНЫЙ ДУХ

И наконец, осталось лишь одна проблема. Время в этой жизни дается нам не только для того, чтобы совершить определенное количество добра, но еще и для того,

чтобы нашими действиями освятить само время. День, посвященный выполнению заповедей, есть день, соответствующий цели его существования. Следовательно, несмотря на то что Сара могла завершить выполнение своей задачи в грядущем мире, время в этом мире осталось неосвященным и, значит, несовершенным.

Именно поэтому разбираемая фраза из Торы после упоминания лет жизни Сары продолжает «это годы жизни Сары». По мнению мидраша, последнее относится к ее жизни в грядущем мире. Тем, что Тора считает ту жизнь продолжением прожитых ею лет, она сообщает нам, что и после смерти влияние святости Сары продолжало сохраняться. Праведная жизнь не заканчивается смертью: она освещает все, что после нее.

ТОЛДОТ

В начале главы «Толдот» приводится родословная «Ицхака, сына Авраама», а затем следует пояснение, что «Авраам родил Ицхака». Зачем нужен этот повтор? Четыре приведенные толкования представляют четыре уровня интерпретации Библии. И хотя на первый взгляд между этими толкованиями нет ничего общего, подробный разбор каждого из них доказывает, что между ними существует скрытая связь.

ЧЕТЫРЕ ТОЛКОВАНИЯ

Глава начинается со слов: «Вот родословная Ицхака, сына Авраама: Авраам родил Ицхака». Разумеется, комментаторы Торы сразу задаются вопросом, почему в этой фразе дважды повторяется одна и та же мысль: Авраам родил Ицхака. Вот несколько возможных толкований.

1. В Талмуде (и в мидраше) рассказывается, что циники того времени подвергали сомнению отцовство Авраама (у Сары в течение многих лет не было от него ребенка, и она родила Ицхака только после того, как побывала в плену у Авимелеха). Поэтому Б-г и сотворил Ицхака похожим на Авраама как две капли воды, чтобы не возникало сомнений в том, что он действительно сын Авраама. Два предложения с одинаковым смыслом свидетельствуют об этом факте.

2. В мидраше сказано: «Авраам был венцом Ицхака, а Ицхак был венцом Авраама», то есть каждый был гордостью другого».

3. С точки зрения хасидизма Авраам символизирует служение Всевышнему любовью и добротой, в то время как Ицхак служит образцом страха перед Ним и строгости. Существуют две ступени для каждого из этих путей служения Б-гу. С одной стороны, есть низший страх как вера в наказание за грех или за вред, причиненный чьим-то грехом. Но бывает и благоговейный трепет перед Всевышним, который заставляет отказываться от греха как от совершения того, что противоречит Его воле.

Скрытый мотив любви к Б-гу на низшем уровне выражается в желании получить вознаграждение, материальное или духовное. Высшая же любовь свободна от поисков личной выгоды, она стремится к постижению Б-га ради самого Б-га.

Дважды повторенная в одной фразе мысль учит нас чему-то важному о соотношении этих четырех форм служения Всевышнему.

Имена следуют в таком порядке: Ицхак, Авраам, Авраам, Ицхак. Служение Б-гу, начинаясь с низшего страха, перерастает в низшую форму любви, стремящуюся к высшей любви, в своей наивысшей точке достигающей благоговейного трепета перед Всевышним. Низшая форма порождает высшую, потому что тот, кто начинает служить Б-гу по личному расчету, в конце концов приходит к тому, что делает это ради самого Б-га. И это относится ко всем евреям (они должны служить Б-гу и с любовью, и со страхом), ведь Авраама, Ицхака и Якова называют праотцами еврейского народа. А это значит, что все их потомки унаследовали их качества, и обязаны использовать это наследство

4. В Зогаре повествуется о том, что Авраам символизирует душу, а Сара – тело. Ведь сказано в Торе (Брейшис, 23:2): «И умерла Сара», то есть тело, которое смертно. Об Аврааме же написано (Брейшис, 23:3): «И поднялся Авраам от лица умершей своей». Имеется в виду душа, способная преодолеть смерть. Ицхак, чье имя означает «смех» и «веселье», символизирует радость, которую испытывает душа в будущем мире. Таким образом, исследуемую фразу можно интерпретировать как «Радость будет наградой душе» – («Ицхак, сын Авраама») в будущем мире, если «душа наслаждается» («Авраам родил Ицхака») служением Б-гу в этом мире.

СКРЫТЫЙ СОЮЗ

Существует общее правило, согласно которому все объяснения одного и того же места из Торы взаимосвязаны, несмотря на то что на первый взгляд между ними нет ничего общего.

Доказательством этому служат толкования мудрецами слова «шаатнез» (запрещение смешивания шерстяных и льняных волокон), в котором соединены три слова: «шуа» (расчесанный), «тавуи» (плетеный) и «нуз» (тканый). Они также доказывают, что раз в Торе эти три слова объединены в одно, значит «шаатнезом» считается только та одежда, при изготовлении которой соблюдены все три условия (то есть шерсть и лен должны быть вычесаны, сплетены и сотканы вместе). Если из объединения разных слов в одно мы учим, что все три термина взаимосвязаны, тем более существует связь и между разными толкованиями одного и того же отрывка из Торы.

Какова же связь между нашими четырьмя толкованиями?

За каждой историей из Торы стоит нравственный аспект, имеющий прямое отношение к жизни каждого еврея. Нам легко понять мораль хасидского толкования. Она заключается в том, что еврей должен служить Б-гу всей душой, всем сердцем, соединяя в себе любовь и страх. Толкование из Зогара учит нас тому, что такая служба еврейской души, облеченной в этом мире в плоть, помогает накопить духовные богатства и радости, которые раскроются ей в будущем мире. Если еврей признает это, его служение Б-гу обретает новую жизнь.

Но что же делать с талумудическим толкованием и версией мидраша, которые, казалось бы, не имеют прямого отношения к нам? Эти толкования связаны тем, что оба они посвящены событиям, которые не соотносятся с естественным ходом истории.

Если бы все происходило по законам природы, то у Авраама не могло бы быть ребенка: он и его жена были стары и бесплодны. Поэтому в Торе (Брейшис, 15:5) сказано, что Б-г, собираясь сообщить Аврааму о том, что у него будет ребенок, «вывел его наружу». Мудрецы толкуют эту строчку так: «отбрось свои астрологические предсказания», согласно которым Авраам знал, что у него не будет детей.

И если бы духовный потенциал развивался как обычно (то есть уменьшаясь в каждом последующем поколении, как говорят об этом наши мудрецы: «Если первые евреи были сынами ангелов, то мы сыновья людей и т.д.»), то Авраам не нуждался бы в «завершении» Ицхаком. Ведь это означает, что Ицхак дополнил и завершил службу отца, внес в нее то, чего не хватало Аврааму.

Оба толкования раскрывают глубокую мысль о том, что еврей способен преодолеть законы естественного бытия не только в духовном, но и в физическом смысле.

У Авраама были духовные потомки до Ицхака. Сказано, что «плоды праведника – это его добрые дела». Рождение Ицхака доказало, что и в физическом мире с Авраамом может произойти чудо. И это сильный аргумент против «циников поколения». Ведь те считали, что даже если еврей способен преодолеть духовные пределы действительности, то в материальном мире все равно правят земные правители (заявление, что Авимелех был отцом Ицхака). Иными словами, здесь он подчиняется естественным законам.

Сделав Ицхака как две капли воды похожим на Авраама, Б-г доказал всем, что Авраам и есть настоящий отец. Он показал, что источником физической силы был Авраам (следуя толкованию Зоги – душа), а не Авимелех (дословно – «правитель мира»). Для души нет препятствий ни в самой себе, ни когда она решает превратить свои молитвы в действия.

СВОБОДА ДУШИ

Это помогает нам понять слова Ребе Раяца (предыдущего Любавичского Ребе): «Все люди Земли должны это знать: только наши тела оказались в изгнании, отданы в рабство чужим правителям. Но наши души не находятся ни в изгнании, ни в рабстве».

«Мы открыто должны признать, что во всех делах, связанных с нашей религией, с Торой, с заповедями и обычаями Израиля, мы, евреи, никому не позволим диктовать нам какие бы то ни было условия или давить на нас».

На первый взгляд не совсем понятно, почему так важно то, что душа остается свободной, если физически мы находимся в изгнании. Ведь душе приходится выполнять волю Б-га в этом материальном мире. Но на самом деле сила душевного подъема такова, что она может освободить тело из физического рабства. И это должно быть сделано открыто, чтобы «все люди Земли» (включая «циников поколения») увидели, что ни тело, ни душа еврея не принадлежат Авимелеху (земной власти).

СЛУЖБА И НАГРАДА

Таким образом стала понятна связь всех четырех толкований.

Талмуд раскрывает «общедоступную» часть Торы и адресован скептикам, которые могут появиться в этом физическом мире. Он отвечает на вызов «циников», показывая, что даже на материальном уровне еврей не подвластен законам природы.

Мидраш представляет промежуточное звено между «общедоступным» и «скрытым» аспектами Торы. По сравнению с Талмудом он представлял более глубокое толкование вопроса, показывая, что для еврея нет ничего необычного в том, чтобы действовать вопреки законам природы. Еврей словно находится в стороне от общей

тенденции понижения уровня духовности. «Венец стариков – их внуки»: новые поколения совершенствуют службу предыдущих. (Так как во втором комментарии мидраша разговор ведется на том уровне, где нет места цинизму, здесь отсутствует и необходимость отвечать на подобные выпады.)

Хасидизм, раскрывающий путь служения Всевышнему, также переносит нас в область, «превосходящую природу». Из него мы извлекаем мораль, что каждый еврей должен служить Б-гу одновременно с любовью и трепетом. На первый взгляд эти два чувства несовместимы: любовь означает приближение к чему-то, а страх наоборот отдаляет. Но славя Всевышнего, человек преодолевает границы обычных ощущений, и противоположные, казалось бы, чувства сливаются, наполняя все его существо. Испытывая их, человек отрывается Б-жественностью от естественного хода бытия как физически (об этом говорит Талмуд), так и в духовном смысле (это отмечается в мидраше).

В Зогаре, раскрывающем тайные аспекты Торы, речь идет о грядущем мире и о том, что еврей, помогая своей душе преодолеть границы человеческого существования, дает ей возможность испытать духовные наслаждения в будущей жизни.

НАГРАДА В САМОМ ИСПОЛНЕНИИ

Проследим дальше. Сказано, что «наградой за выполнение мицвы (заповеди) служит сама мицва». То есть вознаграждение заключается в самом процессе выполнения заповедей, а не в дополнительных наслаждениях, которые следуют после. Ведь то, что обещается еврею в будущем мире, – не следствия его добрых дел, но сами добрые дела, раскрывающие свою истинную природу. В этом мире душа, помещенная в тело, не может постигнуть всей радости служения Всевышнему, исполнения Его воли. Это возможно только в будущем мире, и в этом заключается сама награда.

В первых трех толкованиях рассказывается о выполнении заповедей, в то время как в Зогаре речь идет непосредственно о награде. Но раз награда заключается в самом процессе служения Всевышнему, связь между четырьмя объяснениями очевидна.

СЛУЖЕНИЕ ТЕЛА, НАГРАДА ДУШИ

Имя Ицхак означает «веселье», так как Сара, родив сына в таком позднем возрасте, сказала: «Смех сделал мне Всесильный» (Брейшис, 21:6). Имя Б-га, используемое в этом стихе, Элоким, обычно применяется для обозначения имманентности Б-га в природе (его числовое значение также совпадает со значением слова «природа» на иврите), которая служит для сокрытия четырехбуквенного имени, обозначающего трансцендентность Б-га. А в хасидском толковании этого стиха сказано: «стало хорошо от того, что я стараюсь принести святость в этот мир». То есть в нашем физическом мире скрыто близкое присутствие Б-га. И совершая поступки, приносящие святость в этот мир, человек открывает Б-га. Это и есть Б-жественная цель творения, это радуется самого Б-га.

В человеке, созданном по образу Б-га, тоже соединились имманентный и трансцендентный аспекты – тело и душа соответственно. И подобно тому, как радуется Б-г, когда мы приносим святость в этот мир, Он так радуется и когда мы освещаем наше тело. Ведь в этом и заключается исполнение Б-жественного предназначения.

И если сейчас душа вдыхает в тело жизнь, то в будущем мире все будет наоборот: тело будет давать жизненные силы душе. Мир создан ради совершенствования

плоти, и раз душа оказывается движущей силой, улучшающей плоть, то она разделит радость этого совершенствования.

Таким образом, мы выяснили, что все четыре толкования в конечном итоге связаны друг с другом. В первых трех речь идет о служении человека, о том, как душа управляет телом и вырывает его из естественных границ действительности, преобразуя природу в состояние очевидной святости, тем самым доставляет удовольствие Всевышнему («Авраам родил Ицхака», или «душа создает радость»). В итоге душа получает удовольствие в будущем мире, – вопрос, волновавший автора Зоги, – то есть там, где применимо толкование слов «Ицхак, сын Авраама» как «душа получает наслаждение» в награду.

ВАЕЙЦЕ

Глава рассказывает о четырех женах Яакова. Согласно комментарию Раши, все они были дочерьми Лавана. Этот факт противоречит традиционному мнению, что Яаков, как Авраам и Ицхак, знал и соблюдал все заповеди Торы (хотя праотцы жили задолго до дарования ее на Синае, они знали Закон благодаря пророческому дару и соблюдали его по личному побуждению). Ведь, как известно, женитьба на сестрах Торой запрещена. Поначалу кажется, что Раши не предполагает никакого объяснения по данному вопросу. Так ли это? И разрешимо ли видимое противоречие? Оказывается, разрешимо, а из самой этой истории проистекает важная мораль.

ЖЕНЫ ЯАКОВА

Важное и хорошо известное правило комментария Раши состоит в том, что он ставит целью разъяснить все трудности, которые возникают при попытке интерпретации стихов Писания, на уровне простого смысла, то есть на буквальном уровне. И когда Раши не может найти ответа на таком уровне, он говорит о существующей трудности и признается: «Я не знаю, как ее разрешить». Если обнаруживается трудность, на которую Раши вообще не указывает, значит ответ очевиден даже для пятилетнего ребенка (это возраст, в котором еврейские дети начинают изучение Торы). В силу этого очень странно, что в данной главе мы находим удивительный факт, объяснить который пытались многие комментаторы и которого Раши не только не объясняет, но даже будто и не замечает вообще. Нам сообщается, что Яаков женился и на Лее, и на Рахели, а впоследствии – на Бильге и Зильпе. Все они были дочерьми Лавана. Из традиции известно, что наши праотцы соблюдали всю Тору, несмотря на то что она еще не была дана. Как же мог Яаков жениться на четырех сестрах, если в книге Ваикра (18:18) сказано: “и жены к сестре ее не бери”, то есть человек не может при живой жене жениться на ее сестре. Мы могли бы предположить, что Раши никак не комментирует эту проблему, потому как, условно говоря, пятилетний ребенок, приступая к изучению данной главы, еще не знает, что такой поступок Яакова запрещен. Ведь настоящий закон не упоминается до книги Ваикра, а ребенок еще не достиг этой книги. Но такое объяснение не проходит, потому что Раши не объясняет этого затруднения и позже. Другая версия: возможно, Раши считал, что среди множества объяснений, предложенных другими комментаторами, есть одно настолько очевидное, что ему нет нужды даже упоминать о нем. Тоже нет, поскольку, во-первых, в мнениях других комментаторов много расхождений, следовательно, объяснение не очевидно, а во-вторых, эти объяснения не комментируют буквальное значение текста, следовательно, на этом уровне проблема остается.

НЕКОТОРЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ

Рамбан предлагает такое объяснение. Праотцы соблюдали все 613 заповедей Торы только находясь в земле Израиля. А Яков женился на двух или даже четырех сестрах, когда жил в Харане. Но Раши не мог поддержать этот взгляд, поскольку в другом месте о Якове сообщается: оставаясь со злодеем Лаваном, то есть в Харане, он соблюдал все 613 заповедей. Иное объяснение состоит в том, что Яков на самом деле выполнял специальное повеление Б-га, чтобы дать жизнь двенадцати сыновьям, от которых впоследствии произошли двенадцать колен Израилевых. И хотя понятно, что прямое указание Б-га могло бы отменить упомянутый запрет, тем не менее мы нигде в Торе не находим такого указания. А из повествования совершенно ясно, что Яков женился на Рахели, потому что хотел этого с самого начала, и Бильга с Зильпой были даны ему их владелицами (они были служанками Рахели и Леи), то есть он не брал их, подчиняясь воле Б-га.

АРГУМЕНТ С ПОЗИЦИИ МЯГКОСТИ

Существуют споры относительно того, какие законы взялись исполнять наши праотцы, приняв на себя обязанность соблюдать Тору: только ли более строгие по сравнению с уже имеющимися тогда законами сыновей Ноаха или еще и мягкие? Если мы придерживаемся второго мнения и помним, что все четыре сестры, прежде чем выйти замуж, должны были принять иудаизм, а также принимаем во внимание правило «новообращенный как новорожденный», то жены Якова не считались более сестрами, поскольку их происхождение потеряло значение перед их обращением. Однако и этот ответ не удовлетворителен на уровне буквальной интерпретации текста по нескольким причинам.

Во-первых, в Торе нет каких-либо указаний, что до ее дарования у евреев был другой закон, кроме законов Ноаха (за исключением специально упомянутой заповеди обрезания и т.п.). Следовательно, принятие праотцами законов Торы было исключительно добровольным актом и не было обязательным для их потомков. Значит, с точки зрения закона (до дарования Торы) между евреями как таковыми и другими сынами Ноаха не было никакого различия. И в этом случае сама идея обращения (в иудаизм) не имела места. Также мы не можем сказать в поддержку нашей точки зрения, что добровольное принятие 613 заповедей само по себе представляло некий вид обращения в иудаизм. Это было добровольно возложенное на себя устроение, и следовательно, оно не могло включать более мягкого правила о том, что «новообращенный как новорожденный».

Во-вторых, Раши в своем комментарии к Торе нигде не упоминает об этом законе. А буквальное чтение Торы фактически указывает на противоположный взгляд, ибо Б-г говорит Аврааму (Брейшис, 15:15): «И сойдешь к отцам твоим в мире». Иными словами, даже после обращения Авраама Терах по-прежнему считается его отцом, с которым он воссоединится после смерти.

И наконец, запрет жениться на сестре жены существует не только потому, что такой брак принадлежит к категории запрещенных из-за близкого родства, но и потому, что он может привнести вражду и ревность вместо естественной любви, существующей между сестрами. Поэтому, хотя правило «новообращенный как новорожденный» могло бы применяться до дарования Торы, в данном случае оно не действовало бы, поскольку существует естественная любовь между двумя сестрами, обращенными в иудаизм, и эта любовь оказалась бы под угрозой, будь у них общий муж.

ПРИНЯТИЕ ЗАКОНА В КОЛЛЕКТИВНОМ И ИНДИВИДУАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ

Ответ на вышеуказанные противоречия заключается в том, как Авраам, Ицхак и Яков соблюдали Тору. То было лишь добровольно взятое на себя устрожение (и именно в силу этого было таким ценным в глазах Б-га). «За то, что исполнил Авраам волю Мою и следовал предостережению Моему, исполнил заповеди Мои, установления Мои и законы Мои» (Брейшис, 26:5). Если так, то в случае возникновения конфликта между данной

Б-гом заповедью и чем-то, принятым по собственному желанию, безусловно первое как исходящее от Б-га, имело бы большую силу по сравнению со вторым. Это ответ на простом уровне, почему Авраам не совершал обрезания до тех пор пока ему это не было велено, то есть до 99 лет. Дело в том, что кодекс сыновей Ноаха запрещал пролитие крови, даже если это и не приносило вреда. И хотя закон об обрезании перевесил этот запрет, Авраам смог сделать обрезание лишь тогда, когда это было заповедано Всевышним.

Помимо известных семи законов, были и другие ограничения, принятые на себя потомками Ноаха добровольно. Как говорит Раши, «народы мира воздерживались от разврата», то есть, даже от таких связей, которые не были прямо запрещены. Они сделали это, памятуя о потопе, который стал наказанием как раз за такой грех. Подобная логика действует и в другом месте. Когда Тора упоминает о смерти Тераха еще до того как мы узнаем, что Авраам покинул дом отца (хотя фактически это случилось раньше, чем тот умер), Раши говорит: «Такой порядок используется для того, чтобы люди не говорили, будто Авраам не оказывал подобающего сыну уважения к отцу». Уважение к родителям еще не было заповедано Всевышним, но поскольку народы мира приняли на себя эту обязанность добровольно, она приобрела в определенном смысле силу закона. Можно сказать, что Яков был наказан Б-гом за неуважение к родителям просто из-за того статуса, который приобрело принятое всеми решение. Отсюда следует, что в случае конфликта между добровольно взятыми на себя праотцами устрожениями, которые они приняли как отдельные личности, и добровольными ограничениями, которые приняли на себя все потомки Ноаха, последние имели бы преимущество перед первыми. Одним из таких ограничений, принятых в те времена всеми, была забота о том, чтобы не обманывать других. Это видно из обвинения, которое Яков бросает Лавану: «Почему ты обманул меня?» (Брейшис, 29:25). И Лаван пытается оправдываться, обнаруживая свое согласие с тем, что обман является грехом. Теперь мы можем понять, чем, кроме любви, был движим Яков, стремясь жениться на Рахели: он обещал на ней жениться и даже договорился о знаках, которые она должна была подать в ночь их свадьбы. Не жениться на ней было было равносильно обману, что явилось бы куда более серьезным нарушением по сравнению с взятым добровольно обязательством не жениться на сестре жены.

ВНИМАНИЕ К ДРУГИМ

Мораль, которую мы можем отсюда извлечь, состоит в том, что когда человек хочет взять на себя больше, чем от него требует Б-г, он должен сначала полностью удостовериться, что не делает этого за счет других. В самом деле, драгоценность Авраама в глазах Всевышнего проистекала не из того, что он стал соблюдать Тору еще до ее дарования, но скорее, как пишет Раши: «Из-за того, что Я знаю его, Я высоко ценю его, потому, что он заповедует своим детям и всему дому после себя держаться путей Всевышнего, творить добро и справедливость». Добровольно взятая задача совершенствования своей личности не должна решаться за счет другого (ни в материальном, ни в духовном смысле). Если один еврей ничего не знает о своем наследии и нуждается, образно говоря, в духовной милостыне, тот, кто в состоянии ему помочь, не

может сказать: «Лучше я потрачу время на самосовершенствование». Человек должен честно ответить себе на вопрос: «Стоят ли эти дополнительные улучшения во мне того, чтобы другой еврей оставался лишенным основ своей веры?» И тогда ему станет понятна та высшая правда, которая лежала в основе женитьбы Яакова на Рахели, а именно, что забота о других перевешивает соображения самосовершенствования, идущие за пределы данного Б-гом закона.

ВАИШЛАХ

Мы узнаем о замене имени Яакова на Исраэль (что указывает на принципиальное изменение и в характере личности). Впервые об этом поведал ангел, не сумевший его побороть (традиция сообщает: то был ангел Эйсав, а сама схватка олицетворяет неизбежно предстоящую тяжелую борьбу потомков двух братьев, в которой Эйсав не победит). Во второй раз говорит Всесильный: «Не Яаков должно быть впредь имя твое, а Исраэль». И тем не менее в Торе еще упоминается имя Яаков. В случае же с Авраамом после изменения его изначального имени – Аврам – оно уже никогда не повторяется в Торе. Чем это объяснить?

И имеет ли это для нас значение сегодня?

ПОЧЕМУ СОХРАНЯЕТСЯ ИМЯ ЯАКОВ?

Комментируя стих «Не Яаков должно быть впредь имя твое, а Исраэль»

(Брейшис,32:29), Талмуд ставит вопрос:

почему имя Яаков затем сохраняется в Торе?

Всякий, кто назовет Авраама Авраом, нарушает установление «не будешь впредь именоваться Авраомом» (Брейшис, 7:5). Если так, то же правило должно относиться и к тому, кто называет Яаковом Исраэля. Талмуд делает вывод, что имя Яаков в этом отношении отличается от имени Аврам. После того как Б-г дал Авраму новое имя, Тора никогда больше не называет его иначе. А Яаков называется в Торе Яаковом даже после того как ему было дано имя Исраэль.

Так почему сохраняется имя Яаков?

Существует хасидское объяснение, согласно которому имена «Яаков» и «Исраэль» отражают две стадии служения Б-гу, каждая из которых последовательно уместна в разные периоды религиозной жизни каждого еврея. «Исраэль» – более высокий уровень, но это не отменяет необходимости служения, заключенного в имени «Яаков».

ВНУТРЕННИЙ СМЫСЛ ИМЕН «ЯАКОВ» И «ИСРАЭЛЬ»

Различия между ними заключаются в следующем. Имя «Яаков» предполагает получение благословения хитростью и лукавством. В переводе с иврита «Яаков» – «облукавит». Он использовал хитрость для получения благословения, которое предназначалось Эйсаву. «Исраэль», наоборот, отражает получение благословения благородным путем. «Серара», лингвистически связанное с именем Исраэль, означает «в открытой манере». Как бы мы не интерпретировали Тору, ее буквальное значение

остаётся в силе: благословения Ицхака относились к физическому миру и к его благам – «И даст Г-сподь тебе от росы небесной и от туков земных» (Брейшис, 27:28).

Ради этих благословений Яков и Ривка пошли на большие жертвы и прибегли к обману. Якову пришлось облачиться в одежды Нимрода, взятые у Эйсав, чтобы взять в свои руки и трансформировать элементы физического мира, раскрыв их святость. Иначе говоря, освободить таящиеся в них искры святости.

Деяния отцов служат знаком для детей их. В чем для нас смысл поступка Якова? Хитрый человек не раскрывает своих искренних намерений. Кажется, что он следует путем своего оппонента, но в критический момент вдруг делает то, что собирался сделать с самого начала. Еврей в своих связях с материальным миром кажется им поглощенным: ест, пьет, зарабатывает деньги, но он делает это во имя Небес. Его цели не являются материальными, он носит «одежды Эйсав», но должен раскрыть и поднять «святые искры».

Путь служения, обозначаемый именем «Израэль», – это получить благословение «росы небесной и туков земных» путем «благородного и открытого поведения». У такого человека, когда он находится в мире, живет среди людей, нет необходимости скрывать свои истинные намерения служить Всевышнему. Он не испытывает напряжения, мир не имеет над ним власти и не скрывает от него таящуюся в себе Б-жественную природу.

Это можно проиллюстрировать разницей между едой в Субботу и в обычный день. Еде в будни присуще напряжение, создающееся между физическим актом и его духовной мотивацией. Это противоречие между внешним облачением и внутренним намерением – своего рода хитрость. Но еда в Субботу сама по себе есть выполнение заповеди, в ней проявляется заключенная в физическом мире святость.

В этом свете мы можем понять значение стиха: «не Яков должно быть впредь имя твое, а Израэль, ибо ты состязался с ангелом и с людьми и одолел». Под ангелами обычно подразумевается семьдесят небесных князей, через которых излучения Б-жественности текут в мир и поддерживают физическую природу. Тем самым они служат для сокрытия Б-жественности. «Люди» в данном контексте означают еще большую степень сокрытия, ибо люди способны отвратить еврея от исполнения воли Б-га. Потому первая фраза в «Шулхан Орух» (свод еврейских законов) предупреждает, чтобы мы не стеснялись насмешников. Основа всего служения Б-гу для еврея заключается в том, чтобы сломать барьеры, скрывающие Б-га.

В том и состояла доблесть Израэля, что он боролся и с ангелом, и с людьми и преодолел оба олицетворяемых этими понятиями вида сокрытия Всевышнего. Для него больше не существует преград, они фактически уступили благословениям. Он не только выиграл борьбу с ангелом (имеется в виду ангел-хранитель Эйсав), но ангел сам благословил его. Вот достижение, о котором в притчах Соломоновых (16:7) сказано: «он заставляет даже своих врагов быть с ним в мире».

БОРЬБА

Указанное различие согласуется с объяснением, данным в книге «Ликутей Тора» на стих: «не увидел провинности в Якове и не видел зла в Израиле» (Бемидбар, 23:2). На уровне, обозначаемом именем Яков, у еврея нет провинности, но он испытывает ущерб, его свобода от греха достигается только путем напряжения и борьбы,

потому что он должен преодолеть внешние преграды. Именно поэтому он называется «Яков – слуга мой», служение (на иврите «авода») отражает тяжелые усилия, требующиеся для возвышения физической природы человека (его «животной» души). Человек не совершает греха, но по-прежнему испытывает стремление к греху, которое он и должен преодолеть. А имя Исраэль не содержит «ущерба», в борьбе с «ангелом и с людьми» разрушены все барьеры, скрывающие Б-жественность. Он заставил замолчать свое дурное начало. Израилю нет необходимости бороться с силами, что мешают его восприятию Б-жественного. Его дальнейший прогресс целиком лежит в области святого.

ПОБЕДА ПОЛНАЯ И ПОБЕДА ЧАСТИЧНАЯ

Ребе Раяц рассказывал о Цемах-Цедеке (третьем Любавичском Ребе) следующую историю. Однажды во время собрания хасидов он вскочил на стол и в большом волнении воскликнул: «В чем разница между тем, что убито полностью, и тем, что убито частично?» Это относится к выражению Талмуда, что «частично» убить означает убить. Цемах-Цедек придал галахическому высказыванию хасидскую интерпретацию, применив его к убийству «злого начала», то есть стремления к греху. Даже частичное убийство является убийством. Мы должны убить злое начало по крайней мере частично.

По прошествии какого-то времени он продолжал: «А в момент, когда человек достиг точки “убийства”, жизнь приобретает новый характер».

Эти два высказывания Цемах-Цедека относятся к уровням служения, обозначаемым словами Яков и Исраэль. На уровне Якова все еще есть борьба между добрым и злым началами. Жизнь полна напряжения. Это – «частичное убийство». Но на уровне Исраэля, когда «убийство» совершено, жизнь трансформируется в абсолютно новую, наполненную покоем и духовными наслаждениями.

УРОВНИ ЖИЗНИ ПРАВЕДНИКА И СРЕДНЕГО ЧЕЛОВЕКА (БЕЙНОНИ)

Эти два уровня служения относятся к двум степеням внутри Б-жественной души. Имя Яков на иврите можно разделить, представив как букву «юд» и слово «экев» (пятка). То есть здесь ощущение Б-га, которого символизирует буква «юд», достигло только самых низших уровней души, оставляя тем самым возможность сокрытия, которое нужно преодолеть. С другой стороны, имя Исраэль содержит те же самые буквы, что слова «ли рош» (дословно: «голова принадлежит мне»). Вся душа, до ее высших пределов, пронизана знанием Б-га. Здесь невозможно сокрытие и не нужна борьба. Если говорить в общих терминах, то имя Исраэль означает цадика (то есть стадию полной праведности), а имя Яков означает бейнони (промежуточный уровень, доступный каждому человеку). Соотносясь с промежуточным уровнем, «Яков» означает служение в будние дни, а «Исраэль» – служение в Субботу. И даже на уровне полной праведности все еще существует аналогия и с именем Яков, и с именем Исраэль. Это ясно хотя бы из того, что Исраэля называют Яковом даже после изменения имени. В нем, как и в каждом еврее, Яков остается необходимым элементом служения Б-гу.

СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМЕНИ ЯКОВ

Из того факта, что уровень Якова, как мы упоминали ранее, свободен от греха и все же подразумевает постоянные усилия, следует, что еврей, хотя его борьба с противоречивыми желаниями трудна и сопряжена с риском, обладает силой, достаточной

для того, чтобы победить и оставаться свободным от греха. Ибо он есть «росток насаждений Моих, дело рук Моих» и «часть Всевышнего».

Так же, как ничто не в состоянии одержать верх над Б-гом, так и ничто не в состоянии одолеть еврея против его воли. И ему была обещана победа в этой борьбе, ибо сказано: «Не будут отвергнуты Им отверженные» и «У каждого еврея есть удел в мире грядущем».

Эти обещания (как и все слова Торы) имеют отношение к нашим сегодняшним духовным проблемам. Уверенность в конечной победе должна укрепить нашу радость в служении Б-гу, а эта радость, в свою очередь, внесет вклад в победу над нашей материальной природой и тем самым сократит саму борьбу. Предыдущий Ребе говорил: «Хотя солдат встречается лицом к лицу с опасностью, он идет на бой с радостной песней, и радость эта приносит ему победу».

Именно поэтому мы говорим по окончании Субботы: «не страшись, раб Мой Яаков». Ведь как объяснено выше, в Субботу еврей стоит на уровне, обозначаемом именем Исраэль, а по его окончании, когда мы возвращаемся к уровню «раба Моего Яакова» и к будничным трудам, нам говорится: «Не страшись!» Это не просто приказ, но и источник силы и радости, которые сократят труд и приблизят награду – вплоть до того момента, когда мы удостоимся времени, о котором сказано: «Вечная жизнь Субботы и покоя».

НОВОСТИ ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

БУДЕМ РАДОВАТЬСЯ

Веселые осенние праздники Суккос и Симхас Тойра донецкая еврейская общеобразовательная школа «Ор Менахем» отметила концертом в театре кукол. Перед зданием театра была выстроена настоящая сукка. Ее красиво украсили, и лучшими из украшений стали работы ребят из изостудии при еврейском общинном центре. Здесь можно было совершить обряд «Арбаа миним» – один из главных в Суккос.

Юные дарования очень ответственно подготовились к концерту и все же с трудом сдерживали волнение. Костя Брагинский, участник широко прославленного хора мальчиков «Пирхей Донецк», гордость школы, признался: «Это очень трепетный для нас день. Мы долго готовились к этому концерту и сегодня показываем новую программу. Так хочется, чтобы зрителям понравилось!» И еще как понравилось! Гости праздника горячо встречали выступающих, провожали их шумом аплодисментов, криками «Браво!», подпевали и скандировали «Молодцы!»

В приветственном слове главного раввина Донецка Пинхаса Вышецкого в этот день звучали и радость, и боль, понятные каждому еврею.

– Мы будем радоваться вопреки трудностям и неприятностям, наперекор стрельбе и смерти, которые сейчас в Израиле, – сказал он, – потому что знаем: судьба нашего народа во многом зависит от того, как он исполняет заповеди Торы. А с праздниками связана заповедь радоваться!..

Участники концерта проникновенно читали стихи о Суккос, встречали «ушпизин» (семь традиционных гостей праздника, начиная с праотца Авраама), пели на иврите, идише, русском, танцевали, даже показывали фокусы, – и все талантливо, вдохновенно, с горящими от счастья глазами. А сколько умиления вызвало выступление детишек из еврейского детского сада!.. Словом, все удалось на славу.

Праздник Суккос называют еще праздником единства еврейского народа. Это почувствовали все, побывавшие на концерте.

Ėay Āeàç

СКОРО ВОССТАНОВИМ СИНАГОГУ В КОСТРОМЕ

Шесть лет назад, когда в Костроме возродилась еврейская община, сразу встал вопрос о помещении. Что было долго искать, когда в городе еще сохранилось дореволюционное здание синагоги?

Синагога в Костроме появилась в самом начале XX века. До революции здесь была довольно сильная в экономическом отношении община. Город не входил в черту оседлости, поэтому в нем пускали корни бывшие николаевские солдаты-кантонисты и мастера редких ремесел. К началу века община разрослась, и в 1903 году евреи обратились к губернатору за разрешением построить молельный дом. Ответ из Санкт-Петербурга был получен довольно скоро: синагоге быть!

Место под постройку выбирали тщательно, пока, наконец, не остановились на участке в районе Сенной площади. Строительство длилось четыре года, и в 1907-м синагога открыла двери. Это был добротный двухэтажный дом, полностью удовлетворявший потребности общины...

Впервые мы вошли в это здание в октябре 94-го: крыша текла, висели куски обоев и проводки, везде горы грязи – вот что осталось нам от бывших хозяев. И теперь нам, истинным хозяевам, предстояло добиться его законного возвращения и все восстановить.

В 1998 году мы получили это здание в собственность. Ни на минуту не прекращался поиск средств на восстановительные работы. И первыми, кто нам помог, оказались, во-первых, Джойнт, во-вторых, община «Бейт Эль» из Вашингтона, поддержали и местные спонсоры.

Едва позволив себе легкий косметический ремонт, несмотря на неустроенность, под одной крышей разместились все еврейские организации города. Необходимость капитального ремонта не давала нам сидеть сложа руки. И вот наконец в текущем календарном году потраченные усилия увенчались успехом. Проектная организация, которую возглавляет член нашей общины Леонид Росинский, после кропотливой подготовительной работы составила генеральный план реконструкции синагоги, благоустройства ее территории. На осуществление плана требовалось около трех миллионов рублей!

Своими силами нам не собрать таких денег, – обратились в Джойнт, ФЕОР, к местному отделению РЕК. Мы очень благодарны всем, кто откликнулся и по сей день помогает общине. Из костромских бизнесменов это Эдуард Магергут, Михаил Веремьев. Поддержал нас и помощник мэра города Борис Боярский и другие. Михаил Бейзер (Джойнт, Иерусалим) предоставил на реконструкцию молельного зала в рамках проекта десять тысяч долларов США.

Когда начали укреплять фундамент здания, все поразились: пришлось заменить всего один ряд бревен! За почти что сто лет сгнило одно-единственное бревно, непосредственно прилегающее к фундаменту здания.

Все, что было необходимо сделать до холодов, сделано. Идут внутренние отделочные работы, ведут их специалисты фирмы «Либер» и «Костромареставрация». Работа кипит!

К лету мы надеемся полностью завершить реконструкцию синагоги, благоустроить территорию, сделать ограду, установить менору во дворе. Очень надеемся, что удастся получить и прилегающее здание – бывший дом раввина Мазовецкого. В свое время именно он руководил строительством синагоги. Об этом хорошо написано в книге его внучки, Эры Мазовецкой, проживающей сейчас в Израиле и возглавившей там костромское землячество. В доме раввина мы мечтаем открыть детский садик и школу...

Много сделано, но и много еще предстоит: например, построить биму, сделать Арон Койдеш, нужна соответствующая мебель... Общине необходима помощь опытного дизайнера, специалиста по интерьерам синагоги... Теперь мы уже уверены, что скоро будет в Костроме добротная, красивая синагога, а в ней полнокровная еврейская жизнь, ведь евреи, слава Б-гу, у нас не перевелись!

אי אדע יואדא

i daidadao aeu Eino di i neie

daeeai ci ie iau ei u

«А ИДИШЕ МОМЭ» В ДОНЕЦКЕ

Накануне Рош а-Шона здесь произошло знаменательное событие, в особенности для женщин: состоялась презентация нового журнала «А идише момэ». Настроение вечеру задали любимица Донецкого края народная артистка Украины Алина Коробко и ее талантливый аккомпаниатор Людмила Боролицкая, которые исполнили знаменитую песню, давшую название журналу. Выступали не только артисты, но и будущие авторы и сотрудники журнала, яркие, интересные люди. Особенно горячо были встречены матери-родительницы журнала – источник идей и вдохновительница издания Дина Вышецкая и главный редактор Ольга Пыпенко, которая потратила много сил, чтобы журнал увидел свет, а свет увидел журнал. Они пожелали своему детищу долгой и счастливой жизни в кругу большой счастливой мишпохи.

Каким будет журнал? Литературным и философским, безусловно, познавательным и женским – в самом широком смысле. Все собравшиеся захотели получать новый журнал, и тут же, в фойе, были оформлены первые подписные квитанции. Пусть это издание станет достойным собеседником, советчиком, настоящим другом каждой еврейской мамы, будущей в том числе!

Öpi à Ááí çäëü

ВИЗИТ ГЛАВНОГО РАВВИНА РОССИИ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

31 октября главный раввин России Берл Лазар прибыл с визитом во Владивосток. В тот же день встретившись с губернатором Приморского края Евгением Наздратенко, он выразил удовлетворение тем, что краевые власти передали еврейской религиозной общине здание владивостокской синагоги, в котором долгое время размещалось госучреждение. Затем был обсужден вопрос о создании в городе еврейской школы. Федерация еврейских общин готова взять на себя финансирование проекта, а губернатор обещал рассмотреть вопрос о предоставлении соответствующего здания. В ходе встречи Евгений Наздратенко в частности сказал: «Российская культура, наука немыслимы без еврейской диаспоры. И мы должны сделать все, чтобы остановить ее исход».

Во встрече также принимали участие главный раввин Хабаровска и Дальнего Востока Яков Снетков и председатели попечительского совета еврейской общины дальневосточного региона Навруз Мамедов, владивостокской еврейской общины Владимир Янкелевич, Совета председателей Федерации еврейских общин России Марк Грубарг.

НБ. Лазар вручил Е. Наздратенко серебряный ханукальный светильник.

Б. Лазар на пресс-конференции во Владивостоке.

На пресс-конференции, прошедшей после встречи с губернатором, главный раввин России отметил благополучную атмосферу, в которой живет еврейская диаспора края. Религиозная община Владивостока уже составляет около трети от примерно 6 тысяч человек, проживающих в краевом центре Приморья. «Они в любой момент могут уехать отсюда, но все реже и реже пользуются этой возможностью», – сказал Берл Лазар. Он также привел среднероссийскую статистику еврейской эмиграции: в последнее время из более 1,5 миллионов человек, проживающих в стране, в год ее покидает не более 40 тысяч, что гораздо меньше, чем в первые постсоветские годы. «Российские власти на всех уровнях пришли к выводу, что лучшая национальная идея для России – это развитие культур всех ее народов. Сегодня у российских евреев есть стабильность, будущее», – уверен главный раввин России.

Б. Лазар, Л. Тойтман и Н.Волков открывают биробиджанский еврейский общинный центр.

До прибытия во Владивосток еврейский лидер побывал в Смоленске, Нижнем Новгороде, Казани и Челябинске, а отсюда отправился в Биробиджан, где его ожидала встреча с руководством Еврейского автономного округа. Здесь, вместе с губернатором области Николаем Волковым и председателем еврейской общины «Фрейд» Львом Тойтманом, он принял участие в церемонии открытия первого в регионе еврейского общинного центра – двухэтажного здания, вместившего синагогу, библиотеку, информационный центр, компьютерные классы. В состоявшейся затем беседе главного раввина России с губернатором была достигнута договоренность об открытии в ближайшее время еврейской школы в Биробиджане. Кроме того, губернатор просил прислать в городскую общину раввина.

На встрече с руководителями еврейских общин Приморского края.

На встрече с Н. Волковым.

На встрече с К. Пуликовским.

2 ноября Берл Лазар встретился с полномочным представителем Президента РФ по Дальневосточному федеральному округу Константином Пуликовским в Хабаровске. Кроме прочих, они затронули тему межнациональных конфликтов. «Лакмусовой бумажкой уровня цивилизации в обществе» назвал полпред положение национальных меньшинств и пообещал сделать все, чтобы еврейская диаспора чувствовала себя на Дальнем Востоке как дома. В свою очередь главный раввин России выразил уверенность, что через несколько лет «Россия будет намного более процветающей и богатой и займет полагающееся ей место в мировом устройстве». Во встрече также участвовали Яков Снетков, Навруз Мамедов и Марк Грубарг.

На встрече с хабаровскими евреями.

На встрече с Е. Наздратенко.

Посетив синагогу, общеобразовательную школу «Ор Авнер» на 60 детей, встретившись с представителями деловых кругов региона, главный раввин России 3 ноября возвратился в Москву.

В поездке по Дальнему Востоку принимал участие президент Федерации еврейских общин России Михаил Глуз.

В хабаровской еврейской школе.

Наи ай хадїтїе

ЧЕЛЯБИНСК: В ОБЛАСТНОМ ЦЕНТРЕ ОТКРЫЛАСЬ СИНАГОГА

24 октября главный раввин России Берл Лазар торжественно открыл отреставрированное здание Челябинской синагоги. Она была построена еще в начале века, и время превратило ее почти в развалину. После проведенной в последние годы реконструкции синагога вновь начала действовать. В торжественной церемонии также приняли участие губернатор Челябинской области Петр Сумин и главный раввин Челябинска Меир Кирш. В эти же дни состоялась торжественная закладка «первого камня» в фундамент будущего Челябинского еврейского общинного центра, а также презентация выставки «Истоки», предоставленной посольством государства Израиль. Кроме того, в тот же день прошло чествование евреев-ветеранов Великой Отечественной войны, членов организации «Ветеран», которой в эти дни исполняется 5 лет.

Оддї-ї ддїї-ей оїдї

СКОЛЬКО НОВОГО В ПЕТЕРБУРГЕ!

Уже два года в Большой Хоральной синагоге Петербурга ведется реконструкция, идут реставрационные работы – впервые более чем за столетнюю ее историю. И сделано немало: восстановлены кровля и уникальный купол сложной конфигурации, исторический облик центрального фасада. Пришедшие на торжественное собрание в канун Рош а-Шона члены общины: бизнесмены, творческие работники, сотрудники еврейских организаций, учащиеся школ и воспитанники детских садов стали свидетелями замечательного события, приуроченного к празднику, – открытия центральной части большого молельного зала. Казалось, то ли стены раздвинулись, то ли выше стала крыша, – так

преобразились и арон-койдеш, и уникальная люстра, даже скамьи с именными табличками (самые недоверчивые ощупывали и простукивали эти скамьи: отреставрированные или все-таки новые?).

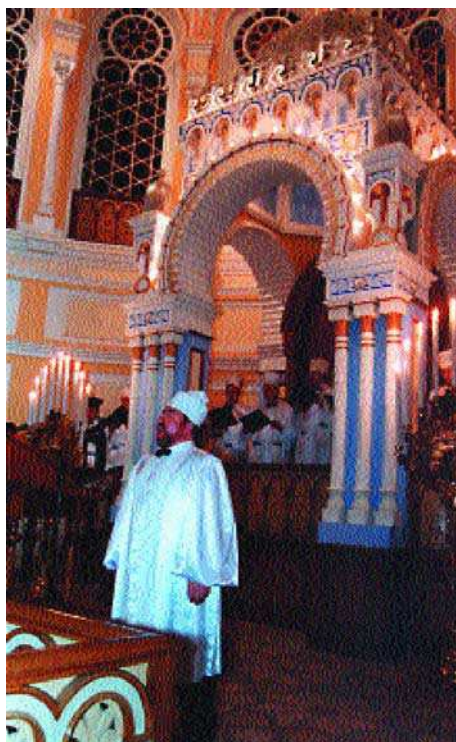

Главный раввин С-Петербурга М.-М. Певзнер.

Вручение памятных подарков.

Сразу после выступлений главного раввина Петербурга Менахема-Менделя Певзнера, поздравившего собравшихся с наступающим 5761 годом, и председателя общины Марка Грубарга заслуженно получил слово руководитель проекта реставрации Большой Хоральной синагоги Тамаз Сепиашвили. Обратив внимание на восстановленные витражные окна, посеребренную люстру, изысканный лепной декор, нарядный керамический пол, к тому же оснащенный подогревом, он рассказал о реставрации интерьеров северного крыла, о сложности предстоящей реконструкции инженерных коммуникаций и внутренних перекрытий. Качество проводимых работ, заверил он, будет неизменно высоким, ведь реализуют проект лучшие специалисты города. Основные работы выполняют фирмы «Арт-Эксперт» (генеральный директор М.Ю.Асеев) и «Интарсия» (генеральный директор В.Г.Смирнов), проектные возглавляет заместитель генерального директора НИиПИ «Спецпроектреставрация» В.Д.Голуб.

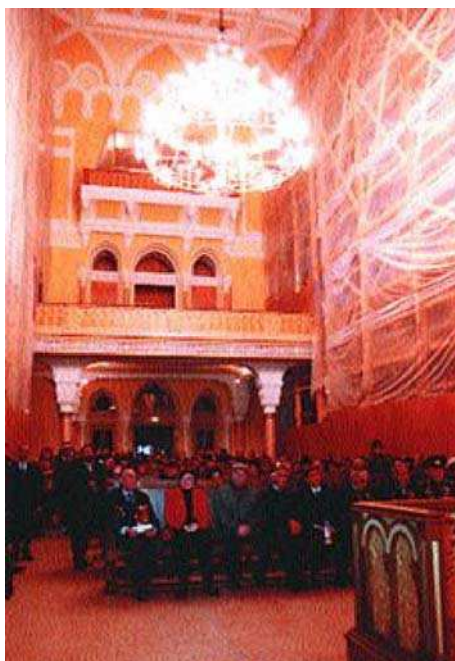

Главный кантор Большой Хоральной синагоги Б.Финкельштейн.

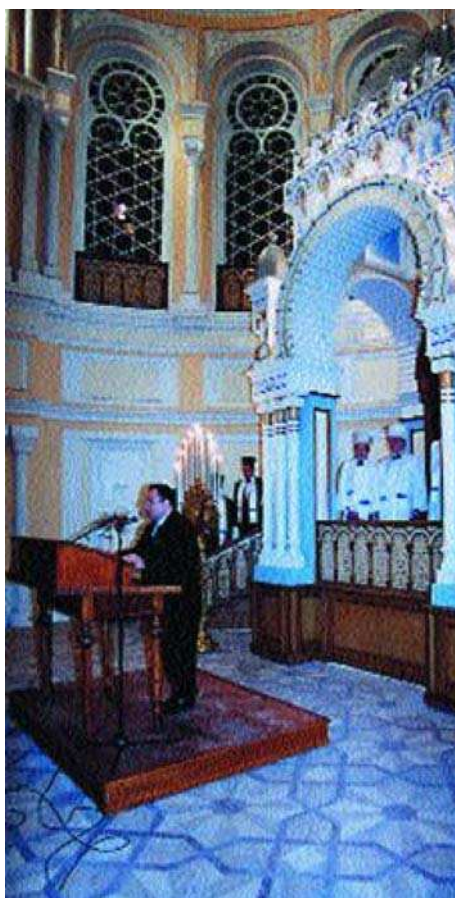

Председатель С.-Петербургской еврейской религиозной общины М.Д. Грубарг.

В этот вечер прозвучало много теплых слов. Выступили и вице-губернатор Петербурга М.Г.Михайловский, и консул Израиля Шмуэль Полищук, и консул США Пол Смит. Блестящим выступлением украсили торжество главный кантор Борух Финкельштейн и хор Большой Хоральной синагоги. А активно помогавшим синагоге в течение всего года В.Когану, Г.Щербаковскому, А.Несису, А.Сливянику и К.Мирилашвили в благодарность были вручены от руководства общины памятные подарки.

Завершилось торжество фуршетом в новом кошерном ресторане «Шалом». Он открылся благодаря энергичной деятельности Т.Сепиашвили. В уютном интерьере ресторана, где блюда по-домашнему вкусны, высокий сервис, подводя итоги уходящему году, строили планы на новый... Дай Б-г, чтоб он был еще более успешным!

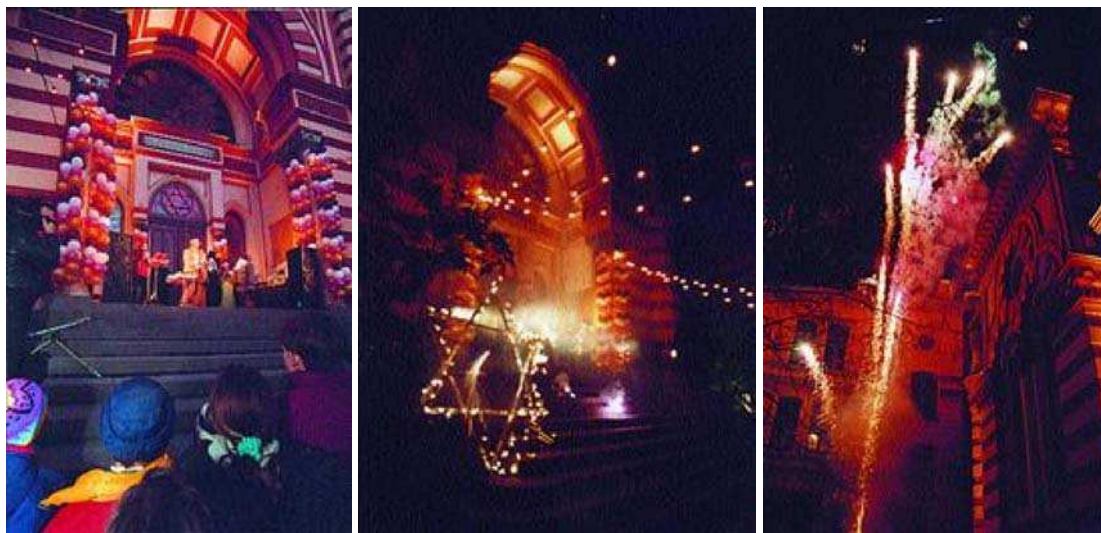

Руководитель проекта реставрации Большой Хоральной синагоги Т.А. Сепиашвили.

יְאֵדֵי אֱלֹהֵינוּ אִם

ФЕСТИВАЛЬ В ПЕТЕРБУРГСКОЙ СИНАГОГЕ

Чтобы как можно лучше исполнить заповедь радоваться в праздник Суккос, организация Бейс-Хабад и Еврейская религиозная община Петербурга объединились. Они задумали фестиваль и постарались так, что уже одно праздничное убранство синагоги и ее двора, украшенных со вкусом, переливающихся гирляндами разноцветных огней, создавало весьма приподнятое настроение.

За два дня в фестивале приняло участие больше тысячи человек. Особенно многолюдным был второй день праздника, в котором участвовала преимущественно молодежь. Программа изобиловала оригинальными выступлениями всевозможных жанров. Многочисленные конкурсы, викторины подзадоривали всех от мала до велика.

Всеобщий восторг вызвали выступления артистов оригинального жанра – «человека-оркестра» Леонида Кондакова и фокусника Марка Лейбовича, задействовавшего в своих номерах и зрителей к большому их удовольствию. Миша Жуков и Ася Цырюльник из «Гилеля» по-настоящему заводили молодежь. Пение кантора Большой Хоральной синагоги Боруха Финкельштейна и солиста Малого оперного театра им. М.П.Мусоргского отразило духовную высоту праздника. А когда зазвучали еврейские мелодии в исполнении московского оркестра «Халом» под управлением Мирона Черного, на месте было просто невозможно устоять. И закружились по двору синагоги многочисленные хороводы!..

Здесь царил самая непринужденная, радостная атмосфера. Чтобы пригласить пришедших выступить на празднике, практически не приходилось повторять дважды, многие сами подходили к микрофону, чтобы рассказать что-то смешное или спеть.

Все участники фестиваля побывали в сукке, приняли участие в фуршете. Немало евреев выполнили заповедь о лулаве, некоторые впервые: взяв букет из четырех растений и этрог, сказали традиционное благословение. Закончился праздник грандиозным фейерверком, даже у прохожих на Лермонтовском проспекте вызвавшим добрые улыбки. Вот что бывает, когда евреи вместе!

Àëàèñàí àä Í ààñèèé

ПЛЕНУМ АЕОК В АЛМАТЫ

Второй пленум правления и общественного совета Ассоциации еврейских общин Казахстана в дни праздника Суккос собрал в Алматы представителей еврейских общин, развернувших благотворительную деятельность в 18 городах республики. Всего год существует АЕОК, но, по мнению многих общественных деятелей, сегодня она уже заняла достойное место среди всех негосударственных благотворительных организаций республики, в чем значительную роль сыграла поддержка международного фонда «Ор Авнер – Хабад-Любавич».

Клезмерский ансамбль Симха

Пленум открыл президент Ассоциации профессор медицины Лев Иоффе. Обозначив структуру, цели и задачи АЕОК, он подробно рассказал о взаимодействии с Фондом «Ор Авнер» и Федерацией еврейских общин стран СНГ, членом которой является

АЕОК. Далее на пленуме обсуждались вопросы текущей жизни, перспективные планы. Было отмечено, что многие проблемы, требующие безотлагательного решения, при поддержке Ассоциации решаются быстрее и эффективней.

Израэль Мей-Ами.

С большим интересом деятели еврейских общин ознакомились с работой не имеющего аналогов в республике еврейского учебно-воспитательного комплекса «Ор Авнер-Гершуни», уже более года работающего при АЕ-ОК. Детский сад и пансион с собственными кошерной столовой, спорткомплексом, печатным органом, прогрессивные методики обучения, оригинальные компьютерные программы – далеко не полный перечень достоинств этого комплекса. Здесь же его директор Зеев Виноградов и старейший преподаватель иврита в Казахстане Лариса Розина провели с гостями семинар по использованию различных методик в изучении традиций, культуры, искусства, музыки.

Благодаря АЕОК естественным и закономерным явлением еврейской жизни Казахстана, как отмечалось на пленуме, стал еще один учебно-воспитательный проект – национальная школа в Алматы. Сегодня в ней учится уже 115 детей – почти втрое больше, чем год назад.

Элико Чиковани

Быстрыми темпами ведется строительство собственного здания АЕОК. С введением его в строй сразу будет развернуто еще несколько проектов. В первую очередь, в рамках благотворительной программы откроются собственные медицинский центр, санаторий, аптека, кошерная столовая. Планируется создание воскресных школ, семейных и женских клубов, причем не только в столице Казахстана, а и по всей республике.

Особая часть благотворительной программы Ассоциации – уход за еврейскими кладбищами.

Лев Йоффе.

Для участников пленума в республиканском Доме ученых состоялся концерт, «гвоздем» которого стали выступления девятилетней скрипачки Элико Чиковани и клезмерского ансамбля «Симха», специально приехавшего из Казани. Присутствующий здесь посол Израиля в Казахстане и Кыргызстане Исраэль Мей-Ами сказал нашему корреспонденту: «Ассоциация еврейских общин вносит большой вклад в развитие еврейской жизни в этой стране. Школа, созданная в ее рамках, – это элитное учебное заведение. Я часто бываю там и по-хорошему завидую тому уровню, на котором еврейские дети получают образование. Кроме того, Ассоциация ведет довольно интенсивную деятельность в культурной жизни евреев Казахстана, и, пользуясь случаем, хочу поблагодарить ее и особенно Фонд «Ор Авнер – Хабад-Любавич» в лице его президента – известного общественного деятеля Леви Леваева за ту активную деятельность, которую они вместе развивают в Казахстане».

Ааааа ВІ

ПЕРВЫЙ ЕВРЕЙСКИЙ ЛИЦЕЙ В СИБИРИ

По старинному еврейскому обычаю, перед тем, как ребенку приступить к изучению алфавита, буквы смазывали медом. Произнеся первую букву – «алеф», он слизывал мед, и уже на всю жизнь, как бы иной раз ни горьки были перипетии судьбы, на самом доньшке его души всегда сохранялся сладкий вкус еврейства. И ученики новосибирского лицея «Ор Авнер», впервые распахнувшего свои двери в этом учебном году, можно не сомневаться, тоже сохранят тот вкус на всю жизнь.

Чтобы у еврейских детей появилось такое учебное заведение, много потрудились главный раввин Новосибирска Залман Заклас, ему помогала жена Мирьям. Только год, как они приехали сюда, а уже сумели организовать не одно хорошее дело. В создание лицея внесла свой весомый вклад и религиозная община города «ЯТад» во главе с Менделем Цавковичем Щитницким. А возглавил его очень уважаемый человек – профессор Борух Хенкин.

В программе лицея предусмотрено всестороннее развитие детей. Здесь высокие требования к преподавательскому составу, приглашены учителя высшей категории. Образование ребята получают на высоком международном уровне – с математическим и техническим уклоном, с хорошими ивритом и английским. В лицее отлично оборудован компьютерный класс. Постоянный контакт с иерусалимским Политехническим институтом «Махон Лев» позволит выпускникам при желании продолжить образование в Израиле. Организаторы лицея обещают обеспечить возможность поступления и в престижные вузы России и США.

В лицее предусмотрены бесплатное двухразовое кошерное питание, доставка учеников в лицей и домой, охрана. Создаются все условия, чтобы учиться нашим детям было сладко. «Ор Авнер» – в добрый путь!

Еау І еейі іораі

ОСЕННИЕ ПРАЗДНИКИ В ВОЛГОГРАДЕ

Волгоградские посиделки

Уже полгода при Волгоградском еврейском общинном центре с несколько необычным для городской реальности названием действует клуб «Посиделки». Раз в месяц собираются пожилые люди, семейные и одинокие, чтобы повидаться со старыми друзьями, встретить новых. Всякий раз они узнают здесь что-то новое об истории и традициях своего народа.

Приходят посетители в клуб, а их уже ждут красиво и щедро накрытые столы. Удобно устроившись, все дружно запевают гимн клуба, написанный его членом Мариной Полянской:

יְיָ אֱלֹהֵינוּ, אֵלֵינוּ יָדֵינוּ

עֵשָׂנוּ

אֵלֵינוּ יָדֵינוּ יָדֵינוּ יָדֵינוּ

יְיָ אֱלֹהֵינוּ יָדֵינוּ יָדֵינוּ

אֵלֵינוּ

יְיָ אֱלֹהֵינוּ יָדֵינוּ

«יְיָ אֱלֹהֵינוּ»..

Раввин Залман Иоффе, директор благотворительного центра «Милосердие» Тамара Ройзен и библиотекарь Вера Кузнецова рассказывают собравшимся о приближающихся праздниках и памятных исторических датах, о событиях текущей еврейской жизни. А слушают их с самым неподдельным интересом. И не только потому, что наши ветераны не утрачивают с годами природной любознательности. Членам клуба предстоит продемонстрировать приобретенные знания в викторинах, – такой здесь способ «закреплять материал».

Координаторы благотворительного центра Абрамова Лена и Романова Марина, разделив присутствующих на две команды, тут же оживляют зал. Участвуют в викторинах наши пенсионеры темпераментно, азартно, – что там годы! А победителей ждет оригинальная «медаль» – медовый кошерный пряник на атласной ленточке, красивый, аппетитный. Такую награду придумали сами устроители викторины.

Среди членов клуба не счесть талантов. Одни пишут стихи и с чувством их декламируют. Виталий Израилит, к примеру, делает поэтические переводы с идиша Переца и с английского – Шекспира. Есть в клубе и «киноман» –

3. Финкельштейн, он рассказывает собравшимся о новых фильмах, устраивает свои викторины.

На «посиделках» есть хорошая традиция поздравлять с днем рождения всех, кто родился в текущем месяце, и у поэта клуба Марины Полянской для каждого без исключения находятся теплые слова.

Í àí ðààèáí í îñòü ðàçèè-í àÿ

Àüáááò àÿèèé ðàç

À í óáèèèà í òèè-í àÿ,

Í ñ ááÿ ó í àñ

Так поется в гимне клуба. Второй вторник каждого месяца открываются двери Волгоградского еврейского общинного центра для людей с особой судьбой – для вас, евреи...

Àèáí à Áí í áàððááá

Осень для евреев богата праздниками. Кто не любит Суккос, Симхас Тойру?! Местной особенностью праздника Кущей в этом году стало благожелательное отношение властей к потребности религиозной общины выстроить традиционный шалаш. Необходимые согласования прошли без проволочек, и выросла в центре городского сквера напротив синагоги сукка. В общей сложности здесь побывало, выполнив мицву о лулаве, несколько сотен человек: прихожане синагоги, члены семейного клуба «Бейтиют», воспитанники воскресной школы «Возрождение», учащиеся средней школы «Ор Авнер» и ребята из молодежного клуба.

В обществе большей частью доброжелательно относятся к соблюдению традиций. Горожане заходили в сукку, спрашивали и слушали с нескрываемым интересом. Правда, ночью пьяные вандалы попытались было разрушить шалаш, но не удалось, и главный раввин Волгограда Залман Иоффе с молодыми помощниками все восстановил за десять минут.

Интересно отмечают праздники в школе «Ор Авнер». Вот и к Симхас Тойре здесь подготовились все от мала до велика – приняли участие в художественном конкурсе. В результате стены школы украсили двенадцать плакатов с мудрыми изречениями из Торы и красочные рисунки по книге Брейшит.

Ребята очень постарались, подготовив к празднику внушительное театрализованное действо – своеобразный «живой календарь», каждая страничка которого посвящена одной из пяти книг Торы. Последовавшие за ним разнообразные конкурсы и игры обернулись взрывами веселья и смеха. Все забыли о времени и разнице в возрасте. Заповедь веселиться выполнили на все сто!

Кроме традиционных еврейских праздников, осенью обычно отмечается еще один – любимый и давно почитаемый российский праздник День учителя. В «Ор Авнер» к

этому дню приурочили конкурс актерского мастерства. Желающих испытать свои актерские способности было хоть отбавляй, и сложности никого не пугали.

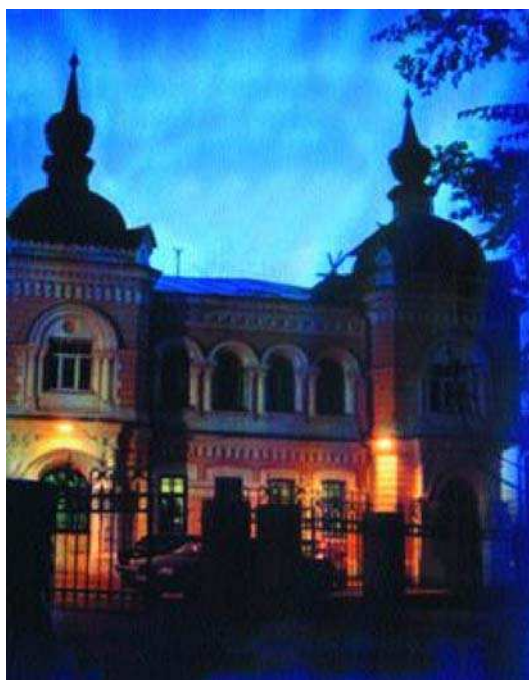
Сможете вы, например, показать, что бежите на поезд, теряя вещи, рассыпав яблоки, и тут же представить себя плывущим в море... под зонтиком?.. А сколько было эмоций, когда восьмиклассник Ленья Ройзен в конкурсе «Праздники месяца Тишрей» стал побеждать любимую всеми учительницу литературы Ольгу Яковлевну Лянцман! Даже Залман Иоффе, поддавшись всеобщему азарту, взялся за подсчет голосов.

Еврейская жизнь основана на духовном начале, на стремлении не огорчать, а радовать других, делать добро. Взрослые и дети постарались из этого исходить и получили наслаждение – быть нужными друг другу. По сути все наши праздники – праздники Единения. Как Тора чудесным образом объединяет нас всех, живущих в разных уголках мира, так радостно объединяемся мы по их поводу и чувствуем: как хорошо быть вместе!

Byei Etóóá Oai ada Díéçai

НИЖНИЙ НОВГОРОД: НОВАЯ ЕВРЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ

В этом старинном русском городе, сейчас по населенности и развитию экономики третьем в России, евреи получили право селиться только немногим более полутора сотен лет назад. Первыми были отставники-кантонисты с семьями. Других приводила сюда знаменитая нижегородская ярмарка, третьих – первая мировая война. Особенно увеличилось еврейское население в годы Советской власти.

Значительная община здесь сложилась еще задолго до революции, и в 1883 году на ее средства была построена синагога. К сожалению, еврейская история ее была довольно короткой: в 1938-м власти национализировали здание, разместив в нем металлообрабатывающие и столярные цеха. Там они и проработали до 1991 года, пока синагогу не вернули еврейской религиозной общине.

Раввин Нижнего Новгорода Ш.Бергман.

Приятно отметить, что воссоздать в ней естественную атмосферу удалось в относительно короткий срок. Как и много лет назад, стали проводиться богослужения, отмечаться праздники. При синагоге открылись воскресная школа для детей, библиотека, молодежный центр «Хаим». Нашлось место и союзу евреев-ветеранов Великой Отечественной, и музею истории нижегородского еврейства. Здесь же открылась благотворительная кошерная столовая.

Нельзя сказать, что возродить еврейскую жизнь было просто: годы Советской власти сделали свое, народ оказался оторванным от родного наследия. Труднее всего руководству общины удавалось привлечь молодежь, детей. Мешала и разобщенность в работе еврейских организаций. Жизнь требовала качественно изменить работу.

Новый руководитель религиозной общины Эдуард Чапрак и приглашенный им раввин Шимон Бергман, оба инициативные, энергичные, за короткий срок осуществили ряд важных новаторских проектов. При помощи благотворительного Фонда «Ор Авнер – Хабад-Любавич-Нижний Новгород» им удалось сначала открыть первый в Нижнем еврейский лицей (на базе гимназии №2) – с бесплатными обучением, кошерным питанием, доставкой в школу и домой, квалифицированной медицинской помощью, даже спортивным комплексом, затем впервые в истории города появился и детский садик с теми же бесплатными услугами. Для него подобрано хорошее помещение. Сверх типовой российской программы для дошкольных учебно-воспитательных заведений введены специализированные предметы: иврит, национальные музыка и танцы, знакомство с еврейской традицией. Кроме того, для дошкольников здесь на выбор работают кружки: английского языка, хореографии, музыкального воспитания, спортивный, есть даже компьютерный класс. Шимон Бергман и его жена Яэль сами опекают эти заведения, следят за обучением, качеством питания и, конечно, непосредственно общаются с детьми.

Неофициальные синагоги в годы советской власти.

Замечательной традицией в Нижнем Новгороде стали детские оздоровительные лагеря. Город стоит на живописнейших берегах при слиянии Волги и Оки. Отдых в лагере

чередуется с учебой, по еврейской традиции зачастую в игровой форме, прекрасной познавательной и развлекательной программой. За две смены в лагере побывало 140 детей. Впервые сюда приезжали дети из другой области – города Вятки.

Прошедшим летом мальчики и девочки отдыхали отдельно. Вожатыми первых были американцы, вторых – израильтянки и нижегородки. Шести мальчикам в лагере сделали обрезание.

Выступление раввина Ш.Бергмана перед участниками Великой Отечественной войны.

Наконец-то еврейская жизнь, в какой-то момент войдя в русло, уже потекла своим чередом, ширясь и кипя. В жизни Нижнего произошло еще одно важное событие: при синагоге открылась йешива – религиозное учебное заведение. И в этом, конечно же, огромная заслуга раввина Шимона Бергмана. Знаток Торы и других драгоценных для нашей традиции источников, он всегда привлекает слушателей интересными комментариями, беседами.

В нижегородской синагоге.

Благодаря Шимону Бергману и председателю общины Эдуарду Чапраку произведен полный капитальный ремонт синагоги. Это историческое здание стало одним из самых красивых и благоустроенных в России. В синагоге составлен банк данных на тысячу еврейских семей города, они регулярно получают приглашения на праздники, журнал «Лехаим». Праздники в Нижнем отмечаются с размахом, весело.

Невозможно перечислить всевозможные направления национальной жизни, назвать все ее организационные формы. Надо сказать, что в ней задействованы разные возрастные категории и вполне широко. Помнят здесь о жертвах Холокоста, на еврейском кладбище им открыт памятник.

На еврейском концерте в Нижнем Новгороде.

Молящийся в синагоге .

В детском саду.

Отправка в летний лагерь.

Прогулка на пароходе по Волге.

Необходимо вспомнить еще об одной важнейшей задаче, поставленной руководством религиозной общины: добиться дружелюбного отношения соседей к деятельности синагоги, к религиозной общине, еврейству в целом. И это удастся. Неевреи, в том числе школьники, приходят в синагогу на экскурсии, даже во время молитв. Были случаи, когда в подарок приносили старые еврейские молитвенники. Профессор Ю.С.Лезин принес в музей синагоги учебник математики своего школьного учителя еврея. Интеллигенция тепло относится к деятельности синагоги. Установлены дружеские отношения между духовными лидерами области.

Конечно, нельзя сказать, что еврейская жизнь проходит совершенно бесконфликтно. Были случаи, когда на еврейском кладбище разрушали памятники. Но все

возникающие трудности руководством общины разрешались мудро и быстро. Дай Б-г, чтобы не хуже было и в других общинах!

Дуаи Неи еи

ТИШРЕЙ В РИГЕ

Подготовку к Рош а- Шона рижский центр «Хабад-Любавич» начал загодя, первым делом разослав по всей Латвии более 2000, как всегда прекрасно иллюстрированных, календарей на новый, 5761 год, и небольшие издания, рассказывающие о Царице Субботе. В канун праздника «Хабад Любавич» организовал замечательную семейную программу.

Она началась актуальной для праздника темой: хозяек, которые еще не умели готовить традиционные праздничные блюда – леках, фаршированную рыбу, цимес, – этому научили опытные кулинары. Затем, объединившись с детьми, родители с нежностью и гордостью смотрели на своих чад, подготовивших для них представление. В завершение дружно спев праздничные песни, все приступили к самой азартной части праздника - конкурсам. Между прочим, здесь не взрослые, а дети – кто с жаром, кто тихонечко, деликатно, помогали «недообразованным» в области еврейских традиций родителям отвечать на вопросы, к примеру, викторины о праздниках Тишрея. Было весело, и каждый вынес для себя какие-то новые знания, новый опыт.

В Рош а-Шона в синагогу евреи шли целыми семьями. Чтобы услышать звук шофара собралось 400 человек! Было здесь и традиционное угощение. Огромное впечатление на многих произвел обряд Ташлих – обычай у водоема расставаться с прошлогодними грехами. Собравшись в таком количестве вместе, евреи, вдохновленные церемонией, пустились в пляс прямо в парке у канала!

Чтобы на Рош а-Шона и Йом-Кипур собрать миньян в Даугавпилсе и Лиепae, «Хабад-Любавич» пригласил двух будущих раввинов из Израиля. В «Грозные дни», предшествующие Субботе Суббот – Йом Кипуру, они побывали в Лудзе, Екабпилсе, Резекне, чтобы встретиться с живущими там евреями. Эти встречи проходили тепло, в интересных задушевных беседах. А на Суккос молодые гости организовали зажигательную программу с песнями и танцами, после чего сотням съехавшихся из маленьких городов евреям помогли совершить обряд «арбаа миним». Для многих это было впервые в жизни!

Конечно же, рижский центр не забыл и об очень пожилых и нуждающихся людях. Сотни продуктовых пакетов были розданы и разосланы в разные концы Латвии, чтобы люди смогли достойно провести праздничные дни.

И все же у радостных мероприятий в этот раз была и тревожная нота: как и во всем мире, евреи Латвии обеспокоены ситуацией, сложившейся в Израиле. «Хабад-Любавич» несколько раз собирал детей для молитв и чтения псалмов во имя жизни нашего народа, где бы он ни находился, особенно на Святой Земле. Дети относятся к этому очень эмоционально и серьезно, они пообещали усердней молиться и совершать только хорошие поступки.

МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ

ХОТИМ ДЕЛАТЬ ДОБРО

Во все времена в диаспоре, где бы она ни находилась, еврейская общинная жизнь в значительной мере зиждется на бескорыстной поддержке тех, кто в ней нуждается. Сказано в Торе: «Кто умеет делать добро и не делает, тому это вменяется в грех».

Главный раввин России Берл Лазар устанавливает мезузу в помещении благотворительного центра «Хесед Авраам». Слева – представитель благотворительной программы Джойнта Моше Арель.

За последние годы при содействии «Джойнта» в Москве созданы и успешно функционируют три благотворительные организации и сегодня уже с уверенностью можно сказать, что они вернули к нормальной жизни немало евреев. Сейчас при еврейском общинном центре в Марьиной роще открылся новый благотворительный центр для оказания социальной помощи – «Хесед Авраам». Руководит им Исроэл Микаелянц, энергичный молодой человек, преисполненный желанием работать, развивать начатое дело.

Несколько слов об Исроэле Микаелянце. Ему 39 лет, москвич, выпускник Института культуры. Долгое время работал в МГУ в области культурно-просветительской деятельности.

По призванию и профессии он – педагог, хотя любит и учиться. Например, изучил иврит и долгое время его преподавал. «Иврит я стал изучать 15 лет назад, – рассказывает он. – Просто настало время, когда евреи стремились узнать язык предков, приблизиться к Торе и соблюдению Заповедей». Почему пришел на эту работу? Исроэл отвечает так: «Мой любимый афоризм – “Спешите делать добро!”». Я и мои коллеги при МЕОЦе хотим и спешим делать людям добро».

И. Микаелянц рассказал, что центр социальной помощи поставил перед собой решение новых задач и решение старых, но по-новому. Так будет создан штаб для работы по принципу «От сердца к сердцу».

- В чем его отличие?

– В Москве все еще немало евреев, остро нуждающихся в помощи. И есть люди, которые могут и хотят такую помощь оказать. Первые не всегда знают, где и как ее получить, а вторые – как и кому ее можно предложить. К примеру, одним уже не нужна еще вполне пригодная мебель, электробытовая техника, книги, одежда... Другие же в наше время, когда пенсия ниже прожиточного уровня, нуждаются во всем, нет самых необходимых в быту вещей, а купить их не могут, - только бы свести концы с концами. Что здесь требуется от нас? Мы изучим потребности нуждающихся в помощи – это будет что-то вроде «телефона доверия», и предложения тех, кто может ее предоставить. А уж как дальше пойдет эта помощь «от сердца к сердцу» - через нас или непосредственно, сейчас несущественно. Кстати, мы готовы принимать не только просьбы, но и различные предложения по улучшению, изменению, обновлению работы в сфере социальной помощи.

- А какие еще новшества в планах?

- Наш новый проект, близкий к осуществлению, – это открытие столовой, где будут бесплатно, разумеется, кормить пожилых людей, а тем, кто по каким-то причинам не сможет прийти в столовую сам, обеды будут доставляться на дом. Здесь же будет открыт патронажный центр по оказанию социальной, психологической и медицинской помощи. Решаем вопрос о доставке медикаментов и медицинской помощи на дом, о предоставлении всевозможных приспособлений для передвижения больных.

- А откуда берутся в Москве «новые» нуждающиеся?

- Еврейский общинный центр в Марьиной роще проводит колоссальную работу по изучению и выявлению этого контингента. В последнее время выявлены 760 человек, ранее не получавших помощи, но очень нуждающихся в ней.

Только за последние полтора месяца мы оказали гуманитарную помощь сотням людей.

- Обращающиеся к вам за помощью обязательно должны быть верующими?

- Мы никогда не проводим грань между верующим и неверующим. Человеку надо помочь: накормить, согреть, обласкать... Верить в Б-га или нет – это личный выбор каждого. Но, как показывает жизнь, каждый, кто приходит к нам, постепенно приближается и к синагоге, и к Торе.

№וְאֵי עוֹי אֵינִי

«В РОССИИ НАДО ЖИТЬ ДОЛГО»

Евреи в Москве – тема, наверное, неисчерпаемая. Хочу приоткрыть одну из ее страниц, чтобы показать нашего замечательного современника Бориса Исааковича Камира. 17 ноября этого года ему исполнилось 93 года.

Видный литератор, он почти полвека, из них 30 лет заместителем главного редактора проработал в Государственном издательстве детской литературы (Детгиз). Работоспособности, любознательности, жажде жизни Б. И.Камира можно позавидовать (это тот случай, когда зависть прощительна). Ему довелось встречаться и работать с С.Маршаком и А.Гайдаром, Л.Кассилем и К.Паустовским, Л.Либединской и Р.Фрайерманом, В.Катаевым и Л.Квитко, Э.Багрицким и К.Симоновым, И.Эренбургом и А.Волковым, В.Гроссманом и А.Платоновым, А.Рыбаковым и Б.Полевым, А.Барто, З.Воскресенской и многими другими. Нередко рабочие отношения перерастали в дружбу.

Впервые я «встретилась» с Борисом Камиром на страницах «Лехаима». В статье о С. Маршаке были приведены его воспоминания об угрозе, нависшей над Детгизом в период «борьбы с космополитами». Я даже запомнила отрывок из антисемитского памфлета, процитированного им... Очень захотелось встретиться с этим человеком, и мне удалось его разыскать. Вскоре я уже сидела в скромной, маленькой квартире Бориса Исааковича у Савеловского вокзала. Внушительная часть книжного шкафа заполнена изданиями, которые он редактировал. Это библиотека той литературы, которая называлась когда-то «советская для детей».

Борис Камир по роду своей деятельности всю жизнь читал. Писать «свое» заслуженный работник культуры, удостоенный ордена Дружбы народов и множества медалей, позволил себе, лишь уйдя на «заслуженный отдых». Недавно в журнале «Детская литература» (№5-6, 1998 год) опубликованы отрывки из его мемуаров «Штрихи к призванию». Читая их, невольно задаешься вопросом: не ошибся ли Борис Исаакович, всю жизнь посвятив редактированию чьих-то, пусть прекрасных трудов, забыв о собственном призвании? Талантливые очерки об Одессе его детства («Ланжерон», «Урок на дом» и др.) подсказывают ответ на мой вопрос. Но стоит ли сегодня об этом сожалеть?

В последние годы в периодике я с удовольствием обнаруживаю воспоминания, очерки, статьи Камира. Речь в них о том, что больше всего запомнилось ему за годы редакторской работы. Рассказать есть и о ком, и о чем. «Вспоминает старый редактор» – о Багрицком и Горьком. «Властитель дум» – о работе с матерью Маяковского, Александрой Алексеевной, над книгой «Детство и юность Владимира Маяковского». «Слово Гайдара» – о встречах и беседах автора с Аркадием Петровичем Гайдаром. «Счастье писателя» – взволнованный рассказ о Льве Абрамовиче Кассиле. «Долг и честь» – об Александре Александровиче Фадееве, «вожде писателей», который очень доброжелательно относился к Б. И. Камиру. «Воля к жизни» – любопытное повествование о Борисе Николаевиче Полевом. «Лжи и злу наперекор» – о трудной судьбе и испытаниях, выпавших на долю замечательного детского писателя Николая Ивановича Дубова.

Быть может, один из самых ярких очерков Камира «Тернистый путь к правде» – об испытаниях, выпавших на долю Детгиза в мрачный период борьбы с космополитизмом. И продолжением этого очерка являются замечательно написанные статьи: «Черные дни в его жизни» – о том, что пришлось пережить Самуилу Яковлевичу Маршаку. «Заживо умерщвлен...» – прощальное слово о Льве Моисеевиче Квитко. Потрясающей силы очерки-воспоминания о В.Гроссмане и А.Платонове не могут оставить безразличным. С ними автор воспоминаний часто встречался в годы войны.

Борис Исаакович продолжает работать над книгой воспоминаний. Среди прочего ему очень важно рассказать, что были отважные, благородные люди, «затормозившие» закрытие Детгиза. Это возглавлявшие в разные годы издательство Людмила Викторовна Дубровина и Константин Федотович Пискунов. Добрый след они оставили в памяти тех, кто с ними работал.

***

Из моей беседы с Б.И.Камиром.

- Что больше всего в жизни запомнилось Вам на «еврейскую тему»?

- Очень многое... Конечно же, страшнее всего было во времена борьбы с космополитизмом, но об этом я кое-что опубликовал, и, надеюсь, еще напишу. А лучше всего, как все старые люди, я помню то, что было давным-давно. Родился я в Одессе. Так вот, мне шел девятый год, когда мама отвела меня в Ришельевскую гимназию. Я успешно сдал экзамен по русскому языку, арифметике и, представьте себе, по закону Б-жьему. Сдал, судя по реакции экзаменаторов, хорошо. Но вскоре директор вызвал мою маму и извиняющимся тоном сообщил, что меня не могут зачислить в эту престижную гимназию, так как согласно указу императора для зачисления инородцев существует трехпроцентная норма. Видя, как расстроилась мама, директор сказал, что я могу быть зачислен сверх плана, если отец или кто-то из близких родственников служит в действующей армии. Это было в 1915 году, шла первая мировая война. Моя мама написала письмо своему брату

Григорию Адольфовичу Штивельману. Вскоре прибыл ответ с подтверждением и печатью, что такой-то... служит рядовым в армии и проявил себя храбрым воином. В тот же день мы занесли письмо в Ришельевскую гимназию, и я был зачислен.

- А что запомнилось из современной жизни Москвы?

- Конечно, же открытие еврейского общинного центра в Марьиной роще. Я получил приглашение на это мероприятие, но, хотя это недалеко от моего дома, – сил пойти не было. Когда показывали репортаж по телевизору, пожалел, что не собрался с силами. То, что сам президент России пожалует на открытие Еврейского общинного центра, я себе представить не мог. Это высокая честь, оказанная евреям Москвы, и очень благородный и дипломатичный шаг со стороны Путина. Я не думал, что когда-нибудь доживу до такого дня. Как любил повторять Корней Иванович Чуковский, кстати он тоже учился в Ришельевской гимназии на много лет раньше меня, «в России надо жить долго...»

Открытие еврейского центра в Марьиной роще вселило оптимизм в мое сердце: останутся евреи в России, и будет продолжаться еврейская жизнь. В Москве в особенности...

Провожая меня, Борис Исаакович выразил желание встретиться с членами молодежной организации при МЕОЦе. Думаю, что такая встреча вскоре состоится.

אָנעם אַ באַרעם עדיין

ЕВРЕЙСКОЕ СЛОВО НА РУССКОМ

При виде первого номера газеты «**Еврейское слово**», с виду скромной, с неброским заголовком и свитком Торы слева от него, как сейчас говорится, без всяких «прибамбасов», подумалось (да простят меня издатели и члены редколлегии «ЕС»), что дай Б-г продержаться этой газете до десятого номера. А память стала «подсказывать», что мы имели в этом плане до сих пор.

Русскоязычная еврейская пресса возродилась в нашей стране совсем недавно. Еврейская газета, выходившая в Биробиджане на двух языках, за пределами области была недоступна. Первый номер «ВЕСКА» – Вестника еврейской советской культуры увидел свет весной 1990 года, в пору, когда советская власть уже агонизировала, наверное, поэтому газета и могла появиться. И все же «ВЕСК» стал событием... Этой (или такой) газеты евреи СССР, соскучившиеся по родному слову, ждали много десятилетий, пусть на

русском языке: для большинства он давно стал родным. Поначалу газета имела много читателей. Чтобы купить ее, людям приходилось выстаивать очередь.

С той поры прошло больше десяти лет. Давно нет советской власти и той страны, СССР, в которой издавался «ВЕСК». А была ли еврейская советская культура? Думается, что да. Хотя много лет издавался профессиональный журнал «Советик геймланд» («Советская родина»), возродить самобытную еврейскую культуру, тем более на идише, было невозможно.

По стране гастролировало немало еврейских коллективов, в основном эстрадных. Был и Камерный еврейский музыкальный театр (КЕМТ), пользовавшийся успехом не только в СССР, но и за рубежом. К тому времени показал свои первые спектакли еврейский (точнее русско-еврейский) театр «Шалом». «Заколдованный портной» очаровал зрителей. А в феврале 1990 года шумно и торжественно был открыт Культурный центр имени Соломона Михоэлса. И газета «ВЕСК», выпущенная вскоре после этого события, появилась вовремя и, как говорится, в том самом месте. Это могло показаться намеком на ренессанс еврейской культуры, уничтоженной в период борьбы с космополитизмом...

Затем начали выходить еврейские газеты на русском в Киеве, Минске, Ташкенте, в столицах прибалтийских республик (кажется, в Таллине русскоязычная газета вышла раньше «ВЕСКа»). «Повзрослевшая» «ВЕСК» сначала стала «Еврейской газетой», а после распада СССР преобразовалась в «Международную еврейскую газету», «МЕГ», которая считалась «главной» из выходящих на русском языке. Были еще попытки в Москве выпускать еврейские газеты, но успехом они не увенчались.

Все эти мысли промелькнули, пока я разглядывал «Еврейское слово». Из любопытства стал постоянным читателем этой газеты и отмечал про себя, что она «крепчает» из номера в номер. Читатели, знавшие меня по «МЕГУ», уже звонили и спрашивали, почему в ней нет моих статей. Я обещал подумать над этим вопросом, а сам начал с того, что зашел в редакцию «ЕС» и предложил провести телефонный опрос ее читателей. Вот какой получился результат. Привожу самые характерные отзывы.

Семен Лизогус, 84 года, участник ВОВ

«Что вам сказать? Я и все мои домашние счастливы, что получаем эту газету. Скажу правду: у нас нет денег на такие вещи, я всегда всех просил, чтобы мне передавали старые, прочитанные еврейские газеты. А самое большое счастье для меня, когда кто-то из Израиля привозил кипу русских газет. А теперь я все узнаю из «Еврейского слова». И что делается с евреями здесь, и что делается там – в Израиле и вообще в мире».

Лидия Капиловская, 19 лет, студентка МИИТа

«Мои родители говорят, что газета примитивна и для них неинтересна. Отец читает “Известия”, мама – “Московский комсомолец”. Я тоже люблю “МК”, правда, пропускаю первую полосу, становится страшно. В “Еврейском слове” первая полоса мне тоже неинтересна, но в целом газета мне не только понравилась, а стала даже необходимой. Я начала приобщаться к своему народу. Еврейского я не знаю. Какая разница, что она на русском, важно быть в курсе событий, а это в газете освещено всесторонне».

Александр Борщевский, за 80, писатель

«По-моему, очень достойная газета. Я искренне рад, что она издается, да еще с доставкой на дом. Читаю ее от первого до последнего слова. Поверьте, что не от безделья».

Петр Карпов, 62 года, пенсионер

«Когда мне стали присылать эту газету, я удивился, что такая есть. Когда-то я читал “МЕГ”, но сейчас она мне не попадает. Я вам скажу правду, чистую правду. Если бы мне ее не присылали, я бы ее не читал. А так читаю и имею удовольствие».

Александр Шехтман, 40 лет, преподаватель, кандидат наук.

«Если газета в течение такого короткого срока, а ведь вышло всего около десяти номеров, состоялась и стала одной из самых читаемых газет на “еврейской улице” в России, то она заслуживает уважения и похвалы».

Вторым моим шагом навстречу «ЕС» стала беседа с ее главным редактором Семеном Чарным.

- Почему именно «Еврейское слово»?

- Я пришел в газету, когда вышли первые номера, и название уже было. Но я согласен с ним. Мы скажем свое слово.

- Вы хотите говорить с евреями именно на русском? С «еврейским акцентом»? Впрочем, огромная русскоязычная пресса в Израиле и США, наверное, вполне красноречиво отвечает на мой вопрос.

- Насколько мне известно, в США большинство еврейских газет издаются на английском. Тираж еврейского «Форвердса» на идише уменьшается с каждым годом. А тираж «Форвердса» на русском – возрастает.

- В Москве издаются еще «МЕГ», «Вестник Еврейского агентства в России», «Иностранец» тоже отчасти в их ряду. Чем ваша газета отличается от этих изданий?

- Мы стараемся брать информацию, которой не располагает ни одна из этих газет. Выражаем мнение и настроение тех, кто считают, что еврейская община в Москве имеет будущее.

- Но ведь эмиграция, ассимиляция не придают оптимизма в этом вопросе. Правда, сейчас наблюдается процесс деассимиляции, поскольку порой евреем быть «выгодно».

- Это тема для отдельного разговора. А пока, судя по почте редакции, наша газета пользуется спросом и имеет своего читателя.

- Расскажите немного о себе.

- Довольно типичная биография. Родился в Москве в 1977 году. Из школьных лет последние два года учился в культурологическом лицее. Закончил еврейский университет, по образованию историк. Профессиональной журналистикой занялся недавно, но статьи писал, еще будучи школьником.

Пока я готовил материал, вышло еще несколько номеров [«Еврейского слова»](#), мне они понравились. Думаю, маленький коллектив [«ЕС»](#), состоящий всего из трех человек, занят хорошим и нужным делом. Остается произнести «избитое» русское пожелание: «Так держать!» и напомнить слова библейского Иова: «Как сильны слова справедливые!».

Àâéääð Ì àòâiiiâ

БЕСКОНЕЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

В ПРОШЛОЕ

Ààéí Øòáéí çàéíü (Yááí - Èííí yéí)

Журнал «Тайм» назвал раввина Адина Штейнзальца (Эвен-Исроэля) «ученым, какой рождается раз в тысячелетие». По всему миру (даже в Японии и Китае) разошлось более двух миллионов экземпляров переведенного им на современный иврит и другие языки и прокомментированного Талмуда. За этот труд в 1988 году ученый был удостоен Приза Израиля – самой высокой государственной награды. Он публикует огромное количество книг и статей, посвященных самому широкому кругу тем: иудаизму, науке, искусству, философии, мистике.

Слово «тшува» обычно переводится с иврита как «раскаяние». Но следует подчеркнуть, что этим переводом не исчерпывается его смысл. А смысл слова шире и глубже, и буквально он означает «возвращение». Отсюда проясняется ключевой смысл понятия «тшува»: путь назад, к анализу состояния души, к честному самоанализу. Ибо не столько сознание вины, сколько отсутствие душевного покоя заставляет нас оглядываться назад. Мы перестаем осознавать себя «нужными людьми в нужном месте» и приходим к выводу, что мы – аутсайдеры в мире, смысла которого не понимаем.

Вот почему мы принимаем решение повернуть назад. Естественно, маршрут обратного пути каждый выбирает самостоятельно. Каждый должен идти своим особым путем. По счастью, небесных врат много, и они всегда откроются, если мы ощутим потребность по-настоящему покаяться. Это подтверждает история царя Менаше, идолопоклонника, одного из худших царей Иудеи. В Талмуде сказано, что, когда ангелы закрыли Врата покаяния, Б-г сам создал для Менаше новые. Раскаяться – значит не просто признать, что в прошлом ты поступил неправильно, совершая тот или иной проступок. Почувствовать потребность в раскаянии значит осознать, как необходимо себя изменить. Что пользы оплакивать наши прошлые грехи? Соприкасаясь со злом, человек не может не оскверниться, это так же неизбежно, как и то, что прикоснувшийся к грязи окажется испачкан. Некоторым из нас, более или менее склонным к мазохизму, доставляет определенное удовольствие эмоционально воскрешать воспоминания такого рода. Когда мы говорим «следует избегать погружения в прошлое», то имеем в виду, что не нужно снова переживать прошлое так, как это уже было – со всеми ошибками, промахами. Однако поразмыслить над своими прошлыми ошибками все же следует: не над тем, как мы себя вели, а над тем, как нам следовало себя вести. Главный упор в тшuve делается на необходимости не только покаяться в прошлых прегрешениях, но и перестроить прошлое – в буквальном смысле слова!

Естественно, в познании себя и собственного пути препятствие, которое следует обойти, следуя странному принципу термодинамики, именуемому энтропией. Твердо установлено, что время имеет только одно направление, и никакой возврат к прежней ситуации невозможен, а значит механизм тшувy представляется парадоксом. Следует, однако, помнить, что тшуву мы делаем не в обычной, материальной вселенной, а в такой, которая неподвластна физическим законам, где настоящее, прошлое и будущее сливаются в бессрочном потоке времени, в такой вселенной, где смертоносная стрела способна вернуться назад. уподобившись той, что еще ни разу не доставали из колчана. Одним словом, в процессе тшувy мы приобретаем как бы физическую невесомость:

например, можем решить изменить свою условную ценность, заменив знак плюса на минус, и наоборот.

Чтобы достигнуть такого результата, мы должны досконально познать себя, прозондировать наши души. А если мы решили не только покаяться, но и измениться на 180 градусов, дело еще трудней. Нам придется проникнуть в самые глубины своего существа, достигнуть низшей точки бездны, ибо в этой бездне, мы верим, в наших душах присутствует Б-г. Не достигнув этой зоны, мы не можем быть убеждены, что в нашем сердце произошла радикальная перемена, неподвластная законам вселенной.

Понятно, что подобное путешествие назад совершить нелегко, тем более, что оно представляет собой процесс непрерывный. По сути дела цель покаяния – создать новую шкалу ценностей, более высоких. Это поможет нам перестроить свою личность и искупить прошлое.

В каббале мы читаем, что «превыше всех те, кто может превратить тьму в свет, а горечь в сладость», и это не удивительно. Такие достижения свидетельствуют о глубоком раскаянии, при котором происходит полная трансформация прошлого, знаки меняются на противоположные.

Не ограничивайтесь просьбой о прощении за то зло, которое вы, возможно, причинили. Найдите в своих ошибках нечто конструктивное, что способно стать отправной точкой для новых прекрасных отношений. Боритесь не с ошибками и недостатками, а с тем, что породило эти ошибки и недостатки!

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Нашим читателям хорошо известна фамилия Маркиш.

Перец Маркиш был прекраснейшим поэтом на идише, лириком с колоссальным эпическим даром и безупречной техникой, он владел всеми формами стихосложения. Его жизнь безвременно оборвалась в 1952 году.

Его старший сын Шимон вошел в советскую литературу «Апулеем», «Золотым ослом». Весьма любопытны были его примечания к «Иудейской войне» в 12-томном издании Л. Фейхтвангера.

Младший, Давид, – романист, мастерски владеет формой рассказа. Переводы его талантливой прозы известны на десятках языках.

Согласно предварительной договоренности, Давид Маркиш будет вести в нашем журнале литературную рубрику, в рамках которой планируется толковать самые интересные для нашего читателя произведения писателей, живущих за границей и пишущих на русском языке.

Предлагаем интервью, данное писателем во время недавнего посещения нашей редакции.

- Давид, судьба человека определяется переломными моментами его жизни, для тебя, очевидно, таким был отъезд в Израиль. Расскажи, пожалуйста, о том, как ты уезжал.

Так случилось, что я последовал за женой в Израиль спустя год. Она уехала в 1971 году, а я в 1972-м Я – после отказа, а она через три недели после подачи документов. У нее не было родственников в Израиле, и уехала она по так называемому госвызову. Ей очень не хотелось уезжать одной, но я сказал: «Не уверен, смогу ли уехать вообще, так хоть ты выберешься и сможешь жить как захочешь». Она улетела, а я «задержался» на год. По приезде в Израиль жена подключилась к борьбе за нашу репатриацию. Борьба продолжалась довольно долго, и ей пришлось ездить по всему свету, встречаться с влиятельными людьми, чтобы помочь моей матери и мне, оставшимся в Москве, получить разрешение на выезд.

В один прекрасный вечер в Нью-Йорке, в Бруклине, ее привезли в красный особняк, где она сразу узнала хозяина. Это был Любавичский Ребе. Прием у Ребе занял около получаса. Жена объяснила, что привело ее к нему и о чем она просит. Ребе сказал: «Давида выпустят! Я буду молиться и просить Б-га, чтобы их отпустили». В конце беседы Любавичский Ребе спросил о моей связи с Перцем Маркишем. А узнав, что я его сын, Ребе вспомнил, что во время гражданской войны вместе с Перцем состоял в одном отряде еврейской самообороны в Екатеринославе, где оба тогда проживали, хотя вообще-то отец родом с Житомирщины, из местечка Полонное. Спустя полгода после этого разговора 2 ноября мы с матушкой получили разрешение на выезд. После двух лет борьбы, после семи отказов, после угроз никогда нас не выпускать. Мотивировка была устная, тогда было так принято. Хотя с госсекретами ни я, ни, тем более, моя мама не соприкасались, один из чинов МВД объяснил, что, несмотря на отсутствие спецдопуска, «вы были журналистом и писателем – вы имели допуск к советскому образу жизни». Это высказывание меня сильно повеселило.

- Помнится, в годы перед эмиграцией «голоса» часто вспоминали твое имя.

- Да, наше сопротивление в борьбе за выезд было разнообразным. Помню два случая. Мы, профессор Лернер, профессор Маш и я, решили устроить демонстрацию у ливанского посольства в связи с убийством израильских спортсменов на мюнхенской олимпиаде. Пошли в Моссовет и заявили: «Мы ничего не просим, обеспечьте нас лишь милицейской защитой». На нас смотрели, как на сумасшедших – это была попытка провести первую политическую демонстрацию, да еще перед иностранным посольством. Тогда такое было совершенно не принято. «Нам нужно 5-6 милиционеров, чтобы они наблюдали за порядком», – говорили мы. Чиновник высокого ранга с кем-то посоветовался и ответил: «Мы вам не рекомендуем». Но мы ведь не пришли за советом, мы лишь были озабочены сохранением порядка во время демонстрации. «Если не согласны, напишите на бумажке». Никакой бумажки мы получить не могли, это было нам ясно, то был лишь ход в нашей пикировке с властями. Конечно, мы могли получить кое-что другое! Но чиновник был достаточно корректен: «Ну зачем вам посольство? Мы дадим возможность провести демонстрацию в Подмосковье, в минутах 10-15 езды от Москвы. Что хотите, то там и делайте». Мы ответили: «Поскольку штабы террористических организаций находятся в Бейруте, то мы будем демонстрировать у здания ливанского посольства». Используя разные ухищрения, какие-то кодовые слова в телефонных разговорах, перезвонились со знакомыми, которые не боялись, все-таки это было довольно опасно, и договорились. Нас собралось человек 40-50. Мы добирались до посольства разными путями, чтобы нас не перехватили по дороге. По телефону, согласно ранее принятому уговору, называли время сбора на час позже. Человек пять-шесть все же

перехватили, но основная группа по одному, по двое к пяти часам собралась у посольства. У нас были плакат, лозунг какой-то и письмо послу. Естественно до письма не дошло, посольство было закрыто наглухо, окна зашторены. Мы покрутились несколько минут, и тут нагрянула милиция, которую мы приглашали, правда, для других целей. Нас всех похватили, затолкали в два автобуса. Доставили в специально освобожденный вытрезвитель, где-то около метро «Войковская». Случайно на милицейском мотоцикле с коляской привезли и какого-то выпивоху. Вышел офицер: «Сегодня у нас евреи, валите в другое место». Потом была процедура допросов. Мы отказывались отвечать на вопросы, тем более что-либо подписывать, так как это было бы признанием нарушения порядка, за что причиталось 15 суток.

- Известно, что вас активно поддержал академик Сахаров.

- Совершенно верно. Через час с небольшим подъехал милицейский фургончик, и из него вышел Андрей Дмитриевич Сахаров. Ему сообщили о демонстрации, но он не знал когда и приехал с опозданием на час. Его тоже схватили, милиционеры не знали, кто он. В вытрезвителе Андрей Дмитриевич не спешил объясняться, и только когда начались опросы, все выяснилось. Милиционеры были в недоумении: «Что академику Сахарову делать на еврейской сходке?!» Его, как и нас, продержали до поздней ночи. Потом всех отпустили по домам, мы еле-еле успели добраться до метро и разъехались. Это не имело никаких административных последствий – власть решила дело не раздувать.

- Давид, наверное таких стычек с властью было немало? Ведь КГБ действовал тотально. «Отказников» «обкладывали», как известно, со всех сторон?

- Да, еще я хочу вспомнить, как моя мама и я утром 12 августа 1972 года, в двадцатую годовщину смерти отца, пришли к приемной Верховного Совета и передали письмо с протестом против нашего незаконного удерживания в Советском Союзе. Там было также сказано, что в знак протеста мы устраиваем стоячую демонстрацию здесь, у входа в здание приемной. И мы там простояли восемь часов. Недовольство и тревогу гэбэшников вызвали довольно большие желтые шестиконечные звезды на нашей одежде. Я их вырезал из крышечек от кефирных бутылок. Но нас никто не трогал. Люди проходили мимо, интересовались, спрашивали. Одни, увидев желтые звезды, пугались, другие задавали вопросы, на которые мы охотно отвечали. Когда подошло время для закрытия приемной, к нам стали подходить милиционеры, угрожать, уговаривать, мол, пора сворачивать удочки. А мы обещали стоять еще час. Но силу не применили, ибо с утра к нам приезжал сейчас уже покойный Петр Якир, и власти понимали: за акцией наблюдают иностранные корреспонденты. Не хотели власти, чтобы «там» написали: «В годовщину смерти Переца Маркиша в Советском Союзе арестовали (или задержали) его вдову и сына». Не думаю, что эта акция как-то повлияла на решение властей. Но 2 ноября нам выдали разрешение на выезд и жестко предупредили, что уехать мы должны не позже 6 ноября, иначе нам надо было бы платить огромные, безумные деньги за полученное образование. Таких денег у нас не было, да и быть не могло. Я тогда заявил генералу в ОВИРе: «Если мы за шесть дней смогли выиграть войну, то за три дня сможем собраться и уехать отсюда». Наглое, откровенно говоря, было заявление – я никакого отношения к Шестидневной войне не имел. От стояния в очереди за билетами нас избавили – билеты на наши фамилии были приготовлены заранее и ждали нас в кассе. В Вене мы провели всего день, переночевав, улетели домой, в Израиль.

- Твои впечатления от Святой Земли? Говорят, что вам устроили почетную встречу.

- Нас встречали довольно церемонно. Когда подлетали, командир пригласил нас в пилотскую кабину посмотреть на приближающийся берег. Сказочная красота! Я крайне разволновался,пил таблетки впервые в жизни. Мы до сих пор хорошие друзья с тем командиром экипажа, живем рядом. Когда открылись двери самолета, по трапу поднялся человек средних лет. Он меня обнял: «Я – Менахем Бегин». Как потом писали газеты, в аэропорту власть, а также оппозиция были представлены «мекир лекир - от стены до стены», и правые и левые. Наш приезд стал знаковым – первая семья погибшего в те времена писателя. Вслед за нами потянулись другие.

- Ты сложно переживал переход к будням? Тебя сразу призвали в армию?

- У меня никогда не было чувства эмигрантства, я не сталкивался с проблемами вживания, ибо прошел этот путь за два года отказа. Приехав в Израиль, я хотел чувствовать себя не новым репатриантом, а израильтянином. Я уверен, человек может себя убедить во многом, я себя убедил и никогда не жалел об этом.

Первые дни прошли как в тумане, в радостном тумане. На второй или третий день в доме Бегина познакомился с генералом, начальником армейской связи. Я упрямил его, чтобы он взял меня в военкомат – рвался в армию, ведь мне уже было 34 года. Он посмеялся, понимая, что сразу никто меня в армию не возьмет. В военкомате сказали: «Да, да» и отправили домой, пообещав вызвать через пару дней. Но получил повестку, как и все, через 6-7 месяцев и, пройдя школу молодого бойца, попал на войну Судного дня в 1973 году. В качестве солдата провел эту войну на фронте, а потом в Синае. Через восемь месяцев вернулся, прошел курсы и позднее участвовал в войне в Ливане 1982 года. Был командиром расчета 155-миллиметровой пушки. Такая прицепная французская пушка, без гидравлики – мы все делали сами. Сейчас место им только в музее.

- А как твои личные планы? Удалось ли самореализоваться? Ты ведь закончил Литинститут в Москве. Специальность не подвела?

- Я, по существу, через неделю после приезда начал работать в газете «Маарив». Раз в неделю писал подвал, пока не пошел в армию. После возвращения продолжал работать политическим обозревателем в «Маарив», у меня там была колонка. Когда газету продали Максвеллу и пришел новый редактор, группа сотрудников, человек двадцать пять, ушла недовольная сложившейся атмосферой. Я был среди них. Потом были другие газеты, и книжки выходили. Примерно в два года книжка. И на русском, и на иврите, и переводы. Хотя пишу только по-русски. На иврите вышло книг десять. Романы, рассказы, эссе. Почти все переведены на иностранные языки. Были случаи, когда книги выходили на иностранных языках, а по-русски – нет.

- Давид, у тебя в Союзе остались друзья, коллеги. Ты предполагал их увидеть когда-нибудь?

- Когда мы уезжали из России, я был уверен, что никогда больше не появлюсь здесь. Никто из нас не предполагал, что пророчество Амальрика сбудется довольно точно. Впервые после репатриации я оказался в СССР в 1989 году – делегация из трех израильских писателей, среди которых был и я, приехала в Тбилиси по приглашению Союза писателей Грузии. По пути в Вену (тогда не было прямых связей с Израилем) оказались в Москве. Решили попробовать наладить связи с Союзом писателей СССР. Это оказалось сложной задачей – по-видимому, еще не было соответствующего решения властей. Нам говорили: «Подождите еще немного, вопрос решается». Наконец официально приставленный к нам переводчик сообщил, что нас примут как официальную

делегацию. Так как статус наш изменился, было предложено перебраться в другую гостиницу - из Измайлова мы переехали в «Россию». Тот же молодой парень, что нас сопровождал, поинтересовался, куда бы мы хотели поехать. Посоветовавшись, мы выбрали Киев и Ленинград. Поездка была интересная, мы посетили, в частности, замечательный музей Шолом-Алейхема. Вернувшись в Москву, подписали документ о культурных связях и культурном обмене и улетели домой.

- Потом ты зачастил в Россию. С какими целями? Ностальгия, творческие потребности или рутина службы?

- Потом бывал в России не раз, не помню даже сколько, – моя жизнь проходит среди букв, а не цифр. Много раз приезжал в Россию при съемках фильма «Взбесившийся автобус». К сожалению, политического детектива из фильма не получилось, все выродилось в развлекательную мелодраму. Оказался во Владикавказе за несколько дней до начала межэтнических столкновений. Тогда местный министр внутренних дел в частной беседе говорил мне: «У нас в Орджоникидзе подобное невозможно». Буквально через несколько дней произошли трагические события.

Кроме литературных поездок, были визиты и по линии МИДа. Приезжал с Ицхаком Рабиным, приезжал с Шимоном Пересом: я работал в правительстве Рабина советником по связям с русской прессой.

- Но сегодня ты полностью отдаешься творчеству?

- Нынешний приезд, сугубо литературный, связан с предложением написать книжку об Эль Лисицком, художнике мирового уровня, когда-то, в 1918 году в Киеве оформлявшем еврейские книжки. Хочу найти «живые» материалы, а не книжные, да и их мало осталось. Пытаюсь найти тех, кто помнит этого художника, умершего в 1941 году. Пока непосредственно знавших его не нашел.

Меня очень интересует самоидентификация еврея в иной национальной среде. В начале будущего года в журнале «Октябрь» будет опубликован роман «Стать Лютовым» – о русско-еврейском писателе Исааке Бабеле. Как всякий хороший писатель, он был очень любопытен. В конармии Бабель служил журналистом в газете, фельдшером в лазарете – ему интересно было знать, как льется кровь, но пролить кровь он не мог. Как художник Бабель для меня - сказочник, его «Одесские рассказы», и «Конармия» мифологичны. Он очень похож на Шварца в литературных деталях. И те, кто это почувствовал, выиграли в театральных постановках. В нашем театре «Гешер» огромный успех имеет самая лучшая, на мой взгляд, композиция по мотивам произведений Бабеля. Всего лишь деталь: помните, один из бандитов Бени Крика убивает клерка в магазине Тартаковского? У режиссера Евгения Арье покойник во время похорон встает из гроба и напоминает матери, что возмещение за причиненный ущерб должно начисляться с процентами. Холодные, простые постановки по Бабелю обычно проваливались.

- В СССР ты писал стихи, известны твои стихотворные переводы. Ты прекрасно переводил отца. Что сейчас?

- Сегодня я не пишу стихи, оставил это занятие к тридцати годам и никогда к нему не возвращался. Пишу с того времени только прозу, так уж получилось. Свою первую прозаическую вещь читал человеку, знавшему это дело очень хорошо, - Юрию Карловичу Олеше. Мне тогда было лет девятнадцать. Он терпеливо выслушал рассказик, к счастью – короткий. Мне было бы стыдно до сих пор, если бы заставил Юрия Карловича

слушать не пять страниц, а пятнадцать. У меня нет сейчас тяги к стихам, а было время, когда я не мог их не писать.

- В одном из твоих романов Екклезиаст читает замечательные строчки. Они божественно звучат.

- В «Гранатовом колодце» я привожу стихи Б.Л. Пастернака. Нужно быть гением – написать такое.

- Как ты думаешь, дар писать стихи передается по наследству? Судя по твоей семье, это так.

- Не знаю, передается ли генетически литературный дар, ничего в этом не понимаю, для меня это всего лишь забавные разговоры. Не знаю, откуда это приходит, сверху или снизу, как говорил Екклезиаст. Во всяком случае, не сбоку. На меня, несомненно, повлияла семья, я вырос в литературной атмосфере. Получив реабилитацию, сразу пошел в Литинститут и начал работать репортером в газете «Московский комсомолец». А мой брат, Шимон, -один из самых образованных людей этой эпохи. Не зря Иосиф Бродский на страницах журнала «Континент» назвал его гением, что вызвало прилив ярости у недоброжелателей. Шимон, конечно, увлечен литературоведением. Он фантастически образован, занимается античной литературой, средневековой, а сейчас – русско-еврейской. Эффект от его перевода Плутарха на русский был подобен взрыву. В этих трех областях он один из лучших специалистов в мире. Мои сыновья тоже поглощены искусством, но, думаю, основную роль играют не биологические моменты, а культурная атмосфера семьи.

- Израиль -многонациональная страна. Значит, и литература многогранна. Как сосуществуют различные культуры?

-Я не знаю, что такое национальная литература сегодня. Когда-то, может быть, было иначе, но сегодня мир настолько открыт, что существует лишь одна Литература.

Сюжеты – другое дело. Цивилизация наша построена на десяти заповедях, и библейские мотивы обойти трудно. Сугубо еврейские проблемы существуют, и я на девяносто процентов в своем творчестве касаюсь именно их – они меня интересуют более, чем другие. Тема «Евреи в мире» мне очень интересна. Мы представляем собой часть мира. И не приведут к добру попытки изоляционизма, попытки закрыться в Израиле. Я пишу о евреях, помня, что они живут в открытом мире. Но, повторяю, хорошее произведение должно быть интересно всем. Лев Толстой писал на русскую тему, но о том, что задевало чувства всех. Конечно, можно писать о чем угодно, но плохо. Качество литературы – в силе убеждения, в проникновении в сущность предмета, в характеры. Многие мои коллеги считают, что душа еврея отличается от души нееврея. Я с этим не согласен. Есть отличия в образе жизни, в мировоззрении, но все люди одинаковы. Моя сверхзадача - быть равно интересным всем, кто может прочитать написанное мной.

- У тебя есть читатели в арабской части? Какие отзывы?

– Если бы арабы больше читали произведений мировой литературы, помимо своей традиционной, с ними проще было бы договариваться и жить. Проникновение в арабский мир нашей еврейской и вообще хорошей литературы пойдет только на пользу арабскому миру. Да и не должно быть деления на арабский мир, еврейский мир, христианский, на подмиры, мир и так прекрасен сам по себе. Иначе – война.

–И все же, что тебе ближе, художественное творчество или жизнь в политике?

- Меня интересуют и художественная литература, и анализ происходящих в стране политических процессов, журналистика мне не чужда. Ведь это касается моего народа. Я не хочу заниматься практической политикой, это мне не по душе, но ведь то, что делают политики, отражается на всех нас. Я подходил к политике довольно близко и видел ее изнутри.

- В Израиле среди политиков есть довольно много выходцев из СССР. Твоя оценка их деятельности.

– Я смотрю на наш народ как на единое целое и совершенно не приемлю никакого деления ни по месту рождения, ни по стране предыдущего проживания. Очень плохо отношусь к тем партиям, которые лоббируют интересы не народа, а только его части. В первую очередь это относится к русской партии Щаранского. Считаю, что Щаранский нанес зло государству Израиль, создав «гетто» внутри страны. Лоббирование интересов одной группы в ущерб другой или параллельно другой недопустимо. Дробление народа на части крайне вредно.

- Давид, спасибо и до следующих встреч. Б-г даст, наши замыслы осуществляются, и мы будем читать твои произведения на страницах «Лехаим».

- Поживем - увидим. Желая всем вашим читателям крепкого здоровья и хорошего настроения.

יְיָ יִשְׁמַח בְּדָוִד וּבְאַהֲבָיו

אֲהַבְתֶּם אֵלַי יְהוָה.

ЕВРЕИ И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: БЫЛ ЛИ ВЫБОР?

Наי מי יאעאנע

Одна из русскоязычных газет Германии переслала мне письмо своей читательницы. В нем говорилось: «Мне попала недавно интересная книга (по-видимому, библиографическая редкость) – сборник статей «Россия и евреи», вышедший в Берлине в 1923 г. Авторы статей – И.М. Бикерман, Г.Ф. Ландау, И.О. Левин, Д.О. Линский, В.С. Мандель, Д.С. Пасманик (имена эти мне ничего не говорят). Они утверждают, что положение евреев в царской России, несмотря на известные ограничения, постепенно улучшалось, со временем, глядишь, пришло бы и полное равноправие. Поэтому евреям не следовало сочувствовать революционному движению и тем более участвовать в нем. Не следовало приветствовать даже Февральскую революцию, не говоря уже об Октябрьской. А когда вспыхнула гражданская война, надо было поддерживать белых, а не красных.

В свете дальнейшего развития событий, может быть, они и правы? Ведь известно, как коммунистическая власть потом относилась к евреям. Вся сознательная жизнь моего поколения в бывшем СССР – с конца 40-х годов до конца 80-х – прошла в атмосфере государственного антисемитизма».

Я попытался ответить на этот вопрос.

Книга, о которой пишет читательница, известна историкам. Ее авторы – еврейские общественные деятели и публицисты, входившие в партию кадетов или близкие к ней. Они вызвали тогда ожесточенную полемику в среде еврейской эмиграции и

уже в ходе ее остались в изоляции. Но идеи живут дольше своих авторов. Вот и сегодня, спустя 77 лет, читательница задумалась: а может, они были правы? Что ж, давайте вспомним, что собственно говоря, происходило в действительности.

В конце XIX – начале XX века более чем пятимиллионное еврейское население Российской империи подвергалось открытой дискриминации, преследованиям, унижениям. Причинами их были религиозная нетерпимость и связанные с нею предубеждения, страх перед экономической и иной конкуренцией, сомнения в лояльности евреев «престолу и отечеству».

Дискриминация начиналась с выбора местожительства. Подавляющее большинство российских евреев имело право жить лишь в пределах так называемой «черты оседлости» – в западных и южных губерниях, где ко времени присоединения этих территорий к России уже проживали их предки или где ощущалась потребность освоить пустующие земли. Однако и внутри «черты» было множество ограничений. К примеру, до 1904 года евреям было запрещено жить в пятидесятиверстной полосе вдоль западной границы, а в 1882 году запретили поселяться в сельских местностях, что на деле сократило площадь за «чертой» процентов на девяносто. Стиснутая в городках и местечках, лишённая полноценной свободы выбора занятий, большая часть евреев прозябала в бедности.

Лишь немногие «лица иудейского вероисповедания» в эпоху либеральных реформ 60–70-х годов XIX века имели право жить на других территориях России: купцы первой гильдии, лица с высшим образованием, мастера дефицитных в то время ремесел. Временно там могли проживать студенты, ученики ремесленников, купцы низших гильдий.

Полиция бдительно следила за соблюдением этих правил. В Москве, например, на улицах и вокзалах ловили прохожих с «семитскими лицами» и препровождали в участки для проверки документов. В Киеве не реже раза в неделю устраивались ночные

облавы в гостиницах и постоялых дворах. Периодически из городов изгоняли и тех, кто ранее уже получил право жительства (в 1888-м – из Ялты, в 1891–1892-м – из Москвы).

Государственная служба для евреев была закрыта, доступ к свободным профессиям (например, адвоката) ограничивался. В армии еврей не мог быть даже унтер-офицером. В гвардию и пограничные войска его не допускали.

С 1890 года евреев лишили права избирать и избираться в органы местного самоуправления (земства, городские думы).

Особенно болезненны были ограничения в допуске к образованию. С 1886–1887-го в высших и средних учебных заведениях для евреев определили так называемую «процентную норму»: 10 процентов в черте оседлости, 5 вне ее и 3 в столицах (в 1908-м, а затем 1915-м столичную «норму» слегка повысили).

Вспомним теперь о погромах. Предельно деликатно выражаясь, их можно назвать «вопиющим нарушением основополагающего права на жизнь и личную безопасность». Первая волна еврейских погромов прокатилась по югу России в 1881–1884 годах. В 1903-м мир потряс чудовищный погром в Кишиневе. В 1905–1907 годах «черная сотня» свирепствовала в десятках городов. В одной Одессе было убито свыше трехсот евреев.

По свидетельству кишиневского губернатора князя С.Д. Урусова, царская бюрократия и офицерство рассматривали погромы как «естественное явление», «пример борьбы здорового народного организма с внедрившейся в него заразой». Поэтому полиция и войска безучастно наблюдали за вакханалией убийств, насилий, грабежей, вандализма, пока, наконец, не получали приказа «прекратить беспорядки». Большинство судей разделяли такую позицию. Погромщики, захваченные на месте преступления, оправдывались «за недостатком улик», приговоры осужденным были смехотворно мягки, почти все в дальнейшем получали монаршее помилование.

Одним из наиболее отвратительных проявлений государственного антисемитизма были фабрикуемые время от времени дела по обвинению евреев в так называемых «ритуальных» убийствах (самое нашумевшее среди них – «дело Бейлиса» 1912 года).

Дискриминация, преследования, унижение человеческого достоинства выталкивали евреев из России (с 1881 по 1914 годы – 1,9 млн. человек). Основной поток эмигрантов направлялся в Америку, воспринявшие идеи сионизма переселялись в Палестину.

Те же факторы плюс общий социально-политический гнет, тяготевший над населением империи, толкали часть еврейской молодежи в ряды революционного движения. Юноши и девушки, желавшие «бороться за справедливость» (как они ее понимали), вступали в еврейские организации Бунд, Поалей Цион и прочие или общерусские – социал-демократов-меньшевиков, социалистов-революционеров, в наименьшей степени – большевиков (подпольные политические партии). Причем, в «черте оседлости» главным образом симпатизировали первым, а вне ее – вторым.

В свете сказанного неудивительно, что процент евреев среди революционеров был много выше их доли в населении. Однако члены революционных организаций составляли численно ничтожную часть российского еврейства. Шире распространились

сочувствие или по меньшей мере терпимость к революционной деятельности. И это вполне понятно – ведь из левого, революционного лагеря исходили изъявления солидарности, осуждение антисемитизма, обещания полного равноправия. Там и только там евреи принимались на равных.

Жертвы погрома.

Последний крупный государственный деятель царской России П.А. Столыпин (кстати, отнюдь не филосемит), сознавая ненормальность положения евреев, несовместимость его с задачей превращения России в буржуазную монархию, в октябре 1906 года предложил Государственному Совету уравнивать «лиц иудейского вероисповедания» в формальных правах с остальным населением империи. Он надеялся таким путем «успокоить неревлюционную часть еврейства и избавить наше законодательство от наслоений, служащих источником бесчисленных злоупотреблений». Но царь отказался утвердить представленный проект. «Внутренний голос, – писал Николай II главе правительства, – все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя». Зато царь тепло принял делегацию «Союза русского народа» – главной черносотенной организации, ответственной за множество погромов, обещал ей свое покровительство, надел и носил значок члена этой организации.

Что оставалось в такой ситуации российским евреям? Ждать следующего царствования?

Начавшаяся в 1914-м мировая война принесла им новые тяжкие испытания. После поражений и отступления русской армии в 1915 году верховное командование сочло за благо возложить ответственность за неудачи на привычного козла отпущения. По всему тысячекилометровому фронту военные суды приступили к фабрикации шпионских дел против евреев. Повешено было множество невинных. Затем решили полностью

выдворить «вредный элемент» из прифронтовых областей. «Евреи изгонялись поголовно, без различия пола и возраста... больные, увечные и даже беременные женщины, – говорится в секретных протоколах Совета министров. – Что творилось во время этих эвакуаций – неопишимо... Конечно, вся эта еврейская масса (вместе с беженцами насчитывавшая до 350 тысяч человек. – С.М.) до крайности озлоблена и приходит в районы нового водворения революционно настроенной». Вследствие этой репрессивной акции рухнула, правда, и «черта оседлости». Дошло и до того, что военные власти запретили использовать еврейский алфавит в печати и даже в частной переписке.

Можно ли в свете описанного порицать российских евреев за то, что свержение царизма вызвало у них вздох облегчения? Это чувство перешло в подлинный восторг, когда Временное правительство 21 марта 1917 года отменило все вероисповедные и национальные ограничения.

Однако следует помнить исторический факт – к событиям февраля 1917-го в Петрограде и Ставке, которые привели к крушению старого режима, евреи были практически непричастны. В новое правительство не вошел ни один в исполком Петроградского совета включены были считанные евреи. Лишь с возвращением в Петроград и Москву эмигрантов и ссыльных доля евреев в составе российской политической элиты начинает быстро расти, дойдя, по подсчетам историка О.В. Будницкого, до 10 процентов (т. е. вдвое более их доли в населении). Разница объяснялась просто: евреи были наиболее урбанизированным и грамотным из этносов империи, и когда устранились препятствия участию их в политической жизни, эти факторы, равно как и накопленная социальная энергия, дали о себе знать. При этом получившие наибольшую известность евреи, как правило, отождествляли себя или свои интересы с тем или иным классом или слоем российского общества, игнорируя специфические национальные интересы еврейства или отводя им сугубо второстепенную роль.

Впрочем, дело было не только в реальном (бесспорно, значительном, хотя и не решающем) участии евреев в политическом процессе. Куда большее значение, как отмечает О.В. Будницкий, имело мнение об их участии, склонность определенных кругов образованного общества и достаточно широких слоев «простого» народа замечать на политической авансцене 1917 года прежде всего евреев.

Указанное соображение относится и к восприятию партии большевиков. Накануне Октября евреи составляли, по-видимому, не более 5 процентов численности РСДРП(б). Но в ЦК большевиков евреев (ассимилированных) было около трети, и среди них ближайшие соратники Ленина – Троцкий, Зиновьев, Каменев, Свердлов.

Загипнотизированные этим фактом, антисемитски настроенные слои общества произвольно отождествляли евреев-большевиков со всем еврейским населением страны, возлагая на евреев ответственность за все: и за Февральскую революцию, и за Октябрьскую, за действия крестьян, отнявших у помещиков земли, грабивших и сжигавших усадьбы, за бесчинства анархизированных солдат и матросов, убивавших офицеров и юнкеров, за террор ЧК и т.д.

Конечно, среди российских евреев были идейно и психологически близкие большевикам. Но к концу 1917-го они представляли собой ничтожное меньшинство. В массе своей еврейское население не поддерживало партию Ленина-Троцкого (об этом убедительно свидетельствуют данные о выборах в Учредительное собрание по неоккупированной части «черты оседлости»). Все еврейские политические партии, в том

числе социалистические (отмолчалась лишь Поалей Цион), и вся еврейская пресса осудили захват власти большевиками.

В октябрьские дни евреев можно было видеть по обе стороны баррикад. Членам и комиссарам ВРК (Военно-революционного комитета) Петросовета Г.Чудновскому, М.Лашевичу, С.Рошалю противостояли один из руководителей защиты Зимнего П.Рутенберг, петроградский городской голова Г.Шрейдер, председатель созданного в эти дни Комитета защиты родины и революции А.Гоц. И в 1918 году из евреев происходили не только большевистские комиссары, но и активные борцы с «комиссародержавием». Достаточно назвать Л.Канегиссера, убившего председателя Петроградского ЧК Урицкого, и покушавшуюся на Ленина Ф.Каплан. Когда в ответ на эти акции большевики объявили «красный террор», в первом списке расстрелянных ЧК заложников значилось 12 еврейских фамилий (из 130 человек).

Как отмечал известный экономист и публицист Д. Б. Бруцкус, «борьба советской власти с частным хозяйством и его представителями является в значительной степени борьбой против еврейского населения». Естественно, что круги еврейства, связанные с торгово-промышленной деятельностью, равно как и цензовая еврейская интеллигенция, могли и должны были сочувствовать противникам большевиков. Так и было, вплоть до участия евреев в вооруженной борьбе на стороне белых. В первом масштабном акте гражданской войны – известном «ледовом походе» с Дона на Кубань под водительством Л.Г. Корнилова в январе 1918-го – участвовали и добровольцы-евреи.

Еврейская школа в Харькове.

На стене лозунг на идише «Кто не работает, тот не ест».

Однако вскоре эта часть еврейства оказалась в положении непрощенных и нежеланных союзников. Над ними глумились, их унижали, а подчас убивали свои же товарищи по оружию. В конечном счете это вынудило главнокомандующего «Вооруженными силами Юга России» А.И. Деникина уволить евреев офицеров в запас, а

солдат евреев изолировать в отдельные запасные роты. Массовое дезертирство из последних и умышленно строгие требования при зачислении новичков привели в конечном счете к тому, что евреев в белых войсках почти не осталось.

Возникает естественный вопрос: знали об этом авторы книги «Россия и евреи»? Да, знали. Д.О. Линский, например, признавал: конечно, «еврейство отстраняли от подвига участия в русском (белом. – С.М.) деле», но... «еврейство обязано было отстранить отстраняющих и добиться своего права проливать кровь за отечество...» Кого отстранить – самих белых? Что ж, на бумаге все можно...

Разгул антисемитизма в рядах белой армии, поток юдофобских публикаций ОСВАГ (информационно-пропагандистского агентства белых) привели к массовым антиеврейским погромам, жертвами которых стали сотни тысяч людей – убитые, искалеченные, изнасилованные, ограбленные. Как правило, люди эти не имели ни малейшего отношения к революционному движению, да и вообще были далеки от политики. Для российского еврейства пережитое в 1918–1921 годах представляло собой национальную трагедию, превзойденную по масштабам лишь Холокостом.

Кто же несет ответственность за нее – только сами погромщики или руководство белого движения? Скрепя сердце (по собственным его словам) Линский признает: «Идеологический предрассудок о природной сопричастности еврейства революции, разделявшийся и главным командованием, повинен во многом из того, что лежит тяжелым обвинением на армии. Чернь инстинктом улавливала, что проявленные ею в разбое погромные настроения в какой-то основе сродни и мировоззрению власти; это окрыляло ее в предвидении безнаказанности».

Но и в этой беспрецедентно трагической ситуации находились евреи, готовые на минимальных, по сути символических условиях, продолжать поддерживать белых. Так, осенью 1919-го бывший посол Временного правительства во Франции В. А. Маклаков привез Деникину послание от еврейских эмигрантских кругов. Те просили выступить с торжественной декларацией, осуждающей погромы, и включить в правительство хотя бы одного еврея (так сделали украинские Центральная Рада и Директория, но как мы знаем, это не привело к прекращению погромов). Но и такие косметические меры белое командование сочло излишними.

Стремление еврейских противников большевизма и более дальновидных представителей белого движения к сотрудничеству разбивалось о непреодолимую юдофобию почти всех белых. Вот еще один характерный пример. Осенью 1919-го в период максимальных успехов Деникина штаб его решил отправить в США представительную делегацию для пропаганды целей белого движения и противодействия враждебной ему агитации левых. По воспоминаниям Линского, «известный общественно-политический деятель и знаменитый русский ученый» (по-видимому, В.И. Вернадский. – С.М) предложил включить в ее состав еврея, тесно связанного с белым движением с момента его зарождения. Однако такая кандидатура была отвергнута, как и кандидатура человека, который уже до революции считался русским и даже состоял на секретной дипломатической службе. Случай этот, по оценке Линского, стал «рельефным показанием неспособности органов противобольшевистской организации привлечь... все антибольшевистские слои населения», «невозможности преодолеть противоеврейские настроения армии в целом и центра ее в частности».

Отряд еврейской самообороны.

Одесса, 1918 год.

Перед лицом неизбежного разложения армии, к которому вели погромы, командование белых в конце 1919-го предприняло некоторые меры по их предотвращению. Однако они были запоздалыми и приносили лишь временное облегчение. Даже после показательных репрессий погромы продолжались. Позднее в Крыму П. Н. Врангель, который, по оценке В.А. Маклакова, яснее А. И. Деникина представлял себе «государственный вред от антисемитизма», решил не допускать на контролируемой им территории еврейских погромов. Но он с трудом справлялся с «почти животной», по словам его министра внешних сношений П. Б. Струве, ненавистью к евреям, которой были проникнуты и офицерство, и большая часть духовенства и интеллигенции, и не смог предотвратить целого ряда эксцессов.

Тщетно немногие истинные либералы в белом лагере (П. Н. Милюков, В. Д. Набоков, Ф. И. Родичев, В. Л. Бурцев) призывали сбросить «кандалы антисемитизма», которыми «пользуются большевики для борьбы с нами и в России, и за границей», напрасно предупреждали: «пока в противобольшевистском стане живет восторг жидоедства и погрома, не будет победы над большевиками». Белые в большинстве своем не вняли их голосам ни во время гражданской войны, ни позднее, оказавшись в эмиграции.

Следует констатировать, что еврейские погромы устраивали практически все вооруженные силы, участвовавшие в гражданской войне – белые, украинские и другие националисты, всевозможные атаманы. Ведь человеческий материал, составлявший их воинства, был во многом схож. Антисемитизмом пятнали себя и части, выступавшие под красным знаменем. Так, в январе-феврале 1918 года, откатываясь под напором немецких войск, анархизированные, разложившиеся полки старой русской армии, объявившие о признании ими власти СНК, учинили в северо-восточных уездах Черниговской губернии ряд кровавых погромов (особенно жестокие – в Глухове и Новгороде-Северском). Эти погромы большевики приписали своим политическим противникам, но выводы из происшедшего сделали. 27 июля 1918 года Совет Народных Комиссаров особым обращением к населению и местным властям предписал «принять решительные меры к пресечению в корне антисемитского движения». Последняя фраза этого документа была вписана Лениным собственноручно. Она гласила: «Погромщиков и ведущих погромную

агитацию предписывается ставить вне закона». Помимо интернационализма, характеризовавшего тогда идеологию и политику большевиков, в их позиции сказалось также оправданное убеждение, что от еврейского погрома до погрома власти, многими ненавидимой именно как еврейской, всего лишь один шаг.

Тем не менее и далее красное командование не всегда могло контролировать действия собственных частей, особенно казачьих. Так, летом 1920-го, наступая на Польшу по западноукраинским землям, буденновцы вовсю грабили евреев (как, впрочем, и остальных жителей, разве что последних без криков «жиды»). А осенью, отступая под натиском поляков, 4-я и 6-я дивизии Первой Конной, таращанский полк 44-й стрелковой дивизии вписали новые страницы в историю еврейских погромов, грабя и убивая население местечек и городов Житомирщины.

«Долой царскую Конституцию!

Да здравствует демократическая республика!».

Россия, 1905 год.

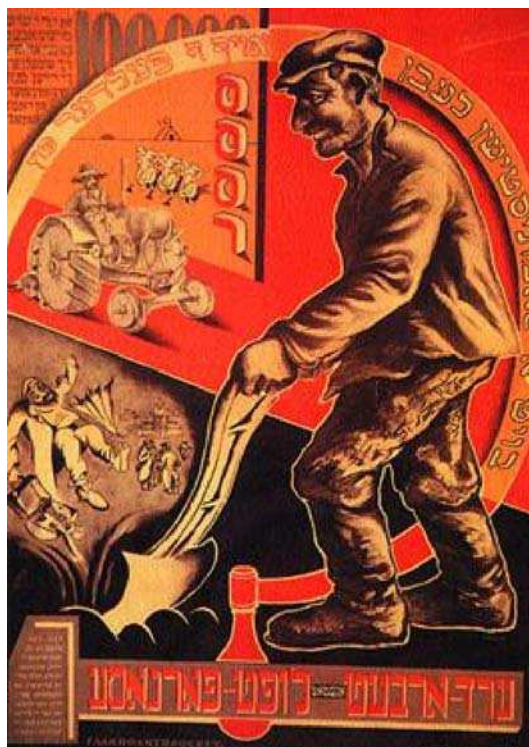
Однако с укреплением власти большевиков, изначально стремившихся к тотальному контролю над всеми общественными проявлениями, возможность самочинных, не предписанных сверху действий, в том числе и погромных, исчезала. Поэтому реальная дилемма, стоявшая тогда перед российским еврейством, в предельном упрощении выглядела так: большевики или погромы, советская власть или реставрация монархии, опирающейся на черную сотню. Либерально-демократическая альтернатива не рассматривалась еврейской массой как реальная, да в конкретных условиях места и времени, по-видимому, и не была таковой.

Неудивительно, что власть большевиков, хоть она и разрушила экономические условия существования большинства еврейского населения, ощущалась последним как меньшее зло в сравнении с торжеством белых. Даже от состоятельных людей можно было услышать: «уж лучше большевизм, который если и убивает нас, то вместе с нееврейскими “буржуями”, в то время как белые выделяют нас в особую национальную группу, подлежащую уничтожению».

Можно ли осуждать российских евреев за «неспособность большинства их рассматривать русскую историю иначе, как под углом зрения “еврейских погромов”

(упрек, высказанный П. Б. Струве)? За то, что они, выражаясь словами В. С. Манделя и И. О. Левина, не сумели «сквозь темные пятна белых риз узреть чистую душу белого движения», понять, что «погромы были лишь одним из роковых привходящих элементов» его?

Исходя из описанного даже религиозные евреи и сионисты, оставаясь идеологически чуждыми большевикам, вступали подчас в Красную Армию, чтобы защищать себя и свои семьи. Троцкий как предреввоенсовета и наркомвоен, видимо, догадывался об этом, потому что требовал ограждать армию от евреев, вступающих в нее по «неправильным мотивам». Другие большевистские вожди были, однако, менее привередливы. Калинин, например, призывал вербовать еврейскую молодежь в Красную Армию, апеллируя именно к чувству самосохранения: «Еврейская мелкая буржуазия должна знать, что только советская власть защитит ее от погромов».

«Пусть ростки коммунизма произрастают на полях России».

Литография на идише, призывающая евреев поддержать коллективизацию.

Москва, 1926 год.

Авторы книги «Россия и евреи» по-своему болели и за судьбы России – «Великой», «единой и неделимой» (они сожалели об отделении национальных окраин), и за судьбы российского еврейства. Многие в психологии и поведении различных слоев еврейства, в психологии российского обывателя, красных и белых было подмечено и объяснено правильно. Они прозорливо предупреждали: большевики будут за евреев лишь до тех пор, пока им это выгодно. Но их упреки российским евреям и тем более рецепты поведения, которые они отстаивали, не были реалистичными. У еврейской массы тогда практически не оказалось выбора. Его не оставили ей именно те социальные силы, которые, подкрепив традиционную для них юдофобию концепцией «иудео-большевизма», били евреев, по выражению того же Бикермана, «без разбору, не отличая правого от виноватого».

Как и почему советский коммунизм превратился впоследствии из силы, осуждавшей антисемитизм, боровшейся с ним, в самую весомую из антиеврейских сил послевоенного мира, – тема особая, требующая отдельного разговора. Но даже если бы миллионам российских евреев, живших в предреволюционную эпоху, в годы революции и гражданской войны, дано было предвидеть эту метаморфозу, их поведение все равно определяли бы обстановка и условия текущего, а не будущего времени. Им все равно пришлось бы решать проблемы, актуальные тогда. Могло ли быть иначе?

ЛЕОНАРДА

לֵאָוֹנָרְדָּה אֶבְרָמֹוֹבִיטְשׁ

Леонарда родилась в 1935 году в Москве, в семье ученого – Носона Залмановича Бруштейна. Он и его жена, мать будущей скрипачки Роза Абрамовна – выходцы из маленького украинского городка Новозыбкова, местечка в черте оседлости.

Игра на скрипке уже с детства стала для Леонарды смыслом жизни. Пятилетнего вундеркинда благосклонно слушал в своих кремлевских апартаментах сам Сталин. В консерватории ее учителями были Давид Ойстрах и создатель одной из известных скрипичных школ профессор Абрам Ямпольский. Абрам Ильич не заставлял учеников копировать свою игру, а поощрял и развивал их индивидуальность. Это помогло Леонарде Бруштейн стать личностью в искусстве. В 1993 году скрипачке присвоено звание народной артистки Российской Федерации.

Г-сподь наделил ее огромным талантом, но даровал трудную творческую судьбу. А может быть, она сама ее выбрала? Нетерпимая к фальши в искусстве и жизни, Леонарда Бруштейн обладала обостренным чувством справедливости. Понимала ли она, что даже высокий дар, помноженный на трудолюбие, не гарантирует в уродливом государстве заслуженный успех, если терпеливо не проглатывать унижения? Конечно, понимала. Но поступиться гордостью и независимым нравом не могла. Так же, как поступиться национальностью. Эта позиция явно не нравилась «белым воротничкам», они усматривали в ней вызов, демонстрацию непокорности и делали все, чтобы лишить скрипачку заслуженной известности.

Концерт у вождя народов

С незапамятных времен правители украшали свои пиры выступлениями лицедеев: веселее проходило застолье, да и пищеварение улучшалось. Следуя заветам Ильича, следующее поколение партайгеноссен брало из прошлого все лучшее. Особенно когда это «лучшее» касалось собственного комфорта. Не была забыта и традиция

придворных концертов. Пока члены политбюро пили и закусывали, их слух ублажали ведущие мастера советской сцены. Приглашение выступить на таких застольях считалось очень престижным и перспективным для дальнейшей артистической карьеры.

Пятилетнего вундеркинда проблемы карьеры не волновали, главное – она увидит самого товарища Сталина.

Настал день концерта. Маму в Кремль не пустили, сказали только, когда прийти за дочерью. Охранник или кремлевский курсант взял Лилию за руку и повел в святая святых. Он был огромного роста, и девочка видела рядом только ослепительно надраенные сапоги.

За кулисами ей впервые пришлось самой настраивать скрипку и самой надевать концертные туфельки. Обычно это делала мама. Лиля кое-как завязала шнурки и побежала на сцену. Охранник мгновенно схватил юную артистку за край юбки и взревел: «Куда-а?!» Сцена была занята другим номером.

Лиля не слышала, как конферансье объявил выход, – расторопный охранник подтолкнул ее к сцене: «Шагом марш!»

Девочка оказалась в огромном зале перед жующими зрителями. Прошла на середину сцены, поклонилась и заиграла «Песню индийского гостя» из оперы Римского-Корсакова «Садко». Песню Лиля выучила на слух, ее в то время часто передавали по радио в исполнении Козловского, которого вождь очень любил. Лиле бурно аплодировали, а Сталин подозвал ее к себе, посадил на колени и спросил: «Петь умэешь? Давай споем вмэсте». Еврейская девочка и грозный грузин запели «Сулико». У Сталина оказался приятный голос.

Первый афишный концерт Лили Бруштейн

17 октября 1942 года.

Может быть, задумчиво выводя грустную мелодию, он вспомнил родной Кавказ и босоное детство? Вождь расчувствовался. Он взял с блюда диковинный плод: «Что это, знаешь? Это хурма. Хурма должна быть очень спэлая, иначе это нэ фрукт, а гов...» Вождь спохватился: «Иначе она вязкая и нэвкусная. А как провэрить, спэлая хурма или нэспэлая? Посмотреть на просвэт. Если золотистая и нэмного прозрачная, – хорошая

хурма, вкусная. Вот эта – хорошая. Папробуй». Лиля поблагодарила и вонзила зубки в плод.

А дальше произошло то, что и должно было произойти и что знают все, кто хоть раз пробовал надкусить спелую хурму. Из плода брызнул сок, и на парадном мундире отца народов нарисовалось внушительных размеров пятно. К Сталину мгновенно бросились невесть откуда взявшиеся дюжие молодцы. Одни старательно замывали пятно, другие пытались стащить Лилю с колен вождя. Он остановил их и рассыпался характерным сдержанным смешком: «Хе-хе-хе, ничего, ничего... В следующий раз научу тебя правильно кушать хурму». В тот вечер Сталин был в хорошем настроении...

Заваленную подарками Лилю повел к воротам Кремля тот же охранник. Он очень торопился, девочка за ним не успевала. Тогда охранник просто сгреб ее вместе с подарками и скрипкой в охапку и, сбросив груз перед ожидавшей в проходной Розой Абрамовной, наконец-то избавился от надоевшей обузы.

Дома от Лили потребовали подробного рассказа. После эпизода со злополучной хурмой Носон сложил чемоданчик. На всякий случай. Однако Б-г миловал, обошлось. Хотя многие родители, чьи дети были обласканы тираном, кончили свои дни в ГУЛАГе.

«Она поверила!»

В начале войны Лиля с родителями уехала в Молотов (Пермь). Туда же был эвакуирован из Ленинграда Кировский театр. Его концертмейстер Лев Семенович Ерусалимский продолжил скрипичное образование девочки.

Кировский театр работал в Перми очень напряженно. Лиля постоянно присутствовала на репетициях и внимательно следила за всем, что происходит на сцене. Однажды вконец измотанный дирижер никак не мог вспомнить, правильно ли выстроил мизансцену. Путались и артисты. В спор вмешалась Лиля: «Главный герой стоял в центре, героиня – у рампы, этот актер – возле левой кулисы, а тот – рядом с ним...» Когда персонажи были расставлены, все с облегчением вздохнули: «Правильно, именно так выглядела мизансцена во время последней репетиции». С тех пор девочка стала постоянным консультантом.

Глубокая впечатлительность одаренного ребенка и врожденная нетерпимость к обману проявились в театре довольно неожиданным образом. Всякий раз, когда героиня «Снегурочки» Римского-Корсакова «таяла», Лиля заливалась слезами. После очередного «истаивания» зареванную малышку отвели за кулисы, где только что распрощавшаяся с жизнью «Снегурочка» аппетитно вгрызалась в бутерброд. А когда Лиле показали люк, в котором по ходу сцены исчезает актриса, девочка с горечью констатировала: «Вы все – обманщики».

Привыкать к условности театрального искусства было тяжело. Во время спектакля по музыкальной драме Мусоргского «Борис Годунов» игравший царя артист вскинул руку в сторону директорской ложи и произнес: «И мальчики кровавые в глазах». Сидевшая в ложе Лиля огляделась по сторонам и звонко крикнула: «Вы ошибаетесь, никаких мальчиков здесь нет!» Оркестранты, а за ними зрительный зал рухнули от хохота. В антракте актер прибежал в директорскую ложу и восторженно расцеловал Лилю: «Поверила! Она искала мальчика, значит – поверила!»

А после спектакля, во время производственного собрания, случился тихий скандал. Ерусалимский не успел отвести девочку домой. Голодная Лиля, насупившись, слушала обсуждение постановки оперы Бородина «Князь Игорь» и вдруг сказала: «Князь Игорь - предатель». Возникла зловещая пауза. Все вопросительно повернулись к девочке. Польщенное вниманием принципиальное дитя строго продолжило: «Что сказал товарищ Сталин? Товарищ Сталин сказал: “Пленных у нас нет, есть только предатели”. Советский солдат скорее умрет, чем сдастся в плен».

«Тарелка» радиотрансляционной сети не зря вбивала в неокрепшую детскую голову нравственные устои «самого гуманного в мире общества». В голосе Лили зазвучал обличительный пафос: «Князь Игорь не только сдался в плен Кончаку и пировал с ним, но даже хотел женить сына на дочери врага!» Лилю пытались урезонить: «Князь Игорь жил тысячу лет назад, отношения между людьми были тогда другие». «А когда они были правильные – тогда или сейчас?» «Ну конечно сейчас», – обреченно признали взрослые: товарищ Сталин ошибаться не мог. Наступила гробовая тишина. Пожилой администратор тоскливо подвел итог: «Эта девочка нас всех посадит»...

«Мастер и его дети»

Музыкант, профессор Абрам Ямпольский был «духовным отцом» и покровителем не только своей музыкально-школьной «семьи», но и многих известных музыкантов. К нему обращались за советом или утешением, когда дело касалось значительных событий, будь то женитьба, развод, рождение ребенка, смерть близкого человека. Некоторые просили устроить на работу. Ямпольский близко к сердцу принимал любое откровение или просьбу, обо всех с любовью заботился. Часто проявлял инициативу сам. Спустя много лет, когда Лиля оканчивала школу и готовилась к сольному концерту в Бетховенском зале Большого театра, по просьбе Абрама Ильича Семен Калиновский весь вечер опекал ее, следил, чтобы она вовремя и хорошо разыгралась, даже сам подстраивал скрипку. А после концерта Ямпольский дотошно выпытывал у Калиновского подробности и искренне радовался Лилиному успеху.

Ученица и профессор – Абрам Ильич Ямпольский и Лиля Бруштейн.

Однажды в Днепропетровске Абраму Ильичу показали способного подростка Ленью. Ямпольский послушал его, не колеблясь привез в Москву и на долгие годы поселил в собственной квартире, учил и воспитывал, как сына. Пройдут годы напряженного труда, и газеты восторженно напишут о победителе конкурса в Брюсселе, «Паганини двадцатого века» Леониде Когане. В числе первых его поздравила Лиля. Она же утешала Ленью, когда прежде, на Первом всесоюзном конкурсе, он уступил победу Ситковецкому и стал вторым.

Еще одному «сыну» Ямпольского, Юлиану Ситковецкому, прочили великое будущее, но молодой виртуоз безвременно скончался. Уже смертельно больной, он сбежал из больницы на панихиду учителя.

Список талантливых скрипачей, обязанных своим мастерством Абраму Ильичу, можно продолжать бесконечно. Вот лишь некоторые: Эдуард Грач, отец и сын Жуки, концертмейстеры госоркестра Шульгин и Футер. Последний уже в преклонном возрасте играл в коллективе Спивакова «Виртуозы Москвы».

Общение с одаренными детьми, каждый из которых – личность, было нелегким. И иногда Мастер терпел поражение. Незаживающей душевной раной стала для Ямпольского судьба Бориса Гольдштейна, его «Буси». Он обладал блестящей техникой и извлекал из скрипки изумительные звуки (высшая похвала Мастера для Лили: «Она играет, как Буся»). К сожалению, как нередко бывает, интеллект музыканта не соответствовал его большому дару. Когда подготовленный Ямпольским шестнадцатилетний Борис получил звание лауреата международного конкурса в Брюсселе, он решил, что уже готов к самостоятельной концертной деятельности. Напрасно Абрам Ильич уговаривал Гольдштейна, что успех на конкурсе – лишь первая ступенька на пути к высшему мастерству, а его нетерпение, желание сходу преодолеть трудную и долгую дистанцию, ведущую к подлинному признанию, может закончиться

плачевно. Никакие доводы не смогли убедить Бусю с его недалекой взбалмошной мамашей. Может быть, Абраму Ильичу и удалось бы со временем вразумить юнца, но Гольдштейна поддержал профессор консерватории Цейтлин. Обрадованный Буся перешел к нему. И погубил свою карьеру. Ямпольский горько сожалел о ярко вспыхнувшей и быстро погасшей звезде Гольдштейна. Сравнивая его технику с мастерством лучших скрипачей мира – Менухина, Хейфеца, Стерна, Мильштейна и Шеринга, Абрам Ильич считал, что у Буси качество звука выше. Однако по всем остальным компонентам скрипичного искусства и, главное, глубокой, одухотворенной собственным прочтением трактовке произведений, Гольдштейну далеко было до корифеев.

Имя его с годами забылось. Известно только, что впоследствии он эмигрировал и преподавал в Германии. И еще один факт, озвученный в свое время то ли «Немецкой волной», то ли радиостанцией «Свобода»: во время битвы за Сталинград Борис Гольдштейн играл на передовой Бетховена. Окопы противника находились совсем близко, там тоже слушали музыку. И пока звучала скрипка Буси, немцы не стреляли: «Когда говорят музы, пушки молчат».

«Как повяжешь галстук ...»

Как большинство одаренных людей, Лиля с детства терпеть не могла всякие сборища, считая, что на них тратят время на пустую болтовню, вместо того чтобы заниматься делом. Однако пионервожатая Надя, дочь школьной уборщицы, была другого мнения. К тому же она тайно завидовала Лилиному таланту и материальному благополучию ее семьи. Это выражалось в постоянных конфликтах с Лилей и доносах директору школы – то на систематические неявки пионерки Бруштейн на линейки, то на нежелание носить красный галстук. Потомственный дворянин Ширинский выслушивал эти доносы без энтузиазма, но не реагировать не мог: обвинение в идеологических просчетах в воспитательной работе при известном стечении обстоятельств могло стать роковым.

Василий Иванович наконец вызвал Лилю в свой кабинет и, стараясь придать голосу строгость, спросил: «Почему не носишь пионерский галстук?» – «Мешает играть на скрипке». – «А где он сейчас?» Лилия открыла пухлый портфель, где кроме учебников оказался огромный пакет – жирные пончики с корицей, чтобы дитя Розы Абрамовны могло восстанавливать израсходованные на непосильные занятия силы (вместе с Лилей силы восстанавливал весь класс). Покопавшись, пионерка Бруштейн извлекла наконец из пончиков и двумя пальцами предъявила директору засаленную тряпицу бурого цвета. Признать в ней символ красного знамени Ширинский отказался. Но справедливо рассудив, что на торжественных мероприятиях и отчетных концертах школы играть будет Лилия, а не Надя в своем отутюженном галстуке, директор все же нашел слова, чтобы деликатно донести этот факт до пионервожатой.

До десятого класса Лилю больше не тревожили. А в десятом классный руководитель Александр Харитонович с ужасом обнаружил, что ученица Бруштейн не комсомолка. В дополнение к «пятому пункту» это значительно осложняло ее поступление в консерваторию. Александр Харитонович конфиденциально объяснил Лиле серьезность ситуации и предложил написать заявление о приеме в комсомол. Выбор был невелик: либо принять предложение, либо забыть о дальнейшем музыкальном образовании. И Лилия – первый и последний раз в жизни – переломила себя, с отвращением согласилась. Добавив только, что Устав учить не будет. «И не надо, – обрадовался классный руководитель. – Остальное предоставь мне». Как преподаватель идеологического предмета истории он присутствовал на комсомольском собрании. И когда пришел черед

задавать вопросы, торжественно спросил: «Когда произошла Великая Октябрьская социалистическая революция?» Лиля ответила. «Правильно! – Александр Харитонович победно оглядел собрание. – Надеюсь, всем ясно, что товарищ Бруштейн созрела для столь ответственного шага? Против и воздержавшихся нет? Принята единогласно!» Историк стукнул кулаком по столу, как на аукционе молотком: «Продано!»

В райком за комсомольским билетом пришлось идти маме...

Посрамление Трошина

Шовинистическая истерия 1953 года по плану Сталина, как известно, должна была окончиться депортацией евреев из Москвы. Некоторые историки уточняют: пятого марта. Но в назначенный день величайший интернационалист всех времен и народов приказал долго жить, и безумная акция сорвалась. Однако антисемитизм еще будоражил умы некоторой части общества. Причем, не столько простых людей, сколько «белых воротничков», особенно тех, чья деятельность была непосредственно связана с идеологией. На этом «фоне» и поступала в консерваторию Леонарда Бруштейн.

Однако экзамен по специальности принимала та же комиссия, что и в ЦМШ. После исполнения первой темы концерта Чайковского председатель Юрий Исаевич Янкелевич остановил Лилю: «Все ясно. Играйте следующее произведение». Так повторялось до конца программы, и Лилия получила заслуженные «пять с крестом».

Как и ожидалось, самым трудным оказался экзамен по истории СССР. Известный своим мракобесием профессор Трошин отложил в сторону Лилин билет, даже не заглянув в него: «Это вы знаете». И посыпались вопросы, никакого отношения к школьной программе не имеющие. Но не зря Александр Харитонович дотошно готовил Лилю. Она со скоростью пулемета цитировала целые абзацы из истории ВКП (б). После часа экзекуции отчаявшийся Трошин спросил: «В котором часу началось заседание ЦИК, принявшее решение о вооруженном восстании в октябре 1917 года?» «В шесть утра», – не моргнув ответила Лилия. Видимо, экзаменатор и сам не знал ответа на свой вопрос. На Трошина жалко было смотреть. Он весь взмок, постоянно вытирал платком потеющий лоб, силясь придумать для «ужасной» абитуриентки очередное коварство. И тут вмешался член комиссии, с чьим мнением было неразумно не считаться – новый директор ЦМШ Розанов. Он наклонился к уху экзаменатора и что-то долго ему выговаривал, после чего Трошин сквозь зубы процедил Лиле: «Вы свободны». И до самых дверей провожал ее прищуренным ненавидящим взглядом. А против фамилии Бруштейн появилась четверка. Единственная за годы учебы в консерватории, все остальные оценки были отличные.

Печалился экзаменатор недолго. Следом за Лилей в класс вошел другой абитуриент и, характерно грассируя, представился: «Михаил Штейнберг». Трошин оживился и, почти не спрашивая, влепил ему двойку.

Однако и тут неутомимого борца за большевистские идеалы ждало горькое разочарование. Мишу хотел видеть своим студентом профессор Цыганов. Он подключил к «делу Штейнберга» могучие связи в министерстве, и Трошин был снова посрамлен.

Приговор

Консерватория блестяще окончена, но ни о какой аспирантуре теперь не могло быть и речи. Меньше всего огорчился отец Леонарды Носон. «Твоя мечта – концертная деятельность, а не преподавание, – внушал он дочери. – Зачем тебе ученая степень?»

Лиля полностью разделяла мнение отца. Но тут дело было в другом: ее хотели унизить, а этого она стерпеть не могла. Прогибаться Леонарда не умела. А негибких чиновники от искусства, как впрочем и всех других ведомств, ломали.

За редким исключением высокие чиновники тоталитарных режимов везде одинаковы. В середине XVIII века прекрасный русский поэт и философ Василий Тредиаковский перевел с французского «Историю римских императоров». В этой книге есть такие строки о приближенных Октавиана-Августа: «Не только злые предприятия на их живот (то есть жизнь – В.П.), но и самые легкие досады, также и простая небрежность в почитании были уже злопреступством нечестивым».

Леонарда позволила себе не просто «небрежность в почитании» или «легкую досаду» в адрес советской чиновницы. А было так. Дмитрий Шостакович и Давид Ойстрах написали Бруштейн блестящие характеристики. С ними она пришла к некой Ильиной, которая командовала всеми учебными заведениями страны. И спросила, почему вместо нее, обладателя диплома с отличием, лучшей скрипачки на курсе, в аспирантуру принят троечник, уступающий ей по всем статьям?

Партийная тетка, не читая, небрежно отодвинула обе характеристики и, расплывшись в торжествующей улыбке, разглядывала Леонарду немигающими глазами. От Ильиной исходил смешанный аромат духов «Красная Москва» и терпкого пота. Выдержав паузу, чиновница, медленно растягивая от удовольствия слова, произнесла: «Деточка, у него перед вами главное преимущество – национальное».

Класс Давида Федоровича Ойстраха. На первом плане Давид Ойстрах, Роза Файн, Леонарда Бруштейн и французская студентка.

Тетка точно рассчитала и наотмашь нанесла запрещенный удар. Впрочем, почему запрещенный? В партийных верхах антисемитизм считался хорошим тоном.

Леонарда побледнела и глухо ответила: «А у меня – перед вами».

Лиля, конечно же, так не думала. Просто хотела, чтобы зарвавшаяся советская чиновница хоть раз на собственной шкуре почувствовала, каково это, когда оскорбляют национальное достоинство. И цели своей достигла. Ильина изменилась в лице: «Слушай меня внимательно, жидовская сучка. Обещаю, что ты не будешь играть ни на одной сколько-нибудь приличной сцене. Катись со своим “красным” дипломом в сельский клуб».

Слово она сдержала. И начала с того, что запретила дирижеру Большого симфонического оркестра Гауку принимать Леонарду в свой коллектив.

Перед выпускницей Московской государственной консерватории, лучшей скрипачкой курса Леонардой Бруштейн, захлопнулись все двери.

Арго

В конце 1950-х Дмитрий Кабалевский пригласил Бруштейн в длительную поездку по Сибири и Дальнему Востоку. Она играла в концертах его скрипичные произведения. Между репетициями и выступлениями бывали и свободные часы. С особой грустью Лиля их провела во Владивостоке.

По выходным Владивосток наводняли матросы: их отпускали в увольнение. Рутинная корабельная служба, вынужденная изоляция от женского общества толкали на узконаправленное использование нескольких часов свободы, и молодые парни в бескозырках наметанным глазом примечали тоскующих разведенков, вдов и потерявших надежду на светлое будущее дурнушек. Леонарда с любопытством наблюдала, как на улицах и в парках стихийно возникали романы. И продолжались до той роковой минуты, когда гудки кораблей требовательно призывали матросов вернуться. Улицы города сотрясались от топота кованых ботинок, и Лиля вжималась в стены домов, давая дорогу спешащим на свои корабли юношам в бескозырках. По причудливой аналогии эта сцена напомнила Леонарде трогательную героиню сказки Перро.

Однажды вечером, когда матросы разбежались по кораблям, Лиля обратила внимание на двух старшин. Судя по возрасту, были они сверхсрочниками, а потому возвращаться не торопились. Младшие командиры сидели на скамейке, о чем-то спорили и в выражениях не стеснялись. Сказать, что это был мат, значит ничего не сказать. Это была импровизация высочайшего класса. Лиля профессиональным слухом запоминала самые изощренные «каденции». Однако уйти, не освоив досконально «науку», она не могла: когда еще представится такой случай? Скрипачка подошла к морякам и запросто попросила преподать ей полный курс русского мата.

В гостинице Леонарду ждал дежурный вопрос Кабалевского: «Где были, что делали?» – «Училась русскому арго», – скромно ответила Лиля. – «Выкладывайте, чему научились». – «Может, не надо?» – «Надо, обязательно надо. Хочу убедиться, что любознательная интеллигентная девушка не впустую тратила время».

И Лиля выложила... Кабалевский, потомственный дворянин и человек с энциклопедическими познаниями, бился в истерике: «И это вы называете арго? По сравнению с тем, что вы только что выдали, арго – косноязычие плебея рядом с сонетами Петрарки!»

Мизансцена

Благодаря стараниям верной слову чиновницы Ильиной, Бруштейн не брали в солидные музыкальные коллективы. Всю жизнь она проработала во МХАТе и параллельно много выступала с сольными концертами.

Начальник отдела кадров МХАТа Виктор Устименко сыграл роковую роль в жизни многих талантливых людей. И хотя после XX-го съезда партии лучшие времена для него прошли, в душе Виктор Иванович не изменился. Когда Леонарда принесла ему письма в поддержку присвоения ей звания заслуженной артистки РСФСР, под которыми стояли подписи Дмитрия Кабалевского, Арама Хачатуряна, Тихона Хренникова и Никиты Богословского, кадровик помрачнел. Видимо, пожалел, что так и не сумел (или не успел) рассовать этих композиторов по лагерям. Писали бы они теперь не рекомендации, а прошения о назначении пенсии с учетом проведенных в заключении лет. Жаль, что симпатичная евреечка была тогда слишком молода, а то бы ублажала начальника лагеря... Эта мысль породила другую, высказанную вслух: «Как вам удалось так легко заручиться поддержкой выдающихся композиторов?» Сальная улыбка красноречиво говорила, что имел в виду кадровик. «Я умею играть на скрипке, – ответила Леонарда. – Для выдающихся композиторов этого достаточно».

Однако такой ответ явно не устраивал Устименко. Во-первых, он не мог себе представить, чтобы симпатичная молодка, да еще с неполноценным «пятым пунктом» могла сделать артистическую карьеру не замаравшись. Во-вторых...

Он натравил на Лилю всех стукачей в оркестре, которые с его подачи начали плести вокруг нее интриги, распространять небывлицы. Поучаствовал в этой травле и Юрий Леонидов. В отличие от отца – известного артиста театра и кино Леонида Леонидова, Юрий был посредственным актером, зато обладал недюжинным талантом интригана, заседаая во всех общественных организациях МХАТа, провоцировал самые грязные театральные междоусобицы. Он любил, чтобы его боялись и не выносил людей независимых. Будучи председателем месткома профсоюза, Леонидов в паре с Устименко уверенно разыграл бесхитростный сценарий. На очередное заседание местного комитета они пригласили большей частью вспомогательный персонал театра – вахтеров, уборщиц, гардеробщиков – огласили документ, который подлежал последующему обсуждению. Вот его полный текст.

«28 мая 1973 года.

В ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

Секретариат правления Союза композиторов СССР горячо поддерживает ходатайство Московского Академического Художественного театра им. Горького о присвоении почетного звания Заслуженной артистки РСФСР солистке оркестра МХАТа, скрипачке Бруштейн Леонарде Носоновне, работающей в театре с 1960 года.

Советские композиторы хорошо знают и высоко ценят отличного музыканта, блестящего исполнителя Л. Бруштейн. Помимо своей работы в театре, Л. Н. Бруштейн постоянно участвует в открытых концертах из произведений советских композиторов. Она выступает в авторских встречах со слушателями многих советских композиторов, в их числе таких выдающихся, как А. Хачатурян и Д. Кабалевский. В обширном репертуаре Л. Н. Бруштейн произведения советских авторов занимают основное место.

Секретариат выражает уверенность в том, что своей отличной работой в оркестре театра и неустанной пропагандой советской музыки Л. Н. Бруштейн заслужила присвоения ей высокого звания Заслуженной артистки РСФСР.

Í áðáíé ñíéðáò áðíí í ðááéáí éý

Ñíðçà éíí ííçéòíðíá ÑÑÑÐ Ò. Óðáí í ééíá»

Леонарда Бруштейн и Дмитрий Кабалевский на крейсере, флагмане тихоокеанского флота.

Дальнейшее напоминало театр абсурда. С места поднялся вахтер и под одобрительный гул шариковых заявил: «Мало ли что думают о Бруштейн Хренников, Хачатурян и Кабалевский! А я вот не знаю, как она играет, и потому настаиваю на отводе ее кандидатуры». Фамилию скрипачки вахтер произнес нарочито картавя. Ему не пришлось долго «настаивать»: заранее сориентированная «стая» подавляющим большинством безоговорочно поддержала предложение.

Еще много лет Леонарде отказывали в присвоении звания все те же вахтеры, уборщицы и гардеробщики театра. Классический советский прием – выдавать несправедные акции за «глас народа» срабатывал неизменно. В пятидесятые годы на роль «обличителя» медицинских светил, объявленных «врачами-вредителями», назначили ничем не примечательного рядового эскулапа Тимашук. Позднее такую же роль отводили «представителям трудящихся», которые клеймили в печати Б. Пастернака и А. Солженицына, не читая их произведений.

Хренникову такие методы были хорошо знакомы, а потому он ежегодно продолжал ходатайствовать о присвоении Бруштейн почетного звания. Лишь однажды, и то ненадолго, в нем возобладал чиновник. В телефонном разговоре, когда Леонарда возмутилась творимыми с ней безобразиями, неожиданно Тихон Николаевич вскипел: «Что вы плачетесь? Вам что, кушать нечего? Вы музицируйте, музицируйте!» И Лиля не

выдержала: «Ешьте и музицируйте, музицируйте и ешьте... Не хочу быть рабом!» После гнетущей паузы в трубке послышался мягкий голос: «Успокойтесь, Лилечка. Мы все для вас сделаем».

Свое слово Хренников сдержал. А обид он никогда не помнил.

Между тем Устименко как мог продолжал вредить Леонарде. И ей это в конце концов надоело. Тогда она разыграла превосходную мизансцену.

В кабинете начальника отдела кадров висел большой портрет Сталина. Мельком взглянув на него, Лиля небрежно сказала: «В жизни он был немножко другой». Устименко насторожился: «Вы что, лично встречались с товарищем Сталиным?» – «Встречались. Ели хурму, пели дуэтом “Сулико”». Устименко вскочил со стула, вытянулся в струнку, сложил руки по швам и, не шелохнувшись, благоговейно выслушал давнюю историю. В состоянии, близком к ступору, деревянным голосом отчеканил: «Что же вы раньше этого не рассказывали?» Потом размяк, приложился к ручке и, осторожно ступая, проводил до дверей.

Лиля побежала в туалет: ее тошнило...

Леонарда Бруштейн и Дмитрий Кабалевский дают концерт в донецкой филармонии. 1961 год.

Не нужен мне берег канадский...

Эффект от мизансцены превзошел все ожидания. Через несколько дней все травившие Лилю интриганы, ревностные стукачи из гвардии Устименко, дружно подали заявления об уходе из театра. Такая покорная дисциплинированность потрясла даже приветствовавших этот беспрецедентный исход. Встретив Леонарду в коридоре, директор МХАТа Ушаков спросил: «Что ты сделала с Устименко? Он везде превозносит тебя до небес». Лиля невозмутимо пожала плечами: «Осознал, что был неправ, раскаялся».

Директор прекрасно помнил, как совсем недавно скрипачка и кадровик бурно выясняли отношения. Кто-то из «гвардейцев» Устименко будто бы узнал, де Бруштейн имеет вызов на постоянное место жительства в Израиль. Это был лучший способ воспрепятствовать выезду еврея куда бы то ни было.

Ушаков вызвал Леонарду в кабинет, где уже сидел Устименко. Вкрадчиво улыбаясь, начальник отдела кадров спросил: «На историческую родину потянуло?» Лиля потребовала подробностей. «Какие еще подробности?! – рявкнул кадровик. – Лучше покажите вызов в Израиль! Как я понимаю, вас там уже ждут». – «Никто меня там не ждет. А вот вас ждут в Канаде. Уже получили вызов?» – «Почему в Канаде?» – опешил Устименко. – «А там большая украинская диаспора». – «Какая Канада, что вы несете?! И потом – русский я по паспорту, понимаете?! Русский!» Наследник Сталина разве что не топал ногами.

Ушаков с интересом наблюдал эту сцену. Потом протянул скрипачке лист бумаги и продиктовал: «Я, нижеподписавшаяся Леонарда Бруштейн, ни сейчас, ни в будущем не собираюсь навсегда уезжать из СССР и менять советское гражданство. Число и подпись».

Ушаков небрежно бросил бумагу в ящик письменного стола. Это был пропуск Леонарды в загранкомандировки.

**На концерте в Колонном зале Дома союзов,
на сцене Леонарда Бруштейн и дирижер Юрий Соколов.**

Ростропович

В начале семидесятых Носону Залмановичу удалось прочитать запрещенный «Архипелаг Гулаг». Книга потрясла его, и он, всегда чуравшийся политики, другими глазами увидел трагически сложившуюся карьеру любимой дочери. Более того, стал склонять ее к диссидентской правозащитной деятельности. Но дочь видела свою судьбу по-другому: «При моем здоровье и стараниями чиновников, отсутствии широкой

известности в СССР и на Западе, КГБ ничего не стоит со мной расправиться. Я отомщу режиму иначе – получу все, чего так яростно пытаются лишить меня его холоуи и буду как кость торчать в их поганных глотках». – «Тогда было бы хорошо, если бы тебя поддержал Ростропович». – «У него на даче живет и работает Солженицын, поддержка опального музыканта принесет только вред». – «Нет, – настаивал отец. – Рекомендация всемирно известного виолончелиста и правозащитника принципиально важна именно теперь».

В консерваторском классе Ростроповича окружали ученики, поклонники и гебешники. Леонарда вспомнила встречу с Мстиславом Леопольдовичем несколько лет назад в Клайпеде. Чуть ли не с листа виолончелист играл на открытой летней площадке труднейший концерт Мийо. Порыв ветра смел с пюпитра ноты, но Ростропович невозмутимо продолжал, импровизируя на тему композитора. А когда скрипачи подобрали разлетевшиеся листы, оркестр как ни в чем не бывало закончил произведение бравурным финалом. Дирижировал легендарный Геннадий Рождественский – новый руководитель Большого симфонического оркестра. Того самого, в который Леонарда по окончании консерватории не попала.

Ростропович, заметив Лилию в первом ряду, после концерта подошел к ней: «Хочешь я поговорю с Геной, чтобы взял тебя в свой оркестр? Он мне не откажет». – «Спасибо, но я буду пробиваться сама. Как солистка». – «В наших условиях быть солистом очень трудно. Тем не менее, успехов тебе». И они дружески расстались.

И вот теперь – встреча в консерватории. Мстислав Леопольдович оставил шумную компанию, подошел к Лиле и без обиняков спросил: «Чем могу помочь?» Леонарда сказала, что ее выдвигают на звание заслуженной артистки РСФСР. «Если считаете, что я достойна, поддержите меня». – «Ты достойна большего, но боюсь, моя поддержка окажет тебе медвежью услугу». И пророчески добавил: «Хотя лет через двадцать, когда я въеду в эту страну на белом “Мерседесе”, моя рекомендация будет бесценной». Ростропович взял лист бумаги и написал:

«Аέδρεοίδοί ηηέ Όαά οάαοδα

Ε.Α. Οσαείηαι

Знаю Леонарду Бруштейн много лет по ее выступлениям, сначала – как студентки, а затем и как артистки. Обладая исключительным по красоте и наполненности звуком, блестящей техникой и незаурядным артистизмом, Л Бруштейн, как я думаю, является украшением музыкальной части вашего театра. Всяческое

поощрение этой замечательной артистки безусловно окрылит ее и поможет дальнейшему творческому росту.

Ī ñò èñëää Dīñò ðī ĭ ñ àè-. 1973 ã ä».

Ровно через двадцать лет, в 1993-м, этот документ действительно сыграл свою роль при присвоении Бруштейн следующего звания – народной артистки России. И, словно дурной сон, вспоминалось, как в далеком семьдесят третьем Ростропович, стоя спиной к гебешникам, писал свою рекомендацию. А они, изнемогая от любопытства, все норовили заглянуть ему через плечо и, наконец, не выдержали: «Что это вы там пишете?» – «Квартиру помогаю человеку получить, понимаете? Кварт-рти-ру...»

Шверубовичи и другие

Конечно же, Леонарда тогда не собиралась воспользоваться рекомендацией Ростроповича. А предполагать, что она пригодится через двадцать лет было бы немислимой дальновидностью. Обращение к великому музыканту стало своеобразным выражением солидарности с его политической позицией, ведь многие коллеги, оберегая собственный покой, с известных пор предпочитали не общаться с Мстиславом Леопольдовичем. К тому же не в правилах Леонарды было подставлять под удар третьих лиц: одно только знакомство с этой рекомендацией косвенно связало бы директора театра Ушакова со скандально известным диссидентом, и в случае чего карьеру Константина Алексеевича не спас бы даже могущественный шурин – член Политбюро и «хозяин Москвы» Гришин. Воистину: меньше знаешь – крепче спишь... Особенно руководя театром, который считается «лицом советской культуры», а значит, предельно идеологизирован.

Придавалось большое значение такому принципу: фамилии ведущих артистов, участвующих в спектаклях по русской и советской классике, не должны коробить национальное самосознание основной массы советских зрителей. Еще Станиславский, исходя из этого, в свое время предложил претендовавшему на работу во МХАТе гениальному Шверубовичу сменить фамилию. Согласно легенде, Василий Иванович задумался и посмотрел в окно. На улице сильный ветер качал деревья. И артист сказал: «Буду Качаловым».

Племяннику Качалова разрешили остаться Шверубовичем: его фамилия в афишах спектаклей не значилась. Благодаря заступничеству знаменитого дяди, по истечении лагерного срока его, бывшего белого офицера, больше не трогали, мало того, даже позволили преподавать в Школе-студии МХАТа – он был блестяще образован!

В начале Великой Отечественной войны прекрасному актеру фон Генке грозила депортация из Москвы. Спасло заступничество театра, а главное – Сталина, которому нравился этот артист. Но фон Генке пришлось сделаться Станицыным.

Полунемке-полуфранцуженке Шульц несмотря на талант, искрометный темперамент и неповторимое обаяние трудно было бороться во МХАТе за роли, а тем более соперничать с великой Аллой Тарасовой. Но жизнь Шульц значительно упростилась, когда она взяла фамилию «Андровская».

Актер Зяма Цильман много лет «тянул» лагерный срок по совершенно абсурдному делу. Позарившись на его комнату, сосед по квартире настучал в органы, что племянник Зямы, школьник, состоит в антисоветской террористической организации. Племянника, естественно, «убрали», дядю отправили осваивать Восточную Сибирь, а сосед благополучно занял освободившуюся в коммуналке жилплощадь.

После освобождения актеру невероятно повезло: его приняли во МХАТ, но заставили сменить фамилию. В память о городе, близ которого он ударным трудом приближал светлое будущее Отечества, Зяма Цильман превратился в Тобольцева.

Была во всем этом великая сермяжная справедливость. Ибо какое сердце истинного «патриота» не загорится праведным гневом, если он прочитает в афише, что, скажем, в пьесе Островского роли обитающих в патриархальной глубинке купцов, приказчиков, их жен и дочерей играют Шверубович, фон Генке, Шульц и Цильман?

В годы сталинского лихолетья многие меняли фамилии, нередко заимствуя их у русских жен и мужей. Доброжелатели советовали Леонарде взять хотя бы сценический псевдоним или девичью фамилию матери – Мархасина, которая на русскую хоть и не очень-то тянула, зато не так откровенно царапала слух советских чиновников от искусства. «Я – Леонарда Носовна Бруштейн, – отвечала скрипачка, – и никогда не предаю свои корни».

Иннокентий Смоктуновский, Никита и Наталия Богословские, Леонарда Бруштейн за кулисами в Колонном зале Дома союзов.

Знакомство с Богословским

После возвращения из гастрольной поездки с Кабалевским по Сибири и Дальнему Востоку первым, кто предложил Леонарде участвовать в авторских концертах, был Никита Богословский. Раньше с ним работал Михаил Гольдштейн, но к тому времени

он навсегда покинул Советский Союз. Чтобы передать ноты скрипичных пьес, а заодно лично познакомиться с новой исполнительницей, Никита Владимирович назначил ей встречу в Доме композиторов. В человеке небольшого роста в лихо заломленном набекрень берете Леонарда безошибочно узнала автора знаменитых «Темной ночи» и «Шаланд». Кстати сказать, автор слов этих песен поэт Агатов несколько лет провел в сталинских лагерях и вскоре после освобождения скончался. Реабилитирован посмертно.

Богословский, увидев женщину со скрипкой, тоже догадался, кто перед ним, и представился: «Я – Никита Богословский. А вы, вероятно, Лиля?»

Так началось их знакомство, которое продлилось тридцать восемь лет. К трем скрипичным пьесам Богословского прибавится еще шесть, записанных со временем на пластинку оркестром под управлением Юрия Силантьева с солисткой Леонардой Бруштейн. Она станет единственной исполнительницей скрипичных произведений Никиты Владимировича, хотя обычно никто долго не задерживался в «бригаде» этого чрезвычайно воспитанного, но с очень сложным характером человека.

Будучи исключительно пунктуальным, он требовал того же от других. Леонарда всегда соглашалась участвовать в его концертах, несмотря на то, что нередко они накладывались на другие важные мероприятия. Лишь однажды скрипачка вынуждена была отказаться от гастролей: у отца случился инфаркт. Богословский таил обиду целый год. А потом, как ни в чем не бывало, позвонил и не терпящим возражений тоном объявил об очередной концертной поездке.

Изумительный собеседник, остроумный и саркастический, Никита Владимирович очень любил шутки и розыгрыши, многие из которых давно превратились в легенды. Стать «героем» его изощренных придумок мог каждый – от случайного знакомого до руководителя Союза композиторов. Иногда его шутки бывали злы.

«У попа была собака...»

Композитор Михаил Бак был приятный во всех отношениях человек, и в Союзе композиторов к нему очень хорошо относились. Леонарда играла несколько пьес Бака для скрипки, но в основном он писал музыку для детей. Однажды Михаил Абрамович сочинил несколько эстрадных песен и понес их на суд коллег в песенную секцию Союза. Ни хвалить, ни обижать композитора никто не хотел. «Выручил» Богословский: «У попа была собака, поп ее любил. Она спела песни Бака, – поп ее убил». На этом обсуждение закончилось.

Больше всех доставалось от Никиты Владимировича Тихону Хренникову. После премьеры оперы «Мать» у всех на слуху была пародия Богословского: «В Большом премьера новая, билетов в кассе нет. Но музыка хреновая и матерный сюжет».

Жена Хренникова, пианистка по образованию Клара Вакс, была музыкальным критиком, командовала в Союзе композиторов целой армией музыковедов и усердно пропагандировала творчество мужа.

Жена знаменитого Шумана тоже была пианисткой и звали ее тоже Кларой. Кларой Вик. Это роковое совпадение послужило сюжетом для эпиграммы Богословского: «С карьерой тот простится вмиг, кто скажет необдуманно, что Кларе Вакс до Клары Вик – как Тихону до Шумана».

Клара Арнольдовна спустила на злого забияку свору музыкальных критиков. И получила в ответ: «Клара командует Союзом композиторов из-под Тишка».

Никита Владимирович прекрасно понимал, что острый язык и далеко не всегда безобидные проделки без последствий не останутся. Особенно если касаются влиятельных персон. И ничего не мог с собой поделать. Многие столь же маститые сверстники из музыкального мира были уже народными артистами, но Богословского Союз композиторов тормозил. К очередному юбилею этой организации обойти Никиту Владимировича было уже невозможно, и его представили к малозначительной награде - ордену «Дружбы народов». Однако, используя связи в ЦК, Богословский добился, чтоб ему сразу на несколько порядков изменили меру поощрения, присвоив звание народного артиста СССР.

Познавший на собственном опыте, как при желании окорачивают талантливых людей, Богословский настойчиво поддерживал Леонарду и первым поздравил ее с присвоением звания. В два часа ночи почтальон принес телеграмму «молнию»: «Ура. Никита, Наталья, Андрей Богословские».

Послесловие

Долгая неравная борьба с чудовищной машиной социалистического государства за естественное право таланта выходить на широкую аудиторию окончилась поражением Леонарды.

Страшная печать молчания, наложенная на ее творчество скрипачки, подточила здоровье. Во время долгой и мучительной болезни она больше всего сокрушалась о том, что не может играть, а значит жизнь потеряла смысл.

Перед самой смертью судьба все же сжалилась над ней, подарив возможность подержать в руках первый авторский компакт-диск, на котором среди других произведений записано одно из ее любимых – еврейские произведения Эрнста Блоха «Баал-Шем: три картинки из хасидской жизни» для скрипки и фортепиано. В Советском Союзе ее позволяли исполнять только зарубежным гастролерам. Ноты «Баал-Шема», написанные от руки, Леонарда с трудом отыскала в Ленинской библиотеке.

Два других диска вышли после ее кончины.

Жизнь Леонарды Бруштейн оборвалась ранней весной 1999 года. А ее прекрасное творчество все же выжило, сохраненное в пластинках, компакт-дисках и концертных записях.

Áëàæáí, èòí ðÿáíî ðëááí ùõ ääë

Ñáíé ääë óëðàíëë áúñò ðíò á-íúé.

ПОДВИЖНИК И ВРАЧЕВАТЕЛЬ

אי דען איי זעלע:

Автор – Борис Ильич Бенькович, врач, доктор медицинских наук, кандидат биологических наук, профессор, действительный член Российской академии естествознания, Нью-Йоркской академии наук и других российских и международных академий и научных обществ. Сфера его научных интересов – клиническая нейропсихофармакология.

Идея написать этот материал родилась в результате бесед с Главным раввином России Берлом Лазаром, человеком, в короткий срок сумевшим сделать чрезвычайно много в становлении полноценной еврейской жизни в стране. Встречи с ним произвели на меня глубокое впечатление. Раввин убежден, что восстановление памяти о евреях, внесших весомый вклад в развитие науки и культуры России, имеет большое значение для культурно-просветительского уровня нашей диаспоры. Невозможно с ним не согласиться, и я счел своим долгом осуществить задумку, возникшую в наших с ним беседах: рассказать о замечательном медике – моем отце.

С самого детства

Илюша Бенькович родился 23 апреля 1905 года в маленьком городке Сураж, что на границе Польши и Белоруссии, в семье крупного предпринимателя. Отец его имел высшее техническое образование, выучился в Германии. Мать, рожденная в семье адвоката, была музыкантом, закончила консерваторию. Илюша – их третий ребенок. Это был худенький мальчик с пышной копной кудрявых волос, с умными, пытливыми глазами, восторженно взирающими на окружающий мир.

Пятилетний Илья подолгу засиживался за книгами, рассматривая красочные иллюстрации, засыпал родителей вопросами, подчас ставя их в тупик. Он самостоятельно изучал русскую и еврейскую письменность и к моменту поступления в хедер уже мог читать и писать на идише и по-русски. Не удивительно, что там ему было довольно

скучно, и нехитрую программу хедера он освоил быстро, без особых усилий. С годами Илюшина страсть к книгам не остывала, за ними он проводил все свободное время, а потом с удовольствием обсуждал их со взрослыми, иной раз просто шокируя их не по возрасту серьезными и логичными умозаключениями. Он читал Тору, Талмуд и одновременно книги еврейских и русских писателей. Родителей беспокоило, что ребенок практически не бывает на улице, не играет со сверстниками, а он им отвечал, что это неинтересно. Природный интеллект существенно обгонял его возраст.

После хедера Илья, с первого раза преодолев пятипроцентную норму, поступил в гомельское реальное училище. И здесь проявляется его неукротимая тяга к знаниям, стремление постичь как можно больше в сравнительно короткий срок. Ему удавалось сдавать экзамены экстерном, не раз проходить двухлетнюю программу за год. К детям евреев относились предвзято, но даже педагоги-антисемиты, а таких было в училище немало, всегда хвалили мальчика, когда родители приезжали проведать сына. Однако училище Илюша не закончил: помешали события 1917 года.

Этот период был тяжелым испытанием для семьи Беньковичей, полным невзгод и потрясений. Отец потерял практически все свое состояние, мать стала часто и подолгу болеть. Вернувшись домой, Илюша, дабы не усугублять и без того тяжелейшее положение родителей, не откладывая решил заняться репетиторством. Однако с учетом новых веяний это оказалось не просто. На него стали писать доносы, в которых особое внимание обращалось на бывшее высокое имущественное положение его отца. Из-за этого возникало много сложностей даже с получением временных заработков. Посоветовавшись с родителями, Илья решает уехать в Астрахань, где в то время жил его сводный брат. Но и там ему пришлось перебиваться случайными заработками: он работал и писарем, и электриком, и варил вакуу, словом, не гнушался никаким трудом.

Илья Бенькович.

1930 год.

Из любви к матери

Конечно, юноша очень тяжело переживал свое положение, нестерпимо хотелось учиться. В итоге ему все же удалось экстерном сдать экзамены за курс средней школы, и теперь у него появилась новая, казалось бы, несбыточная мечта – стать врачом. Илья очень любил мать, и ему казалось, что, став врачом, он несомненно поставит ее на ноги, вернет к полноценной жизни. Увы, мечта была несбыточной, ведь одной из главных

причин многих материнских недугов была утрата положения и состояния семьи и очень болезненная адаптация в новых социальных условиях!

Понимая, что в Астрахани он не сможет осуществить задуманное, по совету брата Илья решает переехать в Ростов-на-Дону к дальним родственникам, у которых можно было ненадолго остановиться. И влечет его туда вот что: в результате военных действий в Ростов-на-Дону в этот период перебазировался практически весь медицинский факультет Варшавского университета с блестящим составом профессуры.

Ученая элита Варшавского университета адаптировалась здесь с трудом. Старые маститые профессора тяжело воспринимали новые малопримлемые для них социальные порядки, переживали утрату прежней престижной работы в сытой и благополучной Варшаве. Они с недоверием и пренебрежением относились к разношерстной, разновозрастной студенческой массе, в которой, как правило, доминировали представители той социальной среды, с которой у них всегда очень сложно складывались отношения. Большинству профессоров в немалой степени были свойственны антисемитские воззрения, причем проявлений государственного антисемитизма в тот короткий период 1920-1930-х годов в Советской России еще не наблюдалось.

Итак, озаренный мечтой стать студентом медицинского факультета Северо-Кавказского университета, Илья перебрался в Ростов-на-Дону. К этому времени он уже достаточно коммуникабельный, интеллигентный молодой человек. Перебиваться случайными заработками для него было не ново. Он даже ухитряется материально помогать родителям и в то же время стремительно направляет все усилия к осуществлению заветной мечты – поступлению на медицинский факультет. В итоге одаренный юноша становится студентом, получает место в общежитии и с головой уходит в учебу.

Роза Бенькович-Богатина и Илья Бенькович.

1936 год.

Экзамен на прочность

Практически все свободное от занятий время Илья проводит в анатомическом театре и на кафедре физиологии. Учитя он очень увлеченно, жадно, буквально засыпает преподавателей нескончаемыми вопросами. Вскоре его уже все знают на медицинском факультете: хотя юноша значительно моложе многих своих коллег, но успешно

редактирует факультетскую газету «За медицинские кадры», возглавляет научное студенческое общество. И при всей этой занятости Илья с удовольствием всем и во всем помогает.

У него появилось много друзей. Его стали замечать именитые профессора. Пытливый молодой человек привлекал внимание даже очень строгих и малоэмоциональных представителей варшавской профессуры. Приходя на практику в клинику, Илья с огромным интересом погружается в ее работу и определенно отдает предпочтение кафедре нервных и душевных болезней. Эту кафедру возглавляют известные ученые – психиатр академик Ющенко и невролог-нейрохирург профессор Эмдин. Заметив неукротимое желание студента приобщиться к научной проблематике, разрабатываемой одной из ведущих кафедр медицинского факультета, посоветовавшись, ученые решили проверить молодого человека на «прочность». Эмдин предлагает студенту четвертого курса Илье Беньковичу разработать заведомо непосильную, на его взгляд, научную тему: изучение реактивности сосудистых сплетений головного мозга на фоне нейроинфекции (сыпной тиф, скарлатина, корь и др.). Методический подход к разработке этой сложнейшей темы также предлагается разработать самому студенту.

Даже с современных позиций порученное Илье представляется чрезвычайно сложным, к тому же опасным: речь идет о работе с секционным материалом инфекционных больных! Долгие вечера после занятий Илья проводит в библиотеке университета, пытаясь охватить всю доступную в тот период специальную литературу. Хотя фонды университетской библиотеки достаточно богаты, ведь они вместили в себя большую часть медицинской литературы из Варшавского университета, в которой представлены основные работы большинства известных европейских специалистов, студенту не удалось обнаружить практически ни одного исследования, которое могло хотя бы теоретически облегчить его поиск. Что делать? Обложившись атласами и учебными пособиями, советуясь со специалистами, Бенькович самостоятельно намечает план предстоящей работы, разрабатывает ее методику. Со всем этим он приходит к профессору Павлу Эмдину, человеку чрезвычайно вспыльчивому, бескомпромиссному и резкому в оценках и суждениях. Отец рассказывал, что, направляясь к профессору, он очень волновался, но, придя и положив ему на письменный стол свои разработки, как-то сразу успокоился. Профессор с удивлением взглянул на него: видно, после предложенной темы он не рассчитывал его здесь увидеть. Молча перелистав принесенные записи, все же сказал, чтобы тот зашел через пару дней.

Илья Бенькович. 1941 год.

Начало научной работы и ранняя карьера

Эти дни отец провел в непреодолимом напряжении, не в силах сосредоточиться на текущих занятиях. А утром назначенного дня он уже сидел у кабинета профессора. Подойдя к кабинету, Павел Иосифович снова окинул отца удивленным взглядом, но уже с оттенком трудно скрываемого интереса, предложил войти в кабинет и сказал, что считает подготовленные материалы интересными и разрешает начать исследовательскую работу.

С той поры все свободное время отец проводил в патоморфологической лаборатории, осуществляя свой замысел. Однажды, работая с секционным материалом скончавшегося от сыпного тифа, он случайно порезал палец, и, хотя были предприняты все возможные профилактические меры, к вечеру у него сильно подскочила температура. Все, включая профессора, были уверены, что начинается сыпной тиф. К счастью, у отца оказалась банальная простуда: в секционном зале, где приходилось работать часами, было очень холодно!

Время бежит быстро. Вот уже с отличием окончен университет. Отцу предложили поступать в аспирантуру, и он выбрал сразу две кафедры – физиологии, возглавляемую известным ученым академиком Рожанским, и кафедру неврологии и нейрохирургии под руководством профессора Эмдина. Успешно сдав экзамены, он зачисляется одновременно в две аспирантуры. На базе обеих кафедр он продолжает начатую в студенчестве исследовательскую работу, посвященную изучению реактивности сосудистых сплетений головного мозга. Большую часть времени отец посвящал работе в клинике нервных болезней и нейрохирургии.

Учеба в двух аспирантурах, врачебная практика невролога-нейрохирурга заполняют всю его жизнь, а руководство краевого отдела здравоохранения предлагает ему заняться еще и весьма актуальной в тот период организационной работой. Молодой врач становится начальником управления научно-исследовательскими институтами Северо-Кавказского края, а край этот – все северокавказские республики (Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Чечено-Ингушетия, Калмыкия и др.), Ростовская область, Ставропольский край и другие территории. На его территории работало 22 научно-исследовательских института!

Трудно сказать, из какого количества часов складывались сутки отца, но в течение нескольких лет он успешно сочетал исследовательскую деятельность с научно-организационной. Впоследствии его еще избирают и председателем ученого совета Северо-Кавказского краевого отдела здравоохранения. Отец рассказывал мне, как складывались отношения у него, еще в недавнем прошлом студента, с профессорами, его бывшими учителями. И надо сказать, в основе этих отношений всегда лежало неизменное уважение отца к ним и желание как можно глубже каждого понять и пойти навстречу. Никогда при этом он не подчеркивал своего административного превосходства.

Вероятно, успехи отца в организации и становлении научной медицины на Северном Кавказе вскоре были замечены: его неожиданно перевели в Харьков – тогда столицу Украины, начальником Управления научно-исследовательскими учреждениями наркомата здравоохранения Украины и заместителем наркома здравоохранения Украины по науке. Наркомом здравоохранения Украины был доктор Канторович.

Столица Украины в ту пору представляла собой крупнейший центр медицинской науки. Особенно успешно развивалось психоневрологическое направление. Работая в новой должности, отец много сил отдал созданию в Харькове Украинской психоневрологической академии, которая впоследствии объединила под своей крышей выдающихся ученых-неврологов и психиатров (психиатры академик Ющенко, профессор

Гольденберг, братья-неврологи профессора Геймановичи, патофизиолог профессор Альперн и другие). К сожалению, плодотворный период работы отца в Харькове оказался не очень продолжительным: надвигался трагический 1937-й.

Был репрессирован и нарком здравоохранения Украины доктор Канторович, который вскоре погиб в застенках ГПУ-НКВД. Тогда же один из бывших коллег и друзей отца по работе в Ростове-на-Дону профессор Гаркави предлагает ему оставить научно-организационную работу и сосредоточиться на исследовательской деятельности в возглавляемой им клинике нервных болезней и нейрохирургии Горьковского медицинского института. После некоторых раздумий отец принимает его предложение.

С трудом получив согласие Наркомата здравоохранения, он переезжает в Горький. Это решение в прямом смысле продлило жизнь моего отца, ибо, оставшись в Харькове, он, безусловно, не избежал бы участи Канторовича. В Горьком он вновь получил возможность с головой уйти в исследовательскую работу. Продолжая разработку начатой еще в Ростове-на-Дону проблемы, связанной с изучением реактивности сосудистых сплетений головного мозга, он возобновляет нейрохирургическую и неврологическую практику в клинике нервных болезней и нейрохирургии Горьковского медицинского института. Итогом его многолетних научных поисков стала книга «Сосудистые сплетения мозга при инфекционных заболеваниях», впервые осветившая многие аспекты прежде совсем не исследованной проблемы. Выход книги был отмечен блестящими отзывами ведущих неврологов страны: академиков Гращенкова, Кроля, Сеппа и других. Вскоре ее перевели на многие европейские языки.

Этот период – значительная веха в жизни отца, да, собственно, и моей. В гостях у профессора Гаркави отец встретил Розу Богатину, влюбился, и спустя недолгое время сочетался с ней законным браком. Девушка оказалась дочерью саратовского раввина Иосифа Богатина. Вскоре после брака дочери его репрессировали. Однако это обстоятельство ни в чем не поколебало моего отца. Вплоть до ареста раввина они были очень дружны, отец часто приезжал в Саратов, где долгие зимние вечера они проводили за интереснейшими беседами. Мой дед был исключительно одаренным и всесторонне образованным человеком (о его жизни см. «Лехаим» № 7, 1999).

Определившись в личной жизни, отец опять с головой уходит в разработку актуальнейших для клинической неврологии и нейрохирургии проблем, изучает белковый обмен в головном мозгу, клиническую синдромологию и патоморфологию черепно-мозговой травмы. В этой связи он плодотворно сотрудничает с профессором Городисской – ученицей известного биохимика академика Палладина.

Тогда же судьба ставит отца перед нелегким выбором. Академик Кроль, возглавлявший клинику нервных болезней первого московского медицинского института и одновременно являвшийся главным неврологом Кремлевской больницы, предлагает отцу возглавить «Кремлевку», а Наркомат здравоохранения – вновь создаваемый Хабаровский медицинский институт. Взвесив оба предложения, он решает остаться на своем месте и сосредоточиться на проводимых научных исследованиях. И не зря: к середине 1941 года он блестяще завершает работу над докторской диссертацией. Защита была назначена во Всесоюзном институте экспериментальной медицины им. Горького, ВИЭМ, на июнь 1941 года...

В боевом строю

Однако плодотворная научная работа неожиданно прервалась – началась Великая Отечественная война. Отказавшись от положенной брони, в первые же дни отец уходит в действующую армию: сначала он возглавляет нейрохирургическое отделение полевого подвижного госпиталя, а потом полевой подвижной нейрохирургической госпиталь Московского военного округа. Однажды в Москве на совещании в Главном военно-медицинском управлении Красной армии отец случайно встречается с директором ВИЭМа академиком Гращенковым. Оказывается, тот разыскивает его, чтобы сообщить: отец рекомендован на должность начальника базового госпиталя ВИЭМа, который должен быть развернут на базе Уральского военного округа. Отец возражает, но через пару часов Гращенков вручает ему приказ о назначении на новую должность.

И вот уже на базе бывшего старого бальнеологического санатория «Кисигач» на Южном Урале развертываются подразделения ВИЭМа, возглавляемые известнейшими учеными (академик Гращенков, профессор Лурия и другие). В сравнительно короткий срок отцу удается переоборудовать абсолютно непригодные для проведения научных исследований помещения санатория. Все годы войны свое вынужденное администрирование он сочетает с активной невролого-нейрохирургической практикой, интенсивно продолжает исследовательскую работу, начатую в Горьком. Опыт работы в госпитале еще больше обогатил его докторскую диссертацию.

В 1944 году по просьбе наркома здравоохранения СССР полковник медицинской службы Илья Бенькович поступает в распоряжение управления науки Наркомата здравоохранения. Наконец-то проходит защита его докторской диссертации, получившей блестящие отзывы ведущих неврологов, биохимиков и патоморфологов. Ему предлагают возглавить кафедру нервных болезней и нейрохирургии во вновь организуемом Северо-Осетинском государственном медицинском институте (г. Орджоникидзе – Владикавказ). За короткое время отцу удается создать базу для нормальной работы новой кафедры и клиники. Здесь он успешно работает несколько лет. В эти годы выходит в свет его книга «Белковый обмен в головном мозге», которую он посвящает своей жене и верной сотруднице доктору Розе Бенькович. Книга с большим интересом была встречена в научном мире и впоследствии переведена на английский язык.

А в семье Беньковичей уже растут двое детей: дочь Женя и сын Борис, то есть я. В будущем Евгения станет ученым-биохимиком, доктором наук, как и отец, активно займется исследованием проблем биохимии мозга, а я – неврологом-нейропсихофармакологом, разрабатывающим проблемы воздействия нейрофармакологических препаратов на мозг человека.

Что до отца, то в дальнейшем по предложению Наркомата здравоохранения СССР он создавал и возглавлял ряд новых кафедр и клиник неврологии и нейрохирургии в нескольких создаваемых медицинских институтах – в Челябинске, Ворошиловграде и других городах. В период 50-х, печально известных так называемым «делом врачей», отец был вынужден отойти от научно-педагогической деятельности, и тогда он целиком окунается в исследовательскую работу.

Всегда на передовой

В послевоенные годы в стране оказалось огромное количество инвалидов с огнестрельным и травматическим поражением спинного мозга, и Министерство

здравоохранения СССР, несмотря на широкую антисемитскую кампанию, предложило отцу организовать клинику восстановительной терапии спинальных поражений на базе Всесоюзного научно-исследовательского института физических методов лечения и климатотерапии им. Сеченова. Клиника была им создана на базе одного из санаториев Крымского грязевого курорта Саки. В прошлом здесь работал известный нейрохирург – главный нейрохирург Красной армии академик Бурденко. В короткие сроки создав приемлемые условия, отец приступает к активной лечебной работе с этой тяжелой, а порой почти безнадежной категорией больных. В воспоминаниях моего детства Саки – это улицы и прекрасные парковые аллеи, запруженные огромным количеством колясок с ручным управлением. Известно, что большая часть этой категории больных вовсе была прикована к постели: люди страдали от пролежней, у них прогрессировали атрофические процессы. Все свое внимание и опыт отец сосредоточил на разработке адекватной комплексной методики восстановительной терапии, использующей местные бальнеологические возможности (ропа, лечебная грязь и другие). В результате такая методика была создана и представлена на суд научно-медицинской общественности. Повторю: вся страна находилась под впечатлением публикаций по «делу врачей» и боролась с космополитизмом. Несмотря на это, после бурного обсуждения в Центральном институте курортологии и Министерстве здравоохранения СССР методика отца была признана эффективной, утверждена Главным ученым советом МЗ СССР и рекомендована к применению. Приказ был подписан известным хирургом – первым заместителем министра здравоохранения СССР профессором Кочергиным.

Вернувшись в Саки, отец приступает к активному использованию своей методики, и через короткое время ее эффективность была убедительно подтверждена. Помню, как в клинику к отцу попал известный баритон – солист Государственного академического Большого театра СССР, лауреат многих государственных премий, народный артист СССР Алексей Иванов. Страдая тяжелейшим воспалительным процессом в спинном мозгу, он безрезультатно лечился во многих неврологических клиниках Москвы и Ленинграда. Попав к отцу абсолютно обездвиженным, с множеством пролежней и расстройством тазовых функций, спустя всего полгода он покинул клинику лишь с палочкой в руках, вскоре прислал отцу свой портрет из музея Большого театра с надписью: «Дорогому Илье Львовичу, моему исцелителю, возвратившему к жизни и благородному труду». А через несколько месяцев он уже успешно выступал на прославленной сцене и много гастролировал. В Большом вновь появились неподражаемые Риголетто, Мазепа и другие не менее замечательные его герои. Видя Иванова на сцене, невозможно было представить, что совсем недавно этот человек был безнадежно прикован к постели. Как-то Алексей Петрович показал отцу газету с некрологом о его смерти. Теперь это могло вызвать только иронию.

Долгие годы их с отцом связывала дружба, мы бывали на даче Иванова в Петрово-Дальнем, где собирался цвет творческой интеллигенции тех лет. В те же годы отец поддерживал теплые отношения и переписывался с поэтом И. Сельвинским, писателем И. Эренбургом и другими.

Когда в стране началась эпидемия полиомиелита у детей, отцу предложили организовать и возглавить клинику восстановительной терапии для пострадавших от этой тяжелой болезни в Евпатории. И вновь была проведена колоссальная работа, достигнутые результаты представлены во многих научных публикациях, в газетах «Правда Украины» и «Медицинский работник». Отец ежедневно получал от 50 до 100 и более писем с просьбами о госпитализации в клинику больных детей. Естественно, возможности клиники не позволяли принять всех нуждающихся, однако отец делал практически

невозможное. Как всегда, весь накопленный опыт он обобщил и представил в книге «Полиомиелит и методы его курортного лечения».

Позже отец возглавлял клинику восстановительной терапии последствий черепно-мозговой травмы Всесоюзного научно-исследовательского института физических методов лечения и климатотерапии в Ялте, работал в клиниках Минска, Москвы, активно занимался консультативной работой и даже был удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки».

Последние годы жизни он посвятил обобщению своего богатейшего опыта в книге «Компенсаторно-приспособительные процессы в нервной системе и методы их активной стимуляции». Предисловие к ней написал известнейший физиолог академик Анохин. К сожалению, при жизни отца она не вышла.

Профессор Бенькович и слушатели факультета усовершенствования врачей.

Ленинград.

1961 год.

Династия

Отец всегда был увлекающейся натурой, писал стихи. Он бескорыстно врачевал не только тела, но и души страждущих. В нем был заключен блестящий талант психотерапевта. Меня всегда поражала его неустанная подвижническая деятельность... И всегда рядом с ним была моя мама – Роза. Бенькович-Богатина, талантливый врач, умница, человек огромной души. На мой взгляд, это была счастливая пара. Пример

любимых родителей оказался решающим в выборе профессии для нас с сестрой, по мере возможности мы продолжили их дело. Блестящим врачом, хирургом был и муж сестры – Илья Израилевич Гершанович, всю войну прошедший в десантных войсках, впоследствии возглавлявший одну из московских больниц. Он скончался от инфаркта миокарда стоя за операционным столом. Его дочь, моя племянница Изабелла Гершанович, окончила медицинский институт. Еще студенткой она активно занималась изучением патологии нервной системы, опубликовала ряд интересных научных работ. За год до окончания клинической ординатуры она с успехом защитила кандидатскую диссертацию на стыке фармакологии и психиатрии. Словом, всю нашу семью с уверенностью можно назвать врачебной династией.

Ко всему сказанному нужно добавить, что всю свою жизнь мои родители оставались евреями, были преданы иудейской традиции и в таком же духе воспитали детей.

Я писал эту статью, чтобы отдать дань памяти известному ученому, талантливому врачу, прекрасному человеку, всю свою жизнь посвятившему борьбе за здоровье людей. Не мне судить, насколько это удалось.

ВЕЛИКИЙ ХУДОЖНИК

Об Александре Тышлере

Григорий Анисимов

Есть такое верование: каждый человек встречается в своей жизни самых необходимых ему людей – любимых, друзей, единомышленников.

Случайных встреч, будто бы, не бывает. Словно сам Б-г решает – столкнуть такого-то с таким-то или развести их в разные стороны навсегда.

И в моей жизни встретился необыкновенный по уму и сердцу, удивительный по таланту и природной одаренности человек – Александр Григорьевич Тышлер.

...На вершок бы мне синего моря,

на игольное только ушко!

Мандельштам

Мы были связаны на протяжении почти сорока лет, постоянно бывал в его мастерской, беседовал с ним, вместе ходили мы на выставки, сидели за одним столом. Я читал ему главы из своего романа о художниках восемнадцатого века, слушал его советы, писал о нем статьи, записывал его размышления. Он дарил мне свои работы и каталоги с трогательными надписями: «Дорогому другу на добрую память».

Уже двадцать с лишним лет как он ушел из жизни, но он и сегодня живет во мне. Я о нем думаю, вновь и вновь разглядываю его работы в Третьяковке, в Музее личных коллекций, нередко советуюсь с ним, словно продолжая давно начатый разговор по душам.

Надежда Яковлевна Мандельштам училась вместе с Тышлером в художественном училище в Киеве. Было это в 1917 году. Она часто рассказывала о Тышлере Осипу Мандельштаму, а в 1963 году прислала Александру Григорьевичу письмо такого содержания: «Осип Эмильевич после осмотра Первой выставки художников-станковистов (ОСТ) сказал мне: “Так и бывает – живет рядом с нами веселый добрый человек, покупает дыню, покупает краски, моет кисти, а потом оказывается, он-то и есть великий художник, гордость своих современников”».

«Мандельштам никогда не усомнился в своей оценке», – заканчивает свое письмо Надежда Яковлевна.

Зато вокруг Тышлера не было никогда недостатка в сомневающих по особым соображениям. Конечно, они знали настоящую цену Тышлеру как исключительному мастеру, выдающемуся театральному художнику, живописцу и графику. Но у него было не все в порядке с пятым пунктом; и хотя его постоянно приглашали с персональной выставкой то в Англию на шекспировские торжества, то во Францию, где его готовы были принять лучшие залы Парижа, то в Германию с выставкой-продажей, властям очень не хотелось, чтобы Тышлер представлял за рубежом советское искусство. Его творческие достижения как-то мало вязались с социалистическим реализмом, главным требованием которого были победная улыбчивость и радостный оптимизм в революционном развитии. С показным, поистине идиотским оптимизмом у Тышлера было и впрямь плоховато, не было оснований: один за другим исчезали близкие ему люди – Мандельштам, Мейерхольд, Бабель, Кольцов, Михоэлс...

Всю жизнь Тышлера хотели подчинить, приспособить к обслуживанию власти, сделать его послушным и удобным. Ему не присваивали званий, не выпускали за границу,

держали в черном теле с заработками, не давали постановок в театре, но сломить железную волю этого невысокого, хрупкого, нежного человека все как-то не удавалось. Тышлер был неуступчив, принципиален, твердо стоял на своем.

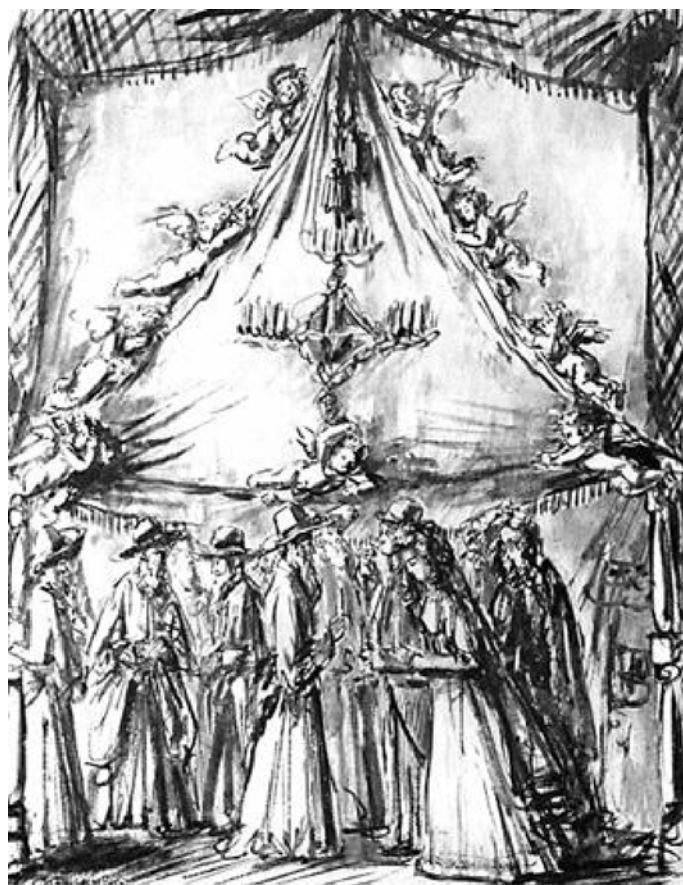
В 1974 году на улице Вавилова открылась большая персональная выставка Александра Григорьевича. У него было несколько работ, объединенных в серию. Тышлер назвал серию «Благовест». Партийные чиновники хотели тут же снять работы с выставки, утверждая, что Тышлер занимается религиозной пропагандой. Но вовремя нашлась жена: «А если назвать серию “Миру – мир”? – спросила она. – Тогда можете оставить ее на стенах!» Тышлер только усмехнулся.

На выставке я подошел к Тышлеру, он был весел, возбужден: «Ну, вот, – сказал Тышлер, – теперь у вас полное право написать обо мне, есть хороший повод!»

Я быстро подготовил рецензионную заметку. Стал обходить редакции. Нигде заметку не брали. Я позвонил в отдел культуры ЦК, где работал бывший журналист, мой хороший знакомый, рассказал ему, он коротко ответил: – «Зря стараешься. Тышлер в черных списках!»

В пересказе это звучит безобидно, даже с оттенком юмора. А каково было художнику, которого постоянно дергали, чувствительно унижали пренебрежением, равнодушием, стараясь кольнуть побольней. – «Три недели висит моя выставка – и ни одного слова в прессе! – посетовал Александр Григорьевич. – Пусть обругают, но только не молчат...»

Мастеру хотелось услышать что-нибудь о своих работах. Ведь он работал постоянно. Работал с вдохновением и завидным упорством. Он был не только великий художник, но и великий труженик. Корни такого трудолюбия в его биографии. Вот как сам Тышлер рассказывая об этом: «Я родился в небольшом городке Мелитополе 26 июля 1898 года. Отец мой был столяром. Отец брал заказы на мебель – столы, кушетки, комодики. Заказчиками его были немцы-колонисты и украинцы. Я любил смотреть, как работал отец. Детство мое прошло среди стружек. Мебель отец обычно делал из ольхи. Это очень красивое дерево, после полировки она очень напоминает красное дерево. Дед мой и прадеды тоже были столярами. Отсюда и наша фамилия. Тышлер означает столяр. Моя мать – кавказская еврейка, в девичестве Джин-Джих-Швиль. В семье было восемь душ детей: три дочери и пять сыновей. Два брата стали столярами, два – типографскими наборщиками. Две сестры с большим трудом получили среднее образование. Я вырос в окружении русских, еврейских и украинских ремесленников – дружно живших благородных рабочих людей. А семья была частью мира.

Эскиз мизансцены к пьесе Э.Шнеера (Окуня) «Фрейлехс». 1945 год.

Жизнь моих братьев и сестер была недлинная. Брат Илья — наборщик-большевик, был повешен врангелевским генералом Слащевым в Симферополе. Другой брат был убит махновцами. Третий был расстрелян фашистами в Мариуполе в 1942 году. Сестры тоже не дожили до старости. От многочисленной семьи я остался один».

...Александр Григорьевич надолго замолкает. Картины детства и воспоминания, видимо, рисуют его воображению яркие образы: то он видит сестру Соню, которая отлично рисовала. То себя самого в окружении маляров, раскрашивающих брички и расписывающих железные кровати. Когда они уходят в пивную, Саше поручают расписывать колеса и стенки повозок. Мазать кистью для маленького Тышлера — несказанное наслаждение. Он рисует пирамидальные тополя, узоры, украинские пейзажи с белыми хатками.

Старшая сестра Тамара везет четырнадцатилетнего Сашу в Киев. Он отлично сдает вступительные экзамены в художественное училище и остается один в большом шумном городе. Его определяют в семью слесаря на полный пансион. Его учителя — А.Франковская, Н.Струнников, В.Кричевский, К.Монастырский. Из Франции приехала А.Экстер. Тышлер ходит в ее мастерскую. В 1917 году Тышлер окончил училище. Началась гражданская война. Он уходит добровольцем в Красную Армию. В 1920-м демобилизуется, уезжает в Мелитополь. В том же году впервые принимает участие в художественной выставке.

И последующие шестьдесят лет своей жизни отдает искусству. Его работы экспонируются во Франции, Италии, Голландии, Англии, Бельгии, Америке, Канаде, Японии. Пятьдесят выставок в СССР и тридцать две — за рубежом.

Сплав бесконечного, необъятного мира фантазии и детских воспоминаний, отточенное и блестящее мастерство живописца, графика, скульптора, сценографа, работавшего с Мейерхольдом, Радловым, Зускиным, Михоэлсом, Завадским и другими великими режиссерами вывели Александра Тышлера в первый ряд самых выдающихся художников XX века. «Я до сих пор живу детскими и юношескими воспоминаниями», – говорил восьмидесятилетний Мастер.

Когда Тышлеру сказали, что в Москву приедет Марк Шагал и попросили его принять у себя выдающегося маэстро, Александр Григорьевич наотрез отказался. На мой вопрос, почему он не хочет встретиться с Шагалом, Тышлер ответил коротко: «О чем мы будем с ним говорить? Выслушивать его сожаления, снисходительные оценки? Зачем они мне? Я сам лучший и самый строгий критик своих собственных работ. Мне довелось поработать в еврейском, русском, украинском и узбекском театрах, в театре “Ромэн”. Спектакль “Овечий источник” я как художник-постановщик представил в Минске, в Белорусском государственном еврейском театре. Мне всегда хотелось поразить, удивить зрителя. Нередко мне это удавалось...

Девушка и город №4 из серии «Девушка и город». 1972 год.

И, знаете, что самое важное в нашем деле? Художник должен быть свободным. Тогда он сможет творить. Ему необходимо быть честным, искренним, владеть культурой своего ремесла. Мне многое в жизни открылось при изучении древнерусского искусства, творчества мастеров Возрождения и Испании».

Целые серии работ Тышлера посвящены воспоминаниям о детстве: «Еврейские невесты», «Продавцы часов», «Карусели», «Балаганчики», «Женихи», «Бондари»,

«Продавцы палок», «Продавцы птиц и мелких животных». Мир Тышлера добрый, человечный, радостный.

Он жил в самое тяжелое, страшное, неудобное и неподобающее ему время, что мало повредило его гению.

«Вы знали Юрия Олешу? – тихо спросил Тышлер. Стоя у мольберта, он повернулся ко мне, маленький, ладный, изящный и вопросительно поднял брови. – Не знали? А я его знал хорошо, мы дружили и любили друг друга. Мне вот сейчас заказали для книги написать несколько страничек воспоминаний об Олеше. Я, как мог, отговаривался – нет времени, да и не писатель я, но упростили. Согласился я и намучился с этим вот так, – Тышлер провел рукой по горлу. – Оказалось, что писать о человеке очень трудно. Это требует невероятной усидчивости, напряжения. И этому нужно отдаваться целиком. Так что мне чуть ли не на месяц пришлось отложить живопись.

Тышлер тщательно вытер кисти, сел на маленький диванчик, улыбнулся и хитровато подмигнул:

– Двигать пером намного трудней, чем мазнуть кистью. Я писал каждый день, правил, переписывал. И от каждодневного писания у меня оставалось несколько настоящих правдивых строчек.

Тышлер уселся поудобнее, чтобы и руки и ноги отдыхали, и продолжал рассказ свой с видимым удовольствием:

– Встречались мы с Юрием Олешей всегда в одном и том же месте – в кафе «Националь». Он приходил туда в течение многих лет, занимал столик у окна, из которого открывалась широкая панорама Кремля, Красной площади с Василием Блаженным и с бесконечной очередью в мавзолей Ленина. Олеша читал газеты, писал, беседовал с артистами, поэтами, художниками. Его столик никогда не пустовал, все время обрастая друзьями и знакомыми. Я приходил в кафе обычно во второй половине дня, подсаживался к Олеше, мы обменивались новостями или вовлекались в общий разговор, спорили. Я уверен, что без споров, без диспутов и ругани, без творческого общения трудно работать. И вот, когда я писал воспоминания, то старался вызвать в себе зрительные и слуховые впечатления. Получалось складнее. А вообще-то писать на самом деле очень трудно. Если бы не жена Олеша Ольга Густавовна Суок, я бы ни за что не согласился. Но это очаровательная женщина, и я не мог ей отказать. Я же знал многих – и Маяковского, и Есенина, и Мейерхольда, и Ахматову, и Михоэлса, дружил с ними и о каждом, вероятно, мог бы написать, но на это нужно потратить уйму времени. А мне некогда, ведь я в мастерской весь день. Если пропущу хоть один день – чувствую себя уже не в своей тарелке.

Бойня. 1925 год.

– А зачем вы это делаете? – спросил я. – В вашем возрасте можно было бы и поменьше работать. У вас столько шедевров, что их и девать некуда...

– Бросьте, бросьте! – с живостью отрезал Тышлер и помахал рукой. – У каждого художника есть работы плохие и хорошие. Наша жизнь из одних шедевров не состоит. Я помню, меня однажды позвали на выставку. Там, говорят, два Рембрандта есть, которые впервые экспонируются в Москве. Я люблю этого художника и поехал. Смотрю – и что же? Вижу – один Рембрандт хороший, великолепный портрет, а второй – неудачная работа. И я подумал: «А что же в этом удивительного? И у Рембрандта могла получиться неудача». С каждым художником это может быть, никто не застрахован ни от чего. А вот на ваш вопрос, зачем я работаю каждый день, я отвечаю: если художнику есть что сказать и если он не ленив, нужно работать каждый день.

– Вы считаете, Александр Григорьевич, что в этом смысл жизни художника?

– Да, и смысл жизни тоже! – твердо сказал Тышлер, и глаза его вспыхнули тем таинственным и добрым светом, к которому я привык за долгие годы знакомства и не уставал удивляться этому молодому напористому сиянию, ощущая себя мальчиком возле мудреца.

Немного отдохнув, Тышлер легко встал, взял с полки несколько листков и прочел мне их вслух. Это и были его воспоминания о Юрии Олеше. Написаны они легко, просто, с очаровательной тышлеровской изобразительностью, создающей эффект присутствия. Словно это не он, а ты сам сидишь с Олешей за столиком «Националя», слушаешь его острые фразы, ловишь оброненные метафоры и схватываешь на лету прекрасные мысли. Особенно поразили меня два места из этих воспоминаний: первое, где говорится, что люди, которые подходили и уходили, были карандашами, а Олеша – перочинным ножиком, одни карандаши так и оставались туповатыми, а другие становились заостренней. И второе, где Тышлер пишет, что видел в Олеше Черта, который отрубил себе хвост, чтобы облегчить путь в пространство, и уже ничего не могло помешать ему ходить по земле, взлетая и отрываясь от нее, чтобы лучше увидеть тонкое и сложное в жизни и человеке.

Для меня сам Тышлер был во многом таким добрым Чертом, который изображал борьбу добра со злом, опускал человека в преисподнюю, в ад, потом возвышал его, увлекал в космические просторы, показывал рай, где много вина и прекрасных женщин, втягивал в сомнительный кабачок, где за столом с бокалами в руках чинно сидели рогатые персонажи, но и там было не страшно, а весело, потому что Тышлер всю жизнь оставался художником счастья, он изумлялся вечной, нестареющей красоте мира, радовался неисчерпаемости жизни. Его влекли дерзкие полеты над сказочными городами, он рисовал отчаянных любовников, которые мечтали сложить голову у ног возлюбленной, и неприступных красавиц, печально и томно вззирающих на мир с высот уже обретенного счастья. У Тышлера было особое спокойствие средневекового мастера, уверенного в своих силах, само ремесло которого доставляло ему ни с чем не сравнимое наслаждение. Тышлер по-детски шалил с чертовщиной, он забавлялся сам и заставлял играть своих зрителей, и не только зрителей: пылали и перемигивались зажженные свечи, возвещая близкий праздник, носились птицы, девушки, цветы, вращались искрометные карусели, что-то недоброе замыслили семь пар нечистых, взбегали в небо шелковые лестницы. И все это был светлый день рождения Мира – счастливого и первозданного для всех живых людей.

Лир и Шут.

1934 год.

Однажды молодой художник спросил у Александра Григорьевича:

– Скажите, когда вы начинаете работать, вам не страшно подходить к чистому холсту?

У Тышлера по-детски засияли глаза.

– Еще как страшно! Бррр! Я хожу вокруг чистого холста, как тигр около еще более страшного зверя. Хожу и не знаю, как к нему подойти... Но вот я набираюсь смелости и говорю ему: «Ну, здравствуй! Вот тебе моя рука. Будем знакомы! Начнем работать!»

Бесконечно живой в каждой своей картине, в каждом рисунке, Тышлер работал с тем особым упорством и убежденностью, когда сама работа помогает ему жить дальше.

Без этого упорства и этой убежденности было бы невозможно появление в нашем искусстве Александра Тышлера. Не случайно еще в 1928 году И. Хвойник писал:

«Очередной цикл совершенно необычайных композиций выставил даровитый и упрямый Тышлер и навлек на себя тем ярость и славный гнев суровых Катонов современности». Консерватизму критиков Тышлер мог противопоставить только одно – свое право видеть и изображать мир так, как он открывался его внутреннему взору художника. Он отыскивал в нем то, что Гоголь называл «очаровательной прелестью осязаемой сущности». Отвечая на упреки и нападки гневливых Катонов, которым казалось, что именно они-то и могут наметить единственно верную и прямую дорогу для искусства, Тышлер вынужден был взяться за перо. В специально написанной статье «Найти общий язык» он замечал: «Наши критики, останавливаясь исключительно на литературной стороне произведения, как будто забывают, что живопись строится не только на теме, но и на профессионально-техническом процессе, который также определяет высоту и качество вещи... Когда художники сами заговорят о своих ошибках и промахах, когда они сумеют взглянуть на себя “со стороны” и увидеть не только свои достижения, но и признаться в своих недочетах, тогда значительно расширятся и возможности критики. Тогда, расценивая какую-либо вещь, критик будет знать об отношении к ней самого художника, о замысле самого мастера. Это, по-моему, является одним из необходимейших условий правильного анализа каждого произведения».

Не прошло и полгода, как «упрямого» Тышлера снова одернули, да еще как! В 1933 году Тышлер выставил пять картин на большой юбилейной выставке «Художники РСФСР за 15 лет». И вот что писал тогда один из критиков: «...Он [Тышлер] на редкость однообразен. У него два свойства: он – головной визионер, во-первых, и тонкий живописец, во-вторых. Второго себя он ставит на службу первому. Мастер в нем служит художнику. Это, вообще говоря, очень хорошо, так и должно быть. Но если в искусстве реалистическом это повышает действенность художника, то в искусстве формалистическом это понижает ее и зачастую вводит в тупик. Тышлер – своего рода сектант “дырмоляй”: он молится дырке, в которой никто, кроме него самого, ничего не видит. Хорошо бы толкнуть Тышлера, чтобы он выкатился, хотя бы через голову, на вольный свет, встал, отряхнулся и поглядел на живую жизнь живыми глазами». Ровно за восемь лет до этого ценного совета «поглядеть на живую жизнь живыми глазами» Александр Григорьевич сделал рисунок «Бойня». Историю создания этой работы художник рассказал мне так впечатляюще, что, придя домой, я записал его воспоминания почти дословно. Итак, работа датирована 1925 годом, а рассказ о ней – 1965-м! Вот как это вспомнилось Тышлеру через сорок лет: «Однажды мне захотелось сделать рисунок – “Убийство быка”. Никому это в голову не приходило, а мне пришло. Я решил поехать на бойню, чтобы посмотреть. Ехать пришлось долго, сначала на трамвае, который петлял через весь город – бойня находилась где-то за дальними окраинами, – потом пешком. По дороге мне встретились рабочие с бойни, каждый из них нес в руке огромную печенку быка. Это не было украдено, они несли это гордо, напоказ, как заслуженную награду. Видимо, у этих бойцов был обеденный перерыв.

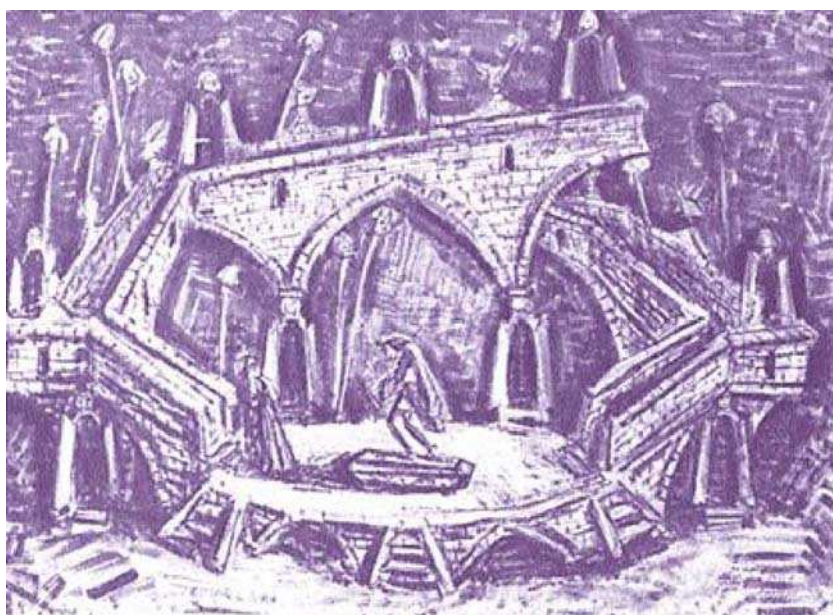
Я подошел к длинному–длинному каменному зданию. Там понуро, с опущенными головами стояли быки. Они покорно ждали своей очереди, словно наперед зная свою горькую участь. Стояли быки тихо. Они чувствовали недоброе. Им положили много еды, но они совершенно к ней не прикасались. Никто из них ничего не ел.

Вскоре вернулись убойщики, и работа началась. Очередного быка привязывали веревками за голову и начинали тянуть в каменный сарай. Бык идти не хотел. Тогда его сильно били палками по заду. Он стоял. И вдруг решался. В эту секунду он был похож на человека, который идет на верную смерть. Они правы! Надо идти, деваться некуда. И бык входил в здание. Его долго вели по полутемному помещению, вокруг не было никого – ни людей, ни животных. Тревожно и страшно пахло кровью.

На освещенном пятачке стоял боец и держал в руке небольшой кинжал. Быка подвели к пятачку и привязывали накрепко к железному столбу. Боец наносил быку короткий удар ножом в шею. Бык терял сознание и валился, ему перерезали вены и артерии и подставляли какие-то корытца для стока крови. Мне сказали, что бычья кровь – очень ценное сырье. Все было кончено. Начиналась разделка быка, сдиралась шкура, отрезалась голова, все отдельно. Все отдельно. На меня это произвело жуткое впечатление. Я очень долго не мог есть мяса и даже смотреть на него.

Я сделал свой рисунок. Недавно мне показывали его в Третьяковской галерее».

Слушая рассказ Александра Григорьевича и потом разглядывая дома репродукцию рисунка пером «Бойня», я думал о том чистом, прозрачном и волшебном стекле, через которое художник видит весь мир. И не просто видит, а изображает его с чувством первооткрывателя. С любовью, состраданием и милосердием ко всему живому, хотя бы к тому же быку, которого сейчас безжалостно и обыденно убьют. Для Тышлера живая жизнь, действительность никогда не превращались в прошлое, он был погружен в нее по уши. Все, все для него было животрепещущим и личным. Не потому художник поехал на бойню, что ему непременно хотелось посмотреть, как разделяют мясные туши. Натуралистической приниженности, бытовизма Тышлер не выносил. Что-то гораздо более важное вызвало в художнике стремление увидеть и потом нарисовать убийство быка. Философское решение темы убийства, художественное обобщение – вот что влекло мастера. Именно поэтому он искал и находил в действительности точки и моменты наибольшего выражения, напряжения, интенсивности. Это были горячие точки. И Тышлер рисовал порывисто, хлестко, живо, забывая о манере, стиле, доверяя своему внутреннему ощущению. Так мог ли нарисовать «Бойню» художник, который «молится дырке», «сектант», «нарцисс» и «дырмолай»? Мог ли он нарисовать «Демонстрацию инвалидов», где над головами калек вздымаются костыли, или «Расстрел почтового голубя» – легкой и беззащитной птицы, или озверевших от разгула «махновцев», гогочущих на тачанках, за которыми волочатся по земле трупы расстрелянных? Тышлер видел и изображал убийство и войну как величайшую трагедию.

«Ричард III». Эскиз декорационной установки.

1964 год.

Когда в Москве в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина открылась выставка произведений А. Тышлера – это было в 1966 году, – я брал интервью у И. Г. Эренбурга. Мы беседовали на квартире писателя, который давно знал и любил Тышлера и спорил с критиками о нем еще в 1934 году.

– Слишком долго отвергали Тышлера за «формализм», – говорил Эренбург, – а потом вдруг открылась выставка его работ, связанных с Шекспиром, в Доме литераторов. Я думаю, что гений Шекспира сыграл большую роль в становлении Тышлера. Ведь есть нечто органически родственное у советского художника Александра Тышлера, внешне веселого и благодушного, с великим английским драматургом. Не случайно кинорежиссер Г. Козинцев одну из глав своей книги «Наш современник Вильям Шекспир» посвятил Тышлеру: работы художника для него – не «оформление» трагедий или комедий, а создание образов с помощью цвета и формы, образов, душевно близких Шекспиру. Глава, в которой Г. Козинцев пишет о Тышлере, называется «Крылатый реализм». Но для меня Тышлер не просто реалист, хотя бы даже и крылатый, а живописец, художник своего мира, фантаст и сказочник.

– Илья Григорьевич, вы знаете Тышлера на протяжении нескольких десятилетий. Изменился ли он за это время как художник?

– Тышлер часто менял технику, но не сущность формы. Что бы он ни делал – декорации для театра, станковую живопись, рисунки или скульптуру из дерева, – он продолжал рассказ о жестокости и детскости, о счастье увидеть мир иным, чем его видят стилизаторы, пошляки и мещане от искусства. Тышлер рассказывал о приснившихся ему красавицах, у которых на голове не шляпы, а свечи, скворешники или даже самовары и целые города. Тем и реалистична сказка, что она может устроить чаепитие в космосе и превратить похищение быком Европы в веселую поездку. «Крылатому» все можно.

Тышлер чрезвычайно живой, веселый художник. И жаждет он всегда порадовать, а не огорчить. Однако многие его холсты трагичны. Вспомните тышлеровский «Расстрел почтового голубя». Вряд ли он вызовет у зрителя желание скушать трофейную птицу с зеленым горошком. Творчество складывается не только из индивидуальности художника, но также из характера эпохи.

Успех этой выставки Тышлера в Музее изобразительных искусств знаменателен. Он показывает, как стосковались наши зрители по настоящей живописи. В этом году в Париже должна была быть показана выставка четырех художников – Петра Кончаловского, Александра Тышлера, Павла Кузнецова и Мартироса Сарьяна. Французы смогли бы убедиться, ознакомившись с ней, что антиживописность отнюдь не в характере нашего народа.

Некоторые из тех, кто принадлежит к направлению, которое называется «академическим», думают, что они современны. Но это современность болонцев XVII века. Антиживописность смертна, и теперь она, на мой взгляд, приблизилась к возрасту конца. Бессмертно только искусство.

Вспомните лица посетителей выставки Александра Тышлера, там было очень много художников, которые пришли и специально приехали из других городов. Они стояли взволнованные и радостные перед его работами. Я подумал тогда: все становится на свое место, медленнее, чем некоторые того хотели, но скорее, чем меняются геологические пласты сознания...

Беседуя с Ильей Григорьевичем Эренбургом о работах Тышлера, я снова подумал о том, с каким большим участием и сочувствием относится художник к своим героям. И как мощно и целеустремленно добивается он возможности раскрыть их духовный мир, их психологию. Это характерная особенность многих тышлеровских работ, в том числе и театральных. О своей работе в театре Тышлер еще в 1935 году говорил так: «Я не становлюсь рабом сцены, у меня всегда есть свой пол, потолок, свои стены, свое, так сказать, пластическое хозяйство. Я люблю, когда мое оформление укладывается целиком в зрачке, как силуэт, как архитектурный образ, когда оно укладывается в сознании, и как место, где могло произойти только данное событие, могли рождаться, жить, умирать только данные герои. Для всей моей работы характерен иронический оттенок, пластический парадокс, гротеск».

А в 1973 году у себя в мастерской на Верхней Масловке Александр Григорьевич говорил:

- Живопись – искусство созерцательное, оно рассчитано на тишину. Обратите внимание на то, как тихо в музеях. Однажды я наблюдал за тем, как молодые люди – парень и девушка - смотрели иконы Рублева в Третьяковке. Они замерли. Они были поглощены искусством... Эта поглощенность хороша, она животворна. В детстве я часто видел скифскую скульптуру. Скифские бабы со сложенными маленькими ручками стояли у нас в Мелитополе во дворах. Я тогда не понимал их художественной ценности, но они мне очень нравились и, вероятно, воспитывали по-своему неопытный детский глаз. Потом в годы моего ученичества в Киеве я видел скифских баб в саду университета... Помню, в молодости я с увлечением копировал Леонардо. Он мне тоже очень нравился. Как-то я скопировал его «Автопортрет», но без бороды. И получилась Джоконда. Потом я нарисовал Джоконду, но с бородой. И получился сам Леонардо.

Слушая Александра Григорьевича, нельзя было не поражаться удивительной цельности и прямотности этого художника и человека, который своим искусством делает для всех людей важное и большое дело. Он не отрешается ни от чего, не боится пробовать, не боится отказываться от привычных путей, смело идет на риск, на эксперимент. Он и к классике подходит творчески.

Ричард III.

1963 год.

Тышлеру всегда была свойственна активность отношения к миру. Его искусство выросло из глубин жизни. «Во время работы я сам и художник, и ответственный критик, – говорил Тышлер, – но одновременно со мною в мастерской как бы присутствует мой воображаемый зритель, который иногда меня поправляет. Кстати, потом на своих выставках я часто встречаю именно такого зрителя. Я хочу доставить людям радость. То, что я вижу и вынашиваю в процессе создания вещи, должно быть для зрителя новым, вызвать ощущение нового видения. Это не значит, что мои работы ни с чем не связаны. Наоборот, я признаю связь времен. Живопись должна иметь нити, соединяющие столетия. Связь времен – это традиция. Я думаю, что традиция есть и в народном творчестве, и в станковой живописи. Не может быть новорожденного искусства без генов. Новое же мы находим там, где художник пластически мыслит и, не повторяя старого искусства, связан с ним. Я многое постиг благодаря древнерусскому искусству, живописи великих мастеров итальянского Возрождения и Испании. Новаторство – это то, чего другие не делали. Я как бы даю не увиденное еще никем». Однажды Виктор Попков спросил, обращаясь к Тышлеру:

- Александр Григорьевич, почему вы никогда не выступаете на обсуждении выставок, в печати, не поделитесь своими мыслями об искусстве, ведь нам, молодым художникам, очень хотелось бы знать, о чем вы думаете, о ваших взглядах, симпатиях и антипатиях?

Тышлер выслушал его с большим интересом, глаза его засветились ласковой добротой.

– Виктор, я выступаю все время своими картинами, зачем же мне болтать, – смеясь ответил Александр Григорьевич, – смотрите мои картины, там мои взгляды, симпатии, антипатии и все остальное!

Попков развел руками, на такой ответ мастера и возразить-то было нечего.

Всю свою жизнь Тышлер работал сериями-циклами. Каждая тема в его холстах получала свое развитие. Она могла повторяться несколько раз на протяжении многих лет. Временами художник возвращался к своим сериям и циклам, затевал новые, бесконечно их варьировал.

– Для моей работы характерна цикличность, – говорил Александр Григорьевич, – но эти повторения не самоцель. Они возникают в результате развития темы, хотя между отдельными работами цикла есть композиционная разница, и дыхание каждой вещи различное. Таким образом я могу прочувствовать тему до конца, и цикл дает мне возможность не только завершить тему, но и найти в последующей вещи то, что мне не удалось осуществить в предыдущих. В то же время каждая работа цикла может жить самостоятельно, независимо от других.

Тышлера упрекали в однообразии, когда он был молодым художником, подобные обвинения слышались и тогда, когда за плечами мастера был уже полувековой путь в искусстве и он был участником пятидесяти крупнейших выставок в СССР и тридцати двух -за рубежом.

Когда была развернута выставка произведений Тышлера в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, где были представлены серии «Соседи моего детства», «Гражданская война», «Цыганы», «Махновщина», «Похищение Европы», «Фестиваль», «Самодеятельный театр», «День рождения», «Маскарад», «Расстрел голубя», «Балаганчик», «Цветочные полки», «Сказочный город», «Океаниды», «Клоуны», живопись, графика, скульптура, театральные эскизы, мы ходили с Александром Григорьевичем от одной работы к другой, и он говорил:

-В каждой из моих серий нет двух работ с одинаковым композиционным построением и одинаковой цветовой гаммой. Каждый раз я решаю поставленную перед собой задачу по-новому. Тот, кто говорит, что Тышлер одинаков, ошибается. Тышлер – разный. Они или плохо смотрят, или мало видят. Найдите мне две одинаковые композиции на выставке – их нет, как нет и двух картин, одинаковых по цвету. Зачем же мне копировать самого себя? Это скучно. Ведь каждая композиция – это такой органический круг, такое замкнутое кольцо, где нельзя ничего ни прибавить, ни убавить!

Жена Р. Р. Фалька Ангелина Васильевна Щекин-Кротова позвонила как-то Александру Григорьевичу и сказала, что в одном письме Фалька из Парижа нашла высказывание о нем.

-И что же он пишет? – нетерпеливо спросил Тышлер.

- Пишет, что вы – милый сказочник и что ваша графика, которую он видел, доведена до совершенства японской каллиграфии, а еще просит прислать несколько фотографий вещей Лабаса и Тышлера и говорит – как это ни странно, но это единственные художники, которые его по-настоящему интересуют, и никто из так называемых живописцев, ни Лентулов, ни Куприн, ни Рождественский и т.д., пожалуй, еще немного интересуют Древин и Удальцова...

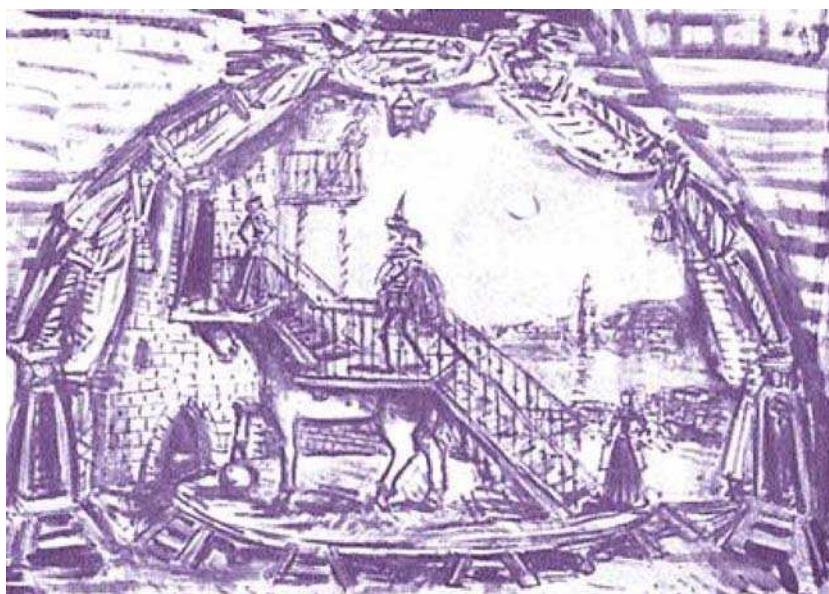
-Когда это написано? – спросил Тышлер.

- Письмо датировано 1933 годом, -ответила Ангелина Васильевна и добавила: - Не слушайте тех, кто вас ругает. Это враки. Вот я хожу по березовой роще -и все березы похожи друг на друга, у всех белые стволы с поперечными черными крапинами, а все вместе они создают ощущение счастья! Так и ваша живопись!

Тышлер был очень тронут этими идущими от сердца словами.

На протяжении всей своей жизни А. Г. Тышлер работал в театре. Начал он художником-постановщиком в 1926 году. Его первая значительная работа – «Овечий источник» Лопе де Вега. В 1935 году Тышлер оформил два шекспировских спектакля: «Король Лир» – в Московском государственном еврейском театре и «Ричард III» – в Большом драматическом театре им. А. М. Горького в Ленинграде. Режиссер-постановщик «Короля Лира» С. Михоэлс вспоминал, что в процессе работы у него было много споров с Тышлером.

-Мне кажется, что Тышлер пьесу прочитывает только один раз, -говорил Михоэлс, -и затем всецело отдается первому впечатлению, очевидно, что при чтении он в пьесе даже не видит слов. У Тышлера сразу возникает сценический объем, он как бы читает пространство. Это, конечно, чрезвычайно ценное свойство художника, -замечал Михоэлс.

«Двенадцатая ночь».

Эскиз декорационной установки.

1964 год.

И все же первые эскизы Тышлера озадачили и Михоэлса, и Н. Э. Радлова, потому что Тышлер стремился в оформлении передать дух старого шекспировского театра, который представлялся ему в виде кочевого балагана. И еще художнику особо хотелось подчеркнуть народность Шекспира и примитивность сценических средств его эпохи.

- Какой же главный, на ваш взгляд, образ должен стать лейтмотивом спектакля?
- спросил Тышлер у режиссера Радлова.

- Главное – это ворота замка, - ответил Радлов, - и закрываются перед Лиром. Образ поднимающегося цепного моста должен создать впечатление внешней отгороженности Лира от замка и подчеркнуть, что Лир изгнанник, что он отрезан и оторван от всего, что было для него привычным.

Радлов глубоко и всесторонне знал Шекспира, его доводы были убедительны. И тогда Тышлер согласился создать новый макет. Художник сделал кирпичное здание, стены которого, когда это нужно, распахиваются, словно ворота. Внутри расположены два зала: черный и темно-красный. Лестницы, ведущие в эти залы, могут превращаться в цепные мосты. Статуи и изображения соответствовали духу далекой эпохи Ренессанса.

- Работать с Михоэлсом над спектаклем для меня было большим наслаждением, - вспоминал Александр Григорьевич, - он мне очень верил и никогда ничего не навязывал. К концу рабочего дня я уже начинал по нему тосковать. Хотелось скорей выйти с ним, зайти в «Националь» и там за кофе и кое-чем другим посидеть, пофантазировать, поделиться мыслями. Мое терпение иссякало. В самый разгар репетиции я послал ему записку без слов с изображением папиросы с крылышками. И часто я этой папиросой добивался желаемого результата. Михоэлс прерывал репетицию, посылал мне настоящую папиросу. Он смеялся, и актеры смеялись, и тут уж было не до репетиции. Вскоре он выходил, и на его лице было написано: «Ну и спасибо тебе, Сашка».

В спектакле «Король Лир» особенно удались Тышлеру костюмы. Для художника костюм всегда был очень важен. А в шекспировских пьесах – и подавно. Костюм помогал художнику правильно акцентировать основные, ударные моменты трагедии. Вот как менялся, скажем, костюм Лира. В первой картине он был одет в черное с золотом, а сверху накинута мантия. Когда Лира изгоняли, на нем тоже была мантия, но уже более скромная, которая говорила скорее о былом величии короля. В степи мантия висела на Лире, как тряпка, на одном плече, грудь обнажена. В шалаше мантии уже не было. И только в палатке у Корделии на Лире снова была мантия, на которой звездами рассыпаны короны.

В 1974 году в зале на улице Вавилова открылась выставка произведений А. Тышлера. Экспозиция тышлеровских работ была приурочена к 75-летию мастера. Однако, как и предшествовавшая его персональная выставка 1969 года, она не была юбилейной по своему характеру. Это был творческий отчет за истекшие пять лет. Тышлер продолжал работу над своими излюбленными сериями «Фашизм», «Балаганчик», «Самодетельный театр», «Фортуна», «Благовест». Присущее художнику чувство театра нашло непосредственное выражение в новых сериях «Шекспировские куклы», «Леди Макбет», «Мистерия-буфф». Не было работ полувековой давности. И как всегда на выставках Тышлера, в зале царил праздник. Девушка со снопом на голове соседствовала с девушкой, обрамленной городом, неслись в космос немислимые корабли с указующим перстом на том месте, где должно находиться острие ракеты. После того как Юрий Завадский выступил на вернисаже, я подошел к нему и попросил, чтобы он рассказал мне подробнее о совместной театральной работе с Тышлером.

- С великим удовольствием, - живо отозвался Завадский, - но только у меня абсолютно нет времени – я тороплюсь на репетицию в театр, машина уже ждет меня внизу, а завтра рано утром улетаю с театром на гастроли...

- А когда у вас самолет?
- К сожалению, в 8.50!
- А в семь утра к вам можно?

Завадский улыбнулся:

- Ну, если не проспите, валяйте! Вот вам адрес и телефон, так рано я еще никому интервью не давал.

Юрий Завадский рассказывал мне:

- Впервые в совместной работе мы встретились с Тышлером в маленькой студии в Головином переулке. Он создал декорации к «Школе неплательщиков». Сделано им все было изящно, остроумно, выразительно. Общий язык с художником мы нашли необыкновенно быстро. Для меня Тышлер - художник поразительный, ни на кого не похожий. Тот, кто ищет в нем фотографическое жизнеподобие, будет разочарован. Тышлер никогда не был сухим регистратором быта и литературщиной не грешил, он умел добиваться сочетания живописи с сюжетностью. Он всегда стремился создать точный образ эпохи, находил нужные средства для передачи характеров и обстоятельств. Зная Тышлера с 1935 года, я всегда с радостью встречал оформленные им спектакли. Но он никогда не был узким профессионалом. Его искусство удивительно современно, связано с действительностью. Посмотрите, как вдохновенно и молодо работает Тышлер в свои 76 лет, какой он мудрый и одухотворенный! С разящей силой ненависти рисует Тышлер фашистов, убийц, их тупые лица, а рядом изображает прекрасных девушек и светлую жизнь. У Тышлера тончайший колорит, а какой он филигранный, виртуозный рисовальщик. Убежден, что он один из крупнейших художников нашего века!

В картинах Тышлера меня поражают их пространственность и законченная художественная форма. И особый ритм, который как бы вбирает в себя цвет, фон, рисунок. Герои Тышлера живут свободно, раскованно. Они летят. В них – поэзия. Они сияют. Его искусство раскрывает природу как совершенство. Его добрым, умным глазам открываются сказочные миры, созданные его воображением. Его «Цыганы» едут на бричках, а над ними уже парят многоместные космические корабли. Все его творчество пронизано токами нашей жизни.

Наша беседа с Ю. А. Завадским состоялась 28 мая 1974 года.

Здесь была упомянута серия работ А. Тышлера «Фашизм». Впервые она экспонировалась в 1971 году. Тогда же я попросил у Александра Григорьевича разрешения сфотографировать серию у него в мастерской. А когда фотографии были готовы, я показал их С. Т. Коненкову. Ему эти работы Тышлера очень понравились, и он продиктовал мне свой отзыв об этой серии.

«Я разделяю страсть Александра Тышлера в борьбе за мир, – это гуманный долг каждого художника с чуткой совестью. Мне близок язык Тышлера, его аллегории, широкое применение символов и метафор. Острота художественного воображения, страстность исполнения напоминают мне офорты Гойи “Ужасы войны”, “Гернику” Пикассо, “Разрушенный Роттердам” Цадкина.

С. Михоэлс в роли короля Лира.

1953 год.

Тышлер рисует фашизм в образе чудовища, которое приготовилось к прыжку. Это не человек, не животное, а именно чудовище. Под его ногами жухнут травы, стонет земля, над ним тут же заволакивается небо. Это чудовище изрыгает из пасти вой, огонь, смерть. Оно давит все живое. Гротескное изображение фашизма очень уместно, это оказывает активное воздействие на зрителя. Нужно поднять в людях вихрь гнева, силу протеста против войны, насилия, попрания человеческих прав.

Я убежден: нужно сильно любить жизнь, любить людей, чтобы с такой ненавистью, как это сделал Тышлер, заклеить фашизм. Я от всей души поздравляю моего коллегу по искусству с новыми талантливыми работами».

Для меня сама личность Тышлера представляется совершеннейшим произведением искусства. Зная его много лет, испытывая счастье общения с ним – я всегда поражался чистоте и свежести его восприятия жизни, людей, явлений искусства. Мне понятны и близки слова художника Дмитрия Жилинского, который как-то сказал:

- Вот увидишь этого человека небольшого росточка, поговоришь с ним, и душа твоя словно обвеется чем-то хорошим, светлым, здоровым, мудрым, такой это очаровательный художник, что одна мысль о том, что ты живешь с ним в одно время и в одном городе, приносит радость.

- Я испытываю, – говорил другой художник, Виктор Попков, – я испытываю счастье, что выставляюсь рядом с таким художником, как Тышлер.

«Жизнь для меня была трудная, но интересная, – вспоминал Александр Григорьевич, – учился я хорошо и в 1917 году окончил училище. А в 1919-м уже ушел добровольцем в Красную Армию. Отвоевал, демобилизовался и отправился на товарном поезде в Москву, понимая, что только там смогу стать полноценным художником».

Тышлер поступил во Вхутемас, в мастерскую В. А. Фаворского. Так складывалась его судьба. Может быть, это было простое везение, а может, упорство и талант помогли Тышлеру стать тем, чем он стал.

На географических картах – там, где обозначена гладь морей и океанов, попадаетея вдруг место, гуще закрашенное синевой. Это глубины. Они есть – и все. И такую глубинность я всегда чувствовал в Тышлере-человеке, в его работах. Художник начинал в Москве в бурное время. Он знакомится и близко сходитя с Маяковским и его окружением – молодыми поэтами и художниками. Встречается с Хлебниковым, Асеевым, Багрицким, Сельвинским, дружит с художниками Общества станковистов, участвует во всех их выставках. Все они горят желанием «делать новое искусство». В главе автобиографии «Так называемая дилемма» Владимир Маяковский пишет: «Что я могу противопоставить навалившейся на меня эстетике старья? Разве революция не потребует от меня серьезной школы? Я зашел к тогда еще товарищу по партии – Медведеву. Хочу делать социалистическое искусство. Сережа долго смеялся: кишка тонка. Думаю, что он недооценил мои кишки». Видимо, так обстояло дело и с Александром Тышлером.

Уже в 1923 году А. В. Луначарский отмечает в одной из своих статей работы Александра Тышлера: «Нет никакого сомнения, что Тышлер обладает значительным внешним художественным умением и каким-то большим зарядом совершенно самобытной поэзии». Вот этого-то заряда поэзии, прозорливо угаданного Анатолием Васильевичем Луначарским, Тышлеру хватило с избытком на всю его жизнь.

Александр Григорьевич пишет картины талантливо, если он берется за перо – выходит тоже талантливо, и говорит он талантливо, и даже стол накрывает талантливо. Что же это за чудо такое – талант? «Талант есть способность сказать или выразить хорошо там, где бездарность скажет и выразит дурно». Эти слова принадлежат Достоевскому.

Ладится все у Тышлера в руках. А его работы расширяют горизонт наших привычных представлений.

- Я люблю писать и рисовать людей, особенно женщин, – признается Тышлер. – Но изображаю их, как правило, в необычных и необыденных связях и ситуациях. Соединение с вещью происходит вне законов перспективы и реальных масштабов. Казалось бы, человек меньше, чем дом. А в моих работах женщина иногда может нести на голове целый город.

Для Тышлера в искусстве нет ничего второстепенного, малозначащего: в каждой работе он художник, который выбирает для себя самый трудный, а потому и самый рискованный путь. Однажды, садясь вместе с Александром Григорьевичем в машину, я неловко захлопнул дверцу и сильно поранил ему палец. Чувствовал я себя отвратительно, не знал, куда себя деть.

Тышлеру было очень больно, хотя он ничего этого не выказывал, не морщился, не стонал. Но мое состояние он понял и спокойно сказал:

- Вы не переживайте, этот палец на левой руке мне не нужен для работы!

Благородство души, щедрость природы подкупают в его произведениях. И еще есть в них изумляющая языческая чистота восприятия. Порой Тышлер казался мне идолопоклонником. Но поклонялся он не фетишу, а жизни, добру, природе, красоте.

Когда-то в России звонили на всех колокольнях. Это выросло в целую симфонию и называлось «красный звон». Такой красный звон создают и произведения Тышлера.

Гамлет.

1963 год.

Об Александре Григорьевиче никогда нельзя было сказать «старик». Это как-то совершенно не вязалось с его обликом. Он просто был восьмидесятилетним художником с молодой душой. И молодость его была незаемная. Она – итог труда, опыта, сохранности чувств. Прекрасные женщины доверчиво и открыто глядят с его картин, они счастливы тем, что видят солнце и свет неба, они радуются настоящему на зеленых травах воздуха, они ждут любви.

Каждое лето Александр Григорьевич проводил в старинном городке Верее. Он там работал, гулял, наблюдал, любовался речкой, резал скульптуры из дерева, а воображение влекло его, как в молодости, в неведомые миры.

Редколлегия пятитомного издания «Искусство Парижской коммуны», которое издавалось в Париже, обратилась к Тышлеру с просьбой – сделать заставку к первому тому. Такие же предложения получили Пабло Пикассо и Ренато Гуттузо. В очередной мой приход в мастерскую Александр Григорьевич показал солидный том со своей заставкой. Она была изящна и романтична. Изображена была чудесная молодая женщина. Вволнованно и темпераментно рисовал ее художник.

- По-моему, я сделал свой рисунок не хуже Пикассо, - сказал Тышлер.

Я ничего не отвечал, разглядывал, сравнивал. А Тышлер добавил:

- Смешно хвастаться, но мне кажется, что у меня вышло на этот раз лучше, чем у них...

Почти без всякого перехода Тышлер вдруг спрашивает:

- Вы когда-нибудь смотрели на небо в телескоп?

- Смотрел.

- А я нет. Всю жизнь мечтал об этом.

Александр Григорьевич на минуту задумывается.

- Когда я вернулся из армии в Мелитополь, мы очень голодали. Приезд мой домой был неожиданным для родных. Они думали, что я уже давно сложил где-то свои кости. Мы с молодым писателем Максом Поляновским организовали «Окна РОСТА». Макс писал стихи, я рисовал. На больших фанерах мы писали портреты В. И. Ленина. Я очень здорово научился писать такие портреты. Писали масляными красками. За это нам ничего не платили.

В молодости мы много работали, много спорили. Бывало, и выпивали, но после работы. Пили, конечно, не так, как Есенин. Я его хорошо знал. Мы очень поддерживали Маяковского. Нам приходилось за него драться. Он воевал с мещанством, и его ненавидела старая интеллигенция, особенно почему-то зубные врачи и юристы.

...Живая память Александра Григорьевича что-то выискивает в пространстве и времени, выбирает изощренно, то возносясь куда-то вверх, то принося к земле.

- Я помню, - говорит Тышлер, - в 1908 или 1910 году все ждали комету Галлея. Все вокруг было пропитано этой кометой. На ней предприимчивые люди хорошо спекулировали. На духах, на конфетах была нарисована комета. Печать тогда была неплохая, хорошо печатали. Даже на шляпках, которые носили женщины, впереди была звездочка, от нее шел назад хвост оранжевого цвета. Это комета Галлея...

Макбет.

1963 год.

- Недавно, – продолжает Александр Григорьевич, - я был в Третьяковке и внимательно смотрел картину А. Иванова «Явление Христа народу». Это очень хорошая картина. Я долго смотрел, и она мне нравилась все больше... А вот в Ленинграде мне бросилась в глаза «Фрина» Семирадского. Это очень одаренный человек. Видно, что он затрачивает огромный труд, все знает, все умеет, а искусства нет. В другом окружении, не в академическом, в иной ситуации он был бы иным художником...

Память ведет Тышлера в самые неожиданные лабиринты.

- Люблю Шекспира. В кино его можно здорово поставить. Но нужно, чтобы это был настоящий Шекспир. У Козинцева это не получилось. Шекспир у него вышел бытовой, заземленный. А Шекспир – это чувства, страсти, надо передать его внутреннюю суть. Я смотрел старые фильмы – они очень устарели, их неинтересно смотреть. Живопись - искусство более долговечное, чем кино. Она только темнеет от времени. У Семирадского время может все потемнить – все равно будет плохая живопись. У Рембрандта все потемнеет, останется один блик на носу – все равно это будет хорошая живопись... Чтобы понять художника, – говорит Александр Григорьевич убежденно, – нужно жить искусством. Вот у меня недавно были два писателя, фамилий вам называть не буду, хорошие писатели, но они ни черта не понимают в искусстве, потому что они этим не живут. Маяковский сам был художник, он понимал. Илья Эренбург понимал, он много видел, много думал, много писал о художниках, знал тонкости их работы, дружил со многими. Он жил этим. В этом все дело! Олеша хорошо разобрался – что к чему. Говорят, что Катаев понимает...

- Александр Григорьевич, а за что вам присвоено звание заслуженного деятеля искусств Узбекистана?

- Во время войны мы с Михоэлсом были в Ташкенте. Там в Узбекском театре драмы им. Хамзы мы поставили «Муканну» Х. Алимджана. Надо сказать, что Михоэлс с поразительной энергией работал во всех ташкентских театрах, он заботился о том, чтобы оживилось и узбекское оперное искусство, и драматическое.

Муканна - это герой, который возглавил освободительное движение, он жил в восьмом веке. Я ничего не знал об этом времени, прочитал пьесу. Пьеса талантлива, автор – очень хороший человек. Но у меня совершенно нет никакого материала для работы. Как тут быть?

И знаете, кто меня выручил? Один очень хороший, культурный и добрый человек. Председатель Совнаркома Узбекистана. Пойдите, как же его фамилия? Кажется, Абдурахманов. Да, Абдурахманов. Я сказал ему, что у меня абсолютно ничего нет, никакого материала о той эпохе. В ответ он протянул ключ.

- Вот возьмите. Это от моей библиотеки в Совнаркоме. Может быть, вы там что-нибудь найдете. У меня неплохая библиотека, - любезно сказал Абдурахманов, - покопайтесь там хорошенько. И работайте, сколько вам будет нужно.

Я пошел – и что вы думаете? - нашел! Знаете, что я там нашел? Скульптуру. Да, книги, в которых рассказывалось, что немцы делали раскопки и нашли скульптуру восьмого века. Я воодушевился. И задумал построить весь спектакль на скульптуре. Костюмы бедняков, крестьян, рабов – все строилось на скульптуре. Я всегда делал все сам - и костюмы, и декорации. Есть художники, которые передоверяют часть работы другим. Это нарушает цельность. У меня получилось неплохо. И весь спектакль удался, вышел интересным, значительным. Когда была премьера, Михоэлса уже в Ташкенте не было, он вылетел в Америку по правительственному заданию. Узбекское правительство высоко ценило его работу по подъему национального искусства и наградило почетной грамотой и золотыми часами. Я ставил еще в Ташкенте и музыкальный спектакль. Когда я включал в Ташкенте радио, мне казалось, что все время передают одну и ту же музыку. Я удивлялся: неужели у них нет другой музыки? Все время одно и то же, одно и то же. И на улице, и в чайной. Мне сказали, что это не так. Я стал прислушиваться. И понял, что это не музыка плохая, а мои уши - ослиные. У них, узбеков, очень хорошая музыка. А вот художников у них совсем не было.

Наклонная башня. Из серии «Архитектура».

1976 год.

Я хорошо схватываю национальный колорит, у меня есть чутье к национальному.

Слушая Тышлера, вспоминая его работы разных лет, в особенности театральные – в цыганском театре, еврейском, узбекском, – убеждаешься в правоте тышлеровских слов, он не только схватывает колорит, ему под силу увидеть, понять и передать своеобразие, душу и красоту каждого народа. Рисуя Муканну, Тышлер раскрывает натуру героя. Художник любит яркий костюм, выразительную деталь, но поверхностная восточная экзотика претит ему. Поэтому в его декорациях возник среднеазиатский пейзаж, насквозь просвеченный золотисто-белым раскаленным солнцем.

«Постановка “Муканны” в театре имени Хамзы, – писала газета “Правда Востока” 12 сентября 1943 года, – является достижением узбекского театра. Постановщики – народные артисты С.М. Михоэлс и М. М. Уйгур придали спектаклю известную праздничность, правильно подчеркнув романтическую героиню пьесы и усилили ее лирический элемент удачным музыкальным сопровождением (композиторы А. В. Успенский и А. Г. Мушель). Талантливый художник-постановщик Александр Тышлер, пренебрегая натуралистическим воспроизведением ненужных археологических деталей прошлого, сумел вместе с тем создать серию исторических и бытовых картин, насыщенных конкретными чертами национального и исторического своеобразия. Особенно удачны массовые сцены, имеющие решающее значение для народной драмы.

В целом театр создал прекрасный спектакль, созвучный героическим настроениям нашего времени».

Замечательны и тышлеровские постановки спектаклей в Московском государственном цыганском театре «Ромэн». Художника вовсе не интересовала «цыганщина» в обывательском, расхожем смысле этого слова. Во всех своих работах на цыганские темы Тышлер показывал человеческие достоинства и духовную красоту этого гордого, веками угнетаемого народа. Еще в 1935 году Тышлер, рассказывая о своем опыте оформления цыганских спектаклей, таких, как «Жизнь на колесах» М. Безлюдского, «Фараоново племя» Д. Сверчкова и И. Ром-Лебедева, «Кармен» по П. Мериме, отмечал: «Трудность, которую я, с гордостью могу сказать, преодолел, это: цыганщина и экзотика. Вот это зло, которое часто размножается спекулянтами и художниками-пошляками, мешает видеть настоящее, подлинно народное у цыган. Их вещи в быту ограничены: лошадь, кибитка, подушка, кнут, ведро, хомут, тряпка – вот, пожалуй, и все. Из этих элементов я должен сложить несколько спектаклей, причем каждый спектакль должен быть по форме цыганским, и каждая вещь должна не повторяться, если же она повторяется, то должна в разных спектаклях звучать по-новому. Вещи, которые отражали в себе горе, угнетение и нищету кочевых цыган, не могут быть экзотическими, они красивы и суровы, потому что в них я вижу огромную вековую борьбу человека за существование».

Художник всегда стремился к подлинному, к поэзии, романтике. И выражал их с буйным темпераментом. Возможно, он унаследовал его от матери, уроженки Кавказа. О ней Александр Григорьевич говорил всегда с большой нежностью, то восстанавливая словесно ее смуглое тонкое лицо с крутым разлетом тонких черных бровей, то с горечью говоря о том, как нелегко ей жилось, растя и воспитывая восьмерых детей, а затем поочередно переживая их смерти. Однажды она поразила всю семью своими конспираторскими способностями: когда к ним на квартиру пришли с обыском полицейские, мать обернула нелегальную литературу и листовки в клеенку и упрятала их в бочку с квашеной капустой.

...И снова мы сидим с Тышлером в его мастерской. Среди гостей художники А. Степанов, Д. Штеренберг-младший, Ю. Мингазитинов, К. Сапегин. На улице зимний, морозный, солнечный день. Там все сияет, и когдаходишь в помещение, глаза не сразу привыкают, как бы проваливаются в темные дыры. Дверь мастерской Тышлера была открыта настежь, я заглянул туда - никого. Потом в узком длинном коридоре показался Александр Григорьевич с полотенцем через плечо. Он приветливо поздоровался со всеми. Пригласил в мастерскую, рассадил всех нас и сказал:

- Я вам сейчас буду показывать мои работы разных лет. А вы можете выражать свои положительные и отрицательные эмоции. Договорились?

У него сегодня отличное расположение духа, показывает охотно, весело. Обладая огромной художественной интуицией, Тышлер очень чуток в общении с людьми. Раз взглянет – и сразу видит, с кем имеет дело. Конечно, он сразу понял, что все пришедшие сегодня любят и ценят его искусство. Часто между художником, который показывает работы, и теми, кто их смотрит, возникает холодок отстраненности, такой тонкий ледок обоюдной скуки. Если скучно смотреть, то и художнику становится скучно показывать. К счастью, у нас дело идет к полному сближению. Суетится только Юра Мингазитинов, он прихватил кинокамеру и хочет снимать Тышлера. Но и смотреть он тоже хочет. Поэтому он то смотрит со своего стула, то вскакивает и начинает искать точку для съемки, а потом трещит аппаратом. Тышлера это явно отвлекает и раздражает. Но он ничего не говорит как человек тактичный и крайне деликатный. Все же треск кинокамеры заставляет его временами застыть с картиной в руке. Раз его снимают – нужно способствовать и позировать.

А.Тышлер. 1974 год.

Я смотрю на картины Александра Тышлера. Их пронизывают поэтическая одухотворенность, полет воображения. В каждой – великая жизнерадостность кисти. И смотрю на самого Тышлера – невысокого, с красивой, черной с проседью головой, немного театральным сильным лицом и ярким пятном косынки, изящно повязанной на шее. Глаза у него, как маслины, большие и темные. Они светятся живым умом, бархатисто мерцают. Он взглядывает на каждого из нас остро, цепко, и его взгляд в это время словно освещен светом чистой души.

На голове Юры Мингазитинова уже блестят крупные капли пота от беготни, которая вносит в наше общение некоторую нервозность, но делать нечего. Тышлер от камеры тоже устал, но он видит, что человек работает, вошел в раж, в экстаз полнейший, а работу – любую – он ценит очень высоко. Еще бы не ценить ему, труженику, каких редко встретишь! А Юру унять уже невозможно, все его моторы пущены на полный ход. И Тышлер, стараясь не обращать внимания на съемку, продолжает показ.

Я сравниваю работы художника на одну тему «Расстрел голубя» и спрашиваю у Александра Григорьевича, почему он постоянно возвращается к ней и как она возникла?

- Это было еще в годы гражданской войны. Я прочитал в газете, - отвечает Тышлер, – что полиция какой-то страны поймала почтового голубя, который нес почту с агентурными сведениями. По законам военного времени голубя расстреляли решением полевого суда. Так возникла тема.

Голубь Тышлера впервые появился в 1925 году. Это расстрелянный мир, помятое счастье. Образ-символ, поднятый до степени наивысшего обобщения. Пройдет еще несколько десятилетий, и над миром вспорхнет легкая голубка Пикассо. Идеи и образы подлинного искусства всеобщие, для них нет ни временных, ни географических границ!

Тышлер показывает серию «Цветочные полки». Это лирическая, искрящаяся, как маджари – вино из молодого винограда, – серия картин. Цвет у Тышлера интенсивный, свежий, осязательный. И вдруг те же синие, желтые, розовые, зеленые, фиолетовые, охристые краски становятся невыносимо печальными. Это уже картина

другой серии «Смерть командира», написанная художником в 1937 году. Живопись утратила радость, она бесследно пропала, эта предвестница счастья, а тышлеровская живопись уже пропитана мукой, горечью, страданием.

И мне вспоминается один рассказ художника о том, как его на год разлучили с театром.

Александр Григорьевич рассказывал, что в архивах царского цензурного ведомства отыскали пьесу М. Кульбака «Разбойник Бойтре». Михоэлс добился разрешения на ее постановку в ГОСЕТ. Вот как об этом писал сам режиссер в газете «Известия» 9 октября 1936 года: «Жесточайшие гонения и преследования евреев в мрачную эпоху Николая I, тяжкие законы о рекрутчине и выселении евреев из деревень, скитания бесприютных, вымиравших от голода и болезней бедняков по лесам и дорогам – все это образует исторический фон пьесы. На этом фоне автор воспроизводит легенду о народном разбойнике–мстителе Бойтре, беглом рекруте, ставшем вожаком бедняков.

В противовес своим некоторым старым постановкам, идеализировавшим прошлое, рисовавшим его в мягких, лирических тонах, театр в этой постановке стремится показать нарастание в еврейских массах гнева и ненависти к своим угнетателям. Строя свою работу на внимательном изучении истории, мы хотим дать советскому зрителю кипящий социальными страстями народный исторический спектакль, глубоко национальный по форме, пронизав его еврейской песней и музыкой».

Художником спектакля был А. Тышлер.

- В отряде Бойтре были разные люди, - рассказывал художник, - и одеты они были по-разному. Там был отчаянный люд, голь и беднота, были и степенные старцы в черных лапсердаках, рубахах и хитонах. У кого были лапти, а у кого кожаные сапожки.

Директором театра была жена вождя сибирских партизан Лошаковича. Она знала многих членов правительства, со многими из них прошла по ссылкам, этапам и тюрьмам. Ее богатый революционный опыт был нашему театру на руку.

И вот как-то на прогон приехал один ответственный работник (это был Л. М. Каганович). Он просмотрел весь спектакль, вызвал режиссера, кое-кого из труппы и учинил разгром. Главные его обвинения сводились к тому, что театр, вместо того чтобы во весь рост показывать созидательный пафос современности, полез в дебри, вытащил на свет какую-то шантрапу в лапсердаках. Ответственного товарища отпаивали боржомом, успокаивали как могли. Но он не унимался. Особенно возмущался лапсердаками и сапожками.

- Кто это все придумал? – грозно спросил он. - Кто делал костюмы? Вы знаете, кто у нас носит кавказские сапожки?

- Тышлер, наш художник, – ответили ему.

– Для чего же ему потребовались эти лапсердаки и кавказские сапоги? На что это? Намеки себе позволяете?

- А что же вы хотите, – с иронией спросил Михоэлс, - чтоб я одел бедняков прошлого века в черкески?

«Лицо» махнуло рукой и вышло, строго-настроено приказав уволить художника из театра.

Так Тышлер остался без работы.

- Каждое утро, - рассказывал Александр Григорьевич с улыбкой и грустной усмешкой, - я брал под мышку одну книгу из своей библиотеки и шел в букинистический магазин. Я уже проел всех философов от Аристотеля до Гегеля. Теперь настала очередь классиков. Вы помните мою серию «Казненный ангел»? Это было похоже на мои книги. Однажды я понес в магазин Данте с рисунками Боттичелли. «Надо просить десятку», - подумал я, подходя к магазину. Букинист бережно принял у меня книгу, мельком взглянул мне в глаза и нюхом опытного книжника определил мое бедственное положение.

- Я приму книгу за двадцать пять рублей!

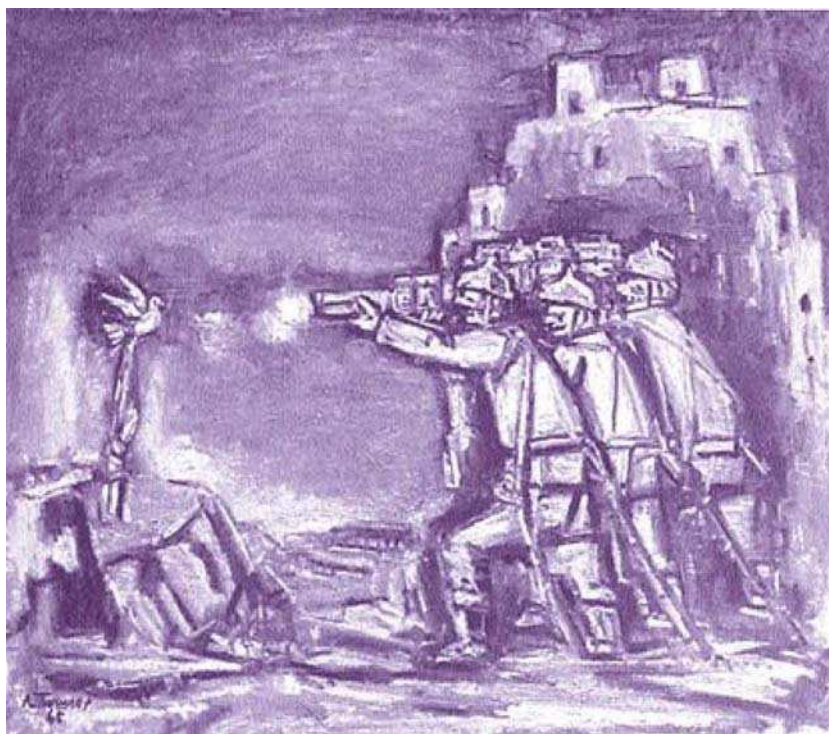
«Вот так номер, - подумал я. - Данте дал мне пищу на два дня!»

Шел я из магазина, нес в кармане спасительный четвертной и мстительно думал о том, что все-таки беглые рекруты Бойтре ходили в самых настоящих лапсердаках и носили самые настоящие пейсы.

С той поры, - закончил Тышлер свой рассказ, - я уже больше никогда не заводил библиотеки.

И снова текут неспешные душевные беседы с Александром Григорьевичем:

- Меня всегда почему-то волновала проблема лестницы. Как сделать, чтобы было движение? Кстати, эту проблему я решал в серии рисунков к фильму Григория Рошалья «Зори Парижа». Все рисунки Рошаль забрал себе, я их больше не видел.

Расстрел голубя.

1964 год.

Мне очень понравился итальянский фильм «Жизнь Леонардо да Винчи». И раньше использовали прием введения в действие ведущего. Это прием не новый. Но здесь это очень уместно. Мне понравилось, что Леонардо ни разу не показан с кистью в руках. Он работает, мы это понимаем, но тогда, когда зритель не видит его. Это здорово! Я помню, в фильме «Дом с мезонином» художник шваркает кисточкой по холсту. В это не веришь. Это неприятно...

Вот посмотрим сейчас мои ранние работы. Сейчас я бы такие не сделал. Ну что, не зря я работал?..

Однажды ко мне на выставке подошел какой-то человек с невыразительным, стесанным лицом и сказал:

- Объясните мне, товарищ Тышлер, почему у вас на всех картинах у всех персонажей вытянутые фигуры, пропорции у них нарушены. Почему у них нет правильных пропорций?

- Отойдите от меня на два шага! Так! Еще немного отойдите!

Он повиновался.

- А у вас разве есть пропорции? - спросил я. - Нет! У вас совсем нет никаких пропорций! – Все вокруг засмеялись, а смущенный парень юркнул в толпу.

У Александра Григорьевича Тышлера были идеальные пропорции во всем, что он делал. Были они и в его жизни. Потому что верной была его основная пропорция – соотношение его личности к Жизни – к прошлому, настоящему и будущему.

В последний раз я был у Тышлера с 14-летним сыном, и Александр Григорьевич, посмотрев его акварели, сказал ему очень сердечно:

- Рисуй больше, работай, рисуй все подряд, мир того стоит!

Художник истинный приходит, появляется на свет, чтобы под управлением Б-га при помощи своего искусства совершенствовать этот мир, живущих в нем людей.

Он утверждает: вот что есть высшая красота, настоящая вера и этика. Художник ничего не уносит с собой. Все оставляет людям.

Оставленное Александром Тышлером - вечно.

ГЛЮКЕЛЬ ФОН ГАМЕЛЬН: РАССКАЗ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Кто такая Глюкель? Героиня. Причем не вымышленная, и то, что мы о ней узнаем, - не фантазии писательского гения, а собственные ее свидетельства - мемуары, с печатью явного литературного дара. Пред нами предстает хорошо образованная незаурядная личность, сильное, цепкое сознание которой впитывает происходящее не только в ближайшем окружении, но целую эпоху – конец XVII – начало XVIII века - в жизни германских евреев. Между тем она пронзительно женственна, и сквозь горячо эмоциональное повествование проступает нежная хрупкость Глюкель, по-еврейски Гликль, Гликеле, Гликлихен на немецкий лад.

Она берется за дневник в тяжелое, горькое для себя время, когда, внезапно потеряв любимого и любящего мужа, преданного друга, опору семьи, сорока четырех лет от роду остается с восьмью детьми (четверо старших уже пристроены)... Что делать?! И то, что делает Глюкель, какой она выбирает путь и с какими достоинством и выдержкой следует ему, дает все основания утверждать: да, она героиня.

На чем зиждется ее героизм? На любви, ибо всю жизнь ее сердце было полно любовью: нежной и преданной - к близким, стоической - к жизни. На вере, ибо вера в милосердие и справедливость Творца всегда укрепляла ее в дни испытаний. На преданности, ибо она была преданной женой и интересы мужа были ее интересами, а его дела – ее делами; преданной матерью, ведь только ради детей отважилась она продолжать торговые дела мужа, крупного купца-ювелира, да так, что ее общественная и деловая активность распространились не только на Германию, но и Францию, Данию, Голландию, Австрию и Польшу; и, наконец, преданной дочерью, глубоко почитающей своих родителей, и преданной еврейкой – преданной традициям и интересам своего народа.

А как не сказать о ее воле? Никогда она не роптала, а взявшись за дело, терпеливо вела его к успеху. А о благочестии? Всю жизнь она строила на заповедях Торы и при всей драматичности судьбы в них не разочаровалась, а завещала детям. Собственно, именно им и адресуются ее «книжки» - так скромно, даже иронично назвала она свой труд.

На страницах воспоминаний явственно проступает, насколько нравственные качества и образ жизни родителей сказываются на детях, - очень убедительно, на примере трех поколений!

Энциклопедия Брокгауза-Ефрона, кстати, уделив на своих страницах Глюкели фон Гамельн довольно внушительное место, называет ее «типичной еврейской женщиной», правда «особенно интересной ввиду ее высоких душевных качеств». При том замечается, что «дети ее породнились с лучшими семьями» германских евреев, а сама она «стояла впереди тогдашней еврейской жизни».

Как ни высоко было положение Глюкели фон Гамельн, на страницах ее труда мы встречаем безусловно скромную во всех отношениях женщину. Писавшая мемуары определенно не представляла ни их истинной ценности, а они явились «крупным историческим памятником», «единственной художественной летописью еврейского быта» того времени (Брокгауз-Ефрон), ни будущей судьбы. А судьба такова: сын Глюкели, байерсдорфский раввин Моше Гамельн, велел снять копию с рукописи матери, и в качестве наследства она переходила из рода в род. Потомки хранили ее как сокровище.

Впервые мемуары, написанные автором на старом идише, были изданы на немецком в 1896 году писателем Кауфманом, известным главным образом своими работами о Генрихе Гейне, одном из потомков Глюкели. С тех пор они неоднократно издавались и в английском переводе, словом, обрели в мире заслуженную известность. Удивительно, что русскоязычный читатель не был знаком с этим замечательным трудом по сей день.

Начало автобиографии Глюкели, переписанной рукой ее сына.

Книжка первая

В глубоком горе, для облегчения сердца приступаю я к написанию этой книги в год от сотворения мира 5451 (1690-1691), да возвеселит нас поскорее Г-сподь и да пошлет Он нам Своего Искупителя!

Я начала писать ее, дорогие дети, после смерти вашего доброго отца в надежде отвлечься от забот, обрушившихся на меня, и от горьких мыслей, вызванных потерей нашего верного пастыря, бывшего нам опорой. За этим трудом провела я много бессонных ночей, и то, что я вскакивала с постели, чтобы взяться за перо, укорачивало их.

Я пишу, дорогие дети, не с целью назидания. Написать такую книгу мне было бы не под силу, да у нас уже имеется множество подобных книг, написанных нашими мудрецами. К тому же есть у нас Священная Тора, в которой можно найти все необходимое, чтобы совершить достойный путь из этого мира в мир грядущий. Тора подобна канату, который Великий и Добрый Г-сподь бросил нам, утопающим в бурном море жизни, чтобы мы могли ухватиться за него и тем самым спастись.

Главная заповедь Торы – возлюби ближнего своего, как самого себя. Однако в наши дни, увы, мало найдется людей, любящих ближних всем сердцем. Напротив, ничто не доставляет человеку такого удовольствия как возможность подставить ножку своему ближнему и чем-то навредить ему.

Самое лучшее для вас, дети мои, - служить Г-споду от всего сердца, без лжи и притворства, не притворяясь и перед людьми, когда в сердце своем вы мыслите совсем иное. Будьте богобоязненны, молитесь искренне и от всего сердца. Во время, предназначенное для молитвы, не начинайте постороннего разговора. Пока возносятся молитвы Создателю мира, считайте великим грехом вступать с кем-то в разговор о посторонних вещах. Не подобает заставлять Б-га Всемогущего ждать, пока вы закончите свои дела.

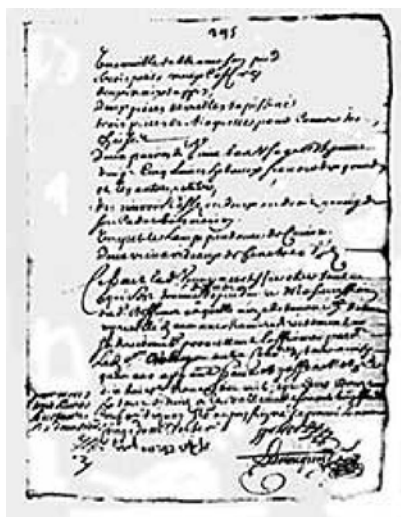
Кроме того, по возможности отведите определенное время для изучения Торы. А затем уже прилежно занимайтесь своими делами, ибо обеспечивать жену и детей приличными средствами к существованию - это тоже мицва, повеление Б-жие и обязанность мужчины. Говорю вам, что следует не жалеть сил ради наших детей, потому что на этом держится мир. Однако надо понимать и то, что столько же делать для родителей детям в тягость.

Однажды птице, отцу троих птенцов, надо было перелететь через бурное море со своим потомством. Море было таким большим, а ветер таким сильным, что птице пришлось переносить детей в своих сильных когтях поочередно. Когда с первым птенцом самец был на середине пути, ветер усилился, начался настоящий шторм, и он сказал: «Дитя, посмотри, как я выбиваюсь из сил, как рискую жизнью ради тебя. А ты, когда вырастешь, сделаешь то же самое для меня? Будешь ли заботиться обо мне, когда я состарюсь?» Птенец отвечал: «Донеси только меня до безопасного места, и, когда ты состаришься, я стану делать все, о чем ты меня ни попросишь». Услышав это, отец разжал когти и сказал: «Поделом такому лжецу, как ты!»

Добравшись до середины моря со вторым птенцом, отец задал ему тот же вопрос и, получив такой же ответ, бросил и его в море со словами: «И ты лжец!»

Наконец он отправился в путь с третьим птенцом и, когда на полдороге задал ему свой вопрос, третий и последний птенец отвечал: «Дорогой отец! Это правда, что ты напрягаешь все свои силы и рискуешь жизнью ради меня, и стыдно мне будет не отплатить тебе тем же, когда ты состаришься! Однако я не могу взять на себя такого обязательства. Одно обещаю: когда вырасту и у меня будут собственные дети, я сделаю для них столько же, сколько ты сделал для меня». Услышав это, отец сказал: «Мудро сказано, дитя мое! Во что бы то ни стало я донесу тебя до берега».

Прежде всего, дети мои, будьте честны в денежных делах как с евреями, так и с неевреями, дабы не осквернить имя Г-сподне. Если будут в ваших руках деньги и товары, принадлежащие другим людям, относитесь к ним еще бережней, чем к собственным, чтобы, ради Б-га, никто бы не был вами обижен. Первое, о чем спросят человека на том свете, был ли он честен в делах. Если человек накопит большое богатство нечестным путем, пусть даже при жизни он обеспечит детям своим богатое приданое, а после смерти оставит богатое наследство, но горе, говорю я вам, злодею, который ради того, чтобы сделать своих детей богатыми, поступился своей долей блаженства на том свете. Ради быстротечного мига он поступился вечностью!

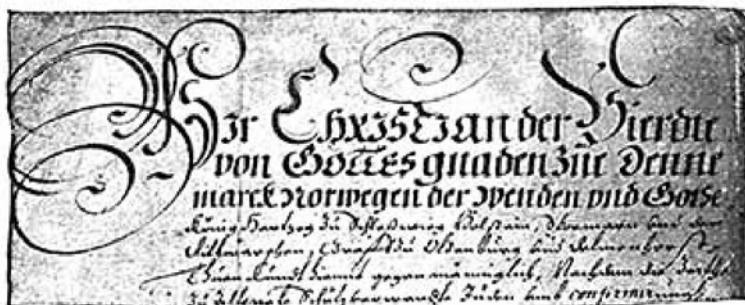
Подпись Глюкели на перечне имущества, оставшегося от мужа.

1712 год.

Когда Б-г посылает нам тяжелые времена, следует помнить одну из историй раввина Авраама бен Шабтая Леви. Однажды великий царь, рассказывает он нам, бросил в тюрьму своего врача и повелел заковать его в цепи по рукам и ногам, давая ежедневно лишь кусочек ячменной лепешки да немного воды. Прошли месяцы, пока родные врача смогли получить разрешение навестить узника. Царь пожелал узнать, что скажет несчастный. К их удивлению, заключенный выглядел таким же здоровым и бодрым, как и в тот день, когда его бросили в тюрьму. Он поведал близким, что своей бодростью и силой обязан настою из семи трав, который предусмотрительно подготовил прежде чем отправиться в тюрьму, и несколько капель которого принимает ежедневно. «Что это за волшебные травы? - спросили они, и он отвечал: «Первая – во всем полагаться на Б-жью волю, вторая - надежда, а остальные – терпение, сознание собственной греховности, радость от сознания, что, страдая сейчас, я не буду страдать на том свете, радость от мысли, что я не подвергаюсь худшему наказанию, что тоже могло бы быть, и наконец знание, что Б-г, который бросил в тюрьму, может, если захочет, в любой момент вывести меня на свободу».

Однако эту книгу я пишу не для того, чтобы читать вам мораль, а как я уже сказала выше, чтобы прогнать глубокую меланхолию, которая овладевает мной долгими ночами... Постараюсь рассказать все, что случилось со мной, насколько память и тема этой книги мне позволят, с юных дней и по сию пору. Не подумайте, что я хочу покрасоваться или представить себя хорошей и добродетельной женщиной. Нет, дорогие дети, я грешница! Каждый день, каждый час и каждый момент своей жизни я грешила и виновна почти во всех грехах. Молюсь, чтобы Б-г даровал мне возможность и случай покаяться. Но увы! Забота о хлебе насущном для моих осиротевших детей и разные мирские дела до сих пор лишали меня этой возможности.

Если будет на то воля Б-жья и я доведу до конца свои воспоминания, я оставлю их вам в семи маленьких книжках. Итак, лучше всего будет начать с момента моего появления на свет.

Заголовок Хартии, дарованной евреям Альтоны королем датским, Христианом IV.

I

Моя добрая мать произвела меня на свет в год сотворения мира 5407-м (1646-1647) в городе Гамбурге. Хотя наши мудрецы говорят, что лучше на свет не родиться, имея в виду, что людям приходится столько страдать в этом грешном мире, все же я благодарю Создателя и воздаю Ему хвалу за то, что Он меня сотворил, и молю Его взять меня под Свое святое покровительство.

Отец мой дал своим детям, как мальчикам, так и девочкам, не только религиозное, но и светское образование. Кто бы ни приходил голодным в дом отца, уходил накормленным и довольным. Мне не было еще и трех лет, когда всех немецких евреев выдворили из Гамбурга, после чего они поселились в Альтоне, которая принадлежала королю датскому, выдавшему евреям охранные грамоты. Город Альтона расположен всего в часе езды от Гамбурга.

До этого в Альтоне уже проживало около 25 еврейских семей, у них были синагога и кладбище. Прожив там некоторое время, мы с немалыми трудностями сумели убедить власти Гамбурга выдать альтонским евреям разрешения на право въезда в город, чтобы вести в нем дела. Подобное разрешение было действительно только в течение четырех недель. Оно выдавалось бургомистром или его чиновниками за один дукат. Когда его срок истекал, надо было хлопотать о новом. Однако если человек был знаком с бургомистром или его чиновниками, старый документ можно было продлить еще на четыре недели.

Б-гу известно, какие это создавало трудности для наших людей, ибо все их дела были связаны с Гамбургом. Само собой разумеется, многие бедные евреи пытались

проскользнуть в город без пропусков. Если чиновникам удавалось задержать такого, его бросали в тюрьму, и тогда всем остальным стоило немалых денег и усилий вызволить беднягу. Рано утром, закончив молиться в синагоге, евреи отправлялись в Гамбург, а к вечеру, когда закрывались городские ворота, возвращались домой. На обратном пути несчастные евреи часто рисковали жизнью, потому что матросы, рабочие судоверфей, солдаты и другие люди из низших сословий ненавидели нас. Часто жена, дожидавшаяся мужа, благодарила Г-спода за то, что он вернулся живой и невредимый.

В те дни в Альтоне насчитывалось не более 40 еврейских семей. Никто из нас не был очень богат, и каждый честно зарабатывал себе на пропитание. Самым богатым был Хаим Фюрст: его состояние достигало 10 тысяч рейхсталеров. На втором месте был мой отец, да будет благословенна память о нем, у него было 8 тысяч. Потом шли другие: у нескольких было по 6, у некоторых – всего-то по 2 тысячи талеров. Но все они были спаяны любовью и доброжелательством, и вообще им жилось лучше, чем сейчас какому-нибудь богачу. Тогда ведь, если у человека было всего 500 рейхсталеров, он был вполне счастлив. Каждый довольствовался тем, что имел, и был веселей, чем сейчас, когда даже самым богатым вечно чего-то не хватает. Воистину это о них сказано: умирая, никто не увидит и половины своих желаний исполненными. Что касается моего отца, он всецело уповал на Г-спода, и, если бы не подагра, он бы еще умножил свое состояние. Но и так он мог воспитывать своих детей приличным образом.

Когда мне было десять лет, вспыхнула война между шведами и королем датским, да умножит Г-сподь славу его! Об этой войне я не могу рассказать ничего нового, потому что тогда была еще ребенком и должна была сидеть за уроками. Помню однако, что такой холодной зимы не было за все предшествовавшие 50 лет. Ее называли «шведской зимой», потому что, когда все замерзло, шведы оккупировали страну.

Однажды в субботу поднялась тревога. Все кричали: «Шведы идут!» Было раннее утро, все еще спали. Мы повскакивали с постелей и чуть ли не голышом пробежали всю дорогу до Гамбурга, где сумели укрыться, – кто у сефардов, кто у бюргеров-христиан. Так мы прожили в городе некоторое время без разрешения. Наконец моему доброму отцу удалось договориться с властями, и он стал первым немецким евреем, которому было разрешено вернуться на постоянное жительство в Гамбург. Его примеру последовали другие, и вскоре туда вернулись почти все наши. Что касается тех, кто всегда жил в Альтоне, они, естественно, там и остались.

Государственные налоги в те времена были необременительными, и каждый сам договаривался о своей доле. Однако ни синагоги, ни права на постоянное проживание у нас не было. Мы жили в Гамбурге только по милости муниципального совета и зависели от его доброй воли.

Тем не менее евреи как-то ухитрились собираться на молитвы в частных домах. Если муниципалитет и слышал что-то на сей счет, то смотрел на это сквозь пальцы. Но стоило только узнать это духовенству, как священники заняли непримиримую позицию и стали преследовать нас. Как покорные овцы, мы были вынуждены отправляться молиться в Альтону. Так продолжалось какое-то время, а потом мы снова тайно возвращались в наши маленькие молельни в Гамбурге. Вот так и жили: то тихо-мирно, то снова подвергались преследованиям. Так же продолжается и доньше, и боюсь, что так оно и будет, пока власть в Гамбурге принадлежит бюргерам. Да сжалится Г-сподь Милосердный над нами и да пошлет Он Своего праведного Мессию, чтобы мы могли служить Ему всем сердцем и снова возносить молитвы в священном Храме в святом Иерусалиме. Амен.

Итак, евреи, как я уже сказала, жили в Гамбурге. Мой отец занимался скупкой и продажей ювелирных изделий и других товаров и, как всякий еврей, умел на всем заработать.

Война между Данией и Швецией становилась меж тем все более ожесточенной. Счастье было на стороне шведов. Они лишили короля датского всех владений и начали наступление на Копенгаген: осадили город и, похоже, должны были взять его. Но благодаря преданности своих советников и подданных датский король выдержал осаду. Датчане не покинули его в беде. Г-сподь помог ему, потому что он был справедливым и богобоязненным правителем и всегда хорошо относился к евреям. Хотя мы жили в Гамбурге, каждый обязан был платить королю только 6 рейхсталеров, большего с нас не требовалось!

Позднее на помощь датчанам пришли голландцы. Их корабли прошли по проливу, хребет войны переломился, и был заключен мир. Но между Данией и Швецией никогда не было хороших отношений, и даже когда они провозглашают себя друзьями и союзниками, одна сторона всегда готова язвить другую.

Подпись и печать на Хартии.

II

Примерно в то же время состоялась помолвка моей сестры Генделе, да будет благословенна память ее, с сыном ученого реб Гумпеля из Клеве. За ней было дано 1800 рейхсталеров: в те дни это были большие деньги, ни у одной девушки в Гамбурге не бывало такого приданого. Естественно, эта свадьба была самой замечательной во всей Германии, все восхищались ее пышностью и размерами приданого. Но дела моего отца шли хорошо, и он надеялся, что Г-сподь Б-г не отвернется от него, поможет так же хорошо одарить и других детей, когда наступит их черед. Он проявлял необычайное гостеприимство, с его щедростью не сравнятся нынешние люди, состояние которых достигает и 30 тысяч рейхсталеров.

Теперь я должна рассказать вам о свадьбе моей сестры и о всех видных людях, которые прибыли с реб Гумпелем. Что касается его самого, нет слов, чтобы воздать ему должное, до того это был хороший и святой человек! Этому поставщику бранденбургского двора по честности не было равных. Я не сумею описать, какой замечательной была свадьба и как ликовали бедняки.

Отца нельзя было назвать богачом, но, как я уже сказала, он полагался на Господа. После него не осталось долгов, и сам он трудился не жалея сил, чтобы обеспечить семье приличное существование. В жизни его было много переживаний, и, поскольку он был уже далеко не молод и силы были подорваны, он, естественно, стремился поскорее пережить своих детей.

Он был вдов, когда сделал предложение моей матери. Более 15 лет его женой была превосходная женщина из хорошей семьи по имени Рейзе, которая держала открытый и пышный дом. От этого брака отец не имел детей, однако Рейзе уже была во втором браке, а от первого у нее имелась дочь, прекрасная и добродетельная, как ясный день. Эта девушка отлично знала французский язык. Однажды ее знания сослужили моему отцу важную службу.

Отец дал займы одному дворянину 500 талеров под залог какой-то вещи. Этот господин в один прекрасный день явился к нему в сопровождении двух других дворянчиков, чтобы выкупить свой залог. Не заподозрив ничего дурного, отец пошел наверх за заложенной вещью, а падчерица села за клавикулы наигрывать какую-то пьесу, чтобы господам было не скучно ждать. Они меж тем стали совещаться по-французски, договорились, что когда еврей сойдет вниз, они возьмут у него вещь и ускользнут, ничего не заплатив. Откуда им было знать, что девочка все поняла! Когда появился отец, она вдруг запела громко по-еврейски: «Ах, только не залог, душенька, сегодня он здесь, а завтра – поминай, как звали». Второпях бедняжка не смогла придумать ничего лучшего. Отец обратился к дворянину: «Позвольте, а где деньги?» «Отдай заложенную вещь!» – закричал тот. Но отец не уступил: «Сначала деньги». На это наш дворянин резко повернулся к своим спутникам: «Друзья, – сказал он, – игра проиграна. Видимо, девчонка понимает по-французски». И, разразившись угрозами, они убежали.

Спустя несколько дней он появился снова, на этот раз один: уплатил деньги и проценты, которые причитались с него, взял заложенную вещь и, сказав отцу: «Ты не зря потратил деньги, когда учил дочь французскому языку», – повернулся на каблуках и вышел...

Мой отец воспитывал эту девочку как свою собственную. Со временем он выдал ее замуж за сына Кальмана Ауриха. Брак был очень удачный, но она умерла при первых же родах. Ее похоронили, но вскоре могилу ограбили, с покойницы сняли саван. Она явилась кому-то во сне и рассказала, что могила осквернена. Произвели эксгумацию, и ограбление подтвердилось. Немедленно женщины нашей семьи собрались, чтобы сшить новый саван. Когда они сидели за шитьем, в комнату с криком вбежала служанка: «Торопитесь, ради Б-га! Разве вы не видите, что она сидит среди вас?» Но женщины ничего не видели. Когда они закончили работу, покойницу облачили в новый саван. И с тех пор она уже никому не являлась и упокоилась с миром.

Еврейские костюмы времен Глюкель.

III

После смерти первой жены отец женился во второй раз – на моей матери, которая была сиротой. Моя добрая мамочка, да продлит Г-сподь ее жизнь, часто рассказывала мне, как после смерти отца она с ее доброй матушкой Матой, да благословенна будет память о ней, остались в нужде. Я хорошо помню свою бабушку и скажу, что не было на свете более благочестивой и мудрой женщины.

Мой дед Натан Мельрих жил в Детмолде. Это был прекрасный благородный человек, к тому же очень богатый. Когда его выслали из Детмолда, он с женой и детьми перебрался в Альтону. В то время там проживало не более десяти еврейских семейств, все они поселились там недавно.

Альтона тогда еще не принадлежала Королевству Датскому. Она входила в графство Пиннеберг и составляла часть владений графа Шаумбурга. Когда граф умер, не оставив наследников, она досталась Дании.

Первым разрешения для евреев селиться в Альтоне добился Натан Шпаньер. Они приезжали поодиночке или маленькими группами. Приехал и зять Натана Шпаньера Лоеб, ранее проживавший в Хильдесхайме.

Лоеб был далеко не богат, однако ему удалось хорошо пристроить своих детей. Жена его Эстер была прекрасной, благочестивой, честной женщиной и к тому же умела отлично вести дела. По сути именно она обеспечивала средствами всю семью, для чего ежегодно ездила на ярмарку в Киль. По правде говоря, ей не нужно было обременять себя многими закупками: в те дни люди довольствовались скромным товарооборотом. Она умела убедительно говорить и располагала к себе всех, кто встречался с ней. Ее очень любили благородные дамы Гольштейна.

Лейб Хильдесхайм с женой могли дать в приданое за детьми не более 300-400 рейхсталеров, однако пристроили дочерей за богатых людей. Среди их зятьев были Элия Баллин, состояние которого достигало 30 тысяч рейхсталеров, Моше Гольдциер и другие. Сын их Моше до конца жизни слыл человеком со средствами. Другой сын, Липман, хотя и не такой богатый, тоже не был стеснен в деньгах, как и остальные дети. Я пишу это, чтобы показать вам, что большое приданое или наследство еще не все, как видите, в наши дни люди иногда давали своим детям самые скромные деньги, но в конце концов те трудом наживали себе богатство.

Вернемся, однако, к нашей теме. Когда мой дед Натан Мельрих был изгнан из Детмолда, он поселился в доме Лоеба Хильдесхайма и привез с собой свои богатства.

Эстер, жена Лоеба, рассказывала мне поразительные вещи: у него были сундуки, доверху набитые золотыми цепочками и драгоценностями, и целые мешки жемчуга. Думаю, в те дни на сто миль вокруг не было такого богача.

Но, увы, это продолжалось недолго. Вспыхнула чума, убереги нас Б-же, и эта страшная болезнь унесла моего деда и нескольких его детей. Бабушка с двумя незамужними дочерьми бежала из дома без всяких средств. Бедная женщина не раз рассказывала мне о своих страданиях. У них не было даже постели, так что на ночь им приходилось сооружать подобие крова из досок и всякого хлама, найденного на свалке. Единственная ее замужняя дочь не могла оказать помощи, а Мордехай, женатый сын, живший в достатке, тоже умер от чумы с женой и ребенком.

Таким образом моя любимая бабушка с двумя детьми оказалась в жестокой нужде и скиталась от дома к дому, пока «гнев Б-жий не истощится». Когда эпидемия чумы пошла на убыль, она решила вернуться в свой дом, но он оказался пуст: соседи обобрали его почти вчистую, и ей с сиротами осталось лишь несколько вещей, на которые никто не польстился.

Что было делать? У бабушки оставалось еще несколько невыкупленных залогов и, продав их, она смогла кое-как перебиться. Скучной была жизнь ее и двух ее детей – моей тети Ульк (Ульрики) и моей матери Белы, да продлит Г-сподь ее дни!

Наконец добрая женщина смогла наскрести достаточную сумму, чтобы выдать Ульк замуж. Отец жениха реб Ханау, в свое время заметный человек в обществе, имел звание «морену», «учитель», присваивавшийся раввинам и, насколько я помню, был штатным раввином Фрисландии. Позднее он переселился в Альтону и стал раввином их общины. Жених Ульрики Элиас Коэн получил от своего отца в приданое всего 500 рейхсталеров, но ему везло во всем, за что бы он ни брался, и вскоре он скопил целое состояние. Но увы, он умер молодым, не дожив и до сорока лет. Если бы Г-сподь продлил его жизнь, он стал бы большим человеком, потому что был удачлив. Когда он подбирали кусок дерьма, простите за грубое слово, тот превращался в его руках в золото. Судьба однако не пощадила его.

Незадолго до этого в нашей общине возникла борьба за пост парнаса, председателя, главы общины. На протяжении многих лет парнасом был мой отец, да благословенна будет память его. Однако Элиас Коэн был моложе и с каждым днем становился все богаче. У него была хорошая голова и хорошее происхождение, поэтому он сказал сам себе, но так, чтобы его услышали и другие: «Из меня получился бы парнас несколько не хуже, чем из моего свояка Лоеба. Я не глупее и не беднее его, да и родом не хуже». Но примерно тогда же Б-г, который заранее определил ему срок жизни и судьбу, прибрал его.

Однако, пока он был жив, общину раздирали склоки и, конечно, у каждого претендента имелись свои сторонники. В какой-то момент на общину посыпались удар за ударом. Сначала умер парнас Фибельман, парнасом стал Хаим Фюрст, первый богач среди местной еврейской общины, но и он тоже умер! Тогда парнасом сделался сын Хаима Фюрста Соломон, но умер и он, а он был отличным человеком и большим знатоком Талмуда! Умерли и другие, имена которых я позабыла. Так Г-сподь положил конец борьбе претендентов на эту должность.

Но вернемся к моей бабушке Мате. После того как она выдала замуж тетю Ульк и помогла ей наладить домашнее хозяйство, у нее ничего не осталось. А нужно было еще

подумать о моей матери, которой в ту пору было 11 лет. Поэтому она поселилась с другой своей замужней дочерью, Глюк, женой Якова Ри. Этот Яков Ри, хотя был далеко не богат, тем не менее имел какой-то бизнес, который позволял ему, заключая браки своих детей, давать им в приданое по 400-500 рейхсталеров. Эти сравнительно скромные деньги помогли ему отлично пристроить дочерей: все его зятья были из лучших еврейских семей и отличались прекрасными качествами.

Моя бабушка прожила некоторое время у Глюк, пока не возникли какие-то осложнения, возможно, ей досаждали многочисленные внуки, быть может, вполне естественные разногласия между матерью и дочерью вызвали отчуждение между ними. Как бы то ни было, бабушка в конце концов взяла мою мать и перебралась к тете Ульк.

Они принялись работать, чтобы прокормиться собственными силами. Моя мать освоила искусство плетения золотых и серебряных кружев, и Г-сподь Милосердный помог ей: она стала получать заказы от гамбургских купцов. Сначала за нее поручился Яков Ри, да благословится память его, но когда купцы убедились, что она знает свое дело и выполняет заказы в срок, ей стали доверять и без поручителя. Она обучила плетению кружев несколько молодых девушек, чтобы они помогали ей в работе. В конце концов она смогла зарабатывать на жизнь себе и матери, прилично и чисто одеваться, но лишних денег в доме не было, и нередко моей дорогой мамочке приходилось довольствоваться коркой хлеба за целый день. И все же она никогда не жаловалась, но уповала на Г-спода, который не забывал ее. И до сего дня она полагается на Г-спода. Хотела бы я иметь ее характер. Но Г-сподь одаривает каждого из нас по-разному.

Невеста с подругами.

1706 год

IV

Сразу же после женитьбы на моей матери отец перевез бабушку в свой дом и усадил ее во главе стола. И весь остаток жизни – 17 лет – она провела в его доме, и всегда он чтит ее как собственную мать. С его ведома и согласия мама вернула бабушке полотно, отданное ею в качестве приданого. Бабушка чувствовала себя в доме дочери так же хорошо, как в собственном доме, да перенесет Всеблагий ее добродетели на нас и наших детей!

Примерно в то время виленским евреям пришлось покинуть Польшу. Многие из них, больные заразными болезнями, добрались до Гамбурга. Поскольку у гамбургской общины тогда еще не было ни больницы, ни странноприимных домов, местным евреям пришлось разобрать больных по своим домам. На верхнем этаже нашего дома лежало не

менее десяти таких больных, которых мой отец взял под свою опеку. Одни из них выздоровели, другие умерли. И тут заболели моя сестра Элькеле и я.

Бабушка ухаживала за нашими больными и заботилась о том, чтобы они ни в чем не нуждались. Хотя мама с папой не одобряли этого, ничто не могло остановить ее: три-четыре раза в день она взбиралась на чердак ухаживать за ними. В конце концов она заболела сама и спустя десять дней умерла. Ей было уже много лет, и она оставила о себе добрую память. В свои 74 года она оставалась энергичной и проворной словно сорокалетняя.

Невозможно перечислить все, что она говорила и о чем молилась на смертном одре. Как она хвалила моего отца, да благословенна будет его память, как горячо выражала благодарность ему! Выяснилось, что отец и мать давали ей каждую неделю небольшую сумму – то полталера, то две марки, чтобы она могла купить себе что пожелает. Кроме того, ни разу не было, чтобы отец, возвратясь с ярмарки, не привез ей подарка. Она же ничего не тратила на себя, копила эти деньги и давала их в долг под небольшой процент.

На смертном одре она сказала моему отцу: «Сын мой, я уйду, как и все на земле. Я жила в твоём доме, и ты заботился обо мне, будто о собственной матери. Ты не только оставлял мне самый лучший кусок и одевал, но еще давал денег на мелкие расходы. Я не тратила их, копила и давала людям займы. Таким образом я собрала около 200 рейхсталеров. Кому надлежит получить их, как не моему любимому зятю? Ибо все это его. Тем не менее, если бы он выказал готовность отказаться от всех этих денег и передать их двум моим бедным внукам, оставшимся сиротами после смерти сына моего Мордехая... Но пусть поступает, как сочтёт нужным. Я оставляю это на его усмотрение...»

Иегуда, Аншель и все дети и зятя стояли у ее постели. А мой отец, да благословенна будет память его, ответил ей: «Успокойся, моя дорогая теща, Б-г даст, ты еще долго будешь с нами и сама разделишь эти деньги по собственному усмотрению. Я охотно отказываюсь от них, и если Всевышний возвратит тебе здоровье, я добавлю к этим деньгам сто рейхсталеров, чтобы увеличить проценты, и тогда поступай с ними, как тебе будет угодно».

Когда бабушка услышала эту речь, ее бедное сердце возрадовалось. Она стала хвалить и благословлять отца, мать и нас, их детей, призывая все благословения сего мира.

На следующий день, безболезненно отдав Б-гу душу, она умерла во сне и была похоронена с честью, как того и заслуживала. Пусть награда, полагающаяся ей за ее достоинства, достанется нам и нашим детям, и детям наших детей.

Биржа в Гамбурге.

1660 год.

V

Когда парнасом общины был мой отец, община процветала, и о каждом можно было сказать, что он «сидел под собственной смоковницей и под собственной виноградной лозой». За общиной не числилось никаких долгов. Однако я вспоминаю, что когда была еще маленькой, какие-то негодяи восстали против моего отца и должностных лиц, назначенных им, и пытались нанести общине вред. Двум из них удалось раздобыть у правительства письма, в которых королевской властью за ними закреплялось право быть парнасами. Сейчас, когда они уже умерли и предстали перед Высшим судом, я не стану называть их имен, но каждый из членов нашей общины знает, кто были эти люди.

Г-сподь, однако, видел их злой умысел. Парнас и другие руководители общины, слава Б-гу, сорвали их планы: они поехали в Копенгаген и доложили обо всем королю. Король был благочестивым человеком и покровительствовал праведным. Хвала Г-споду, все кончилось хорошо, и злые понесли наказание. Их сместили, более того, это не стоило общине больших денег.

Следует сказать, что наши руководители соблюдали интересы общины и ее членов как зеницу ока, стремясь, чтобы за общиной не числилось никаких долгов. Всякий раз, когда требовались несколько сот рейхсталеров, парнас выдавал требуемую сумму из своего кармана, которую потом возвращали ему небольшими частями, и это не было тяжелым бременем для общины.

О небо, подумать только, какую счастливую жизнь вели мы по сравнению с нынешними временами, хотя у людей не было и половины того, что есть у евреев сейчас,

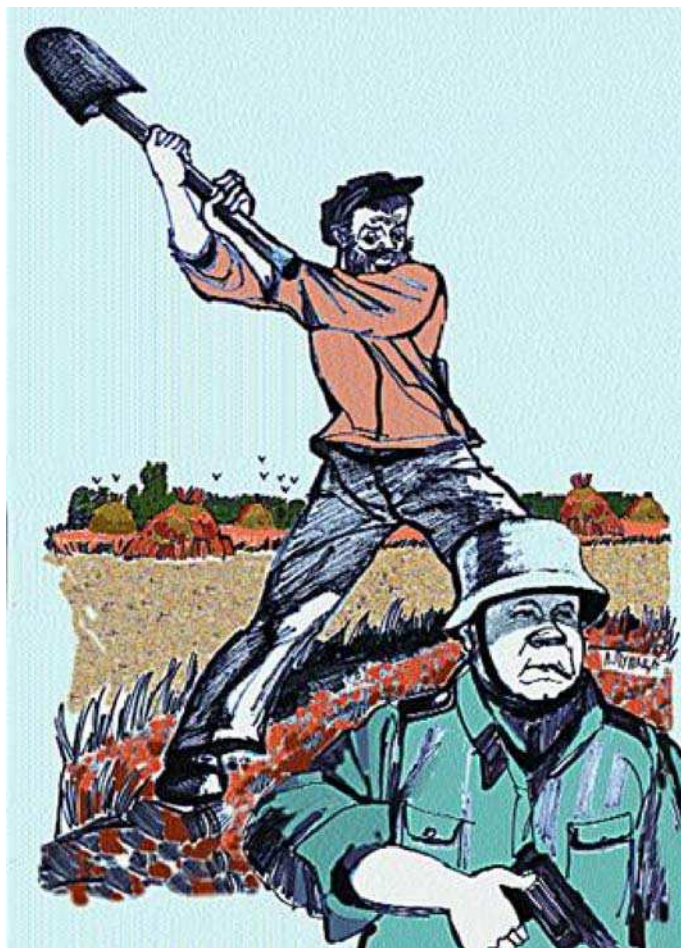
даруй им Г-сподь благосостояние и процветание, укрепи, а не умали их! Да помилует Б-г сынов Израиля и тех времен, и нынешних.

Êîîäö ì îæ îäîîé êíèæèè

СУМАСШЕДШИЙ

Айден Аэаи ай

Триста человек рыли ямы. Огромные ямы. Три десятка охраняли их. Три сотни копали молча, тупо уставившись в землю. Три десятка весело переговаривались, смеялись, курили. Среди копавших выделялся Йоселе, высокий, сильный мужчина. В местечке его называли Йоселе дер мешигенер – сумасшедший. Потому что он был болен психически. Местечковые зубоскалы любили потешиться над ним, блеснуть своим умственным превосходством. Бывало, над ним шутили жестоко. Но Йоселе не обижался. Несмотря на свою огромную физическую силу, он не мог постоять за себя. Возможно, даже не понимал, что его обижают. Он был добродушен и безобиден, этот Йоселе. Женщины местечка жалели его. Они охотно прибегали к его помощи, когда несли с базара тяжелые корзины с провизией. У складов на базаре Йоселе таскал тяжелые мешки, ящики, катал бочки. Сколько бы ни платили, ему было достаточно. Он никогда не обижался, никогда не возмущался.

Сейчас он копал вместе со всеми. Сейчас никто не подтрунивал над ним, никто не пытался показать свое превосходство. Три сотни рыли молча, подавленно, не глядя по сторонам, не глядя друг на друга. Никто из них не поднимал головы, точно им было стыдно за себя, за соседей. Они начисто забыли, что слово «мужчина» одного корня со словом «мужество».

Их ли это была вина? На протяжении многих лет им твердили, что никогда не гулять вражеским сапогам по республикам нашим. На протяжении многих лет их убеждали, что сильнее, смелее, непобедимее Красной Армии нет никого. И если посмеет враг напасть на их священную родину, он будет бит всегда и везде. И они в этом не сомневались. И вот эта армия, которая бахвалилась разгромить врага на его врага, территории малой кровью, могучим ударом, позорно бежала.

Узнав о нападении врага на их родину, эти люди бросились в военкомат, чтобы мобилизоваться в действующую армию. И их ли вина, что наступление немцев было столь стремительным, а военкомат, никого не успев призвать, сам едва успел бежать. Их ли вина, что они оказались брошенными на произвол судьбы, на милость беспощадного и кровожадного врага? И сейчас, кроме подавленности, растерянности и душевной пустоты у них не осталось ничего. И сейчас они рыли могилы. Для себя, для своих близких, для тех, кого пригонят после них. Три десятка, вооруженные автоматами и винтовками, в ожидании своего дела томились, курили, прохаживались и от нечего делать покрикивали на людей в котловане. Йоселе работал размеренно. Он копал добросовестно, как привык выполнять любую работу. Его сильные мышцы загоняли лопату глубоко в грунт, отваливали большие ломти земли и рывком выбрасывали далеко на бровку. Он не видел, что его сильные и красивые движения привлекли внимание стоявшего поодаль эсэсовца. Тот подошел, чтобы не быть задетым летевшими из котлована комьями земли, остановился невдалеке. Эсэсовец залюбовался легкостью, с какой работал стоявший внизу детина.

Йоселе не видел немца. Что-то шевелилось в его сознании. Но ему было трудно связать копошившиеся в голове мысли. Эти мысли утомляли его больше, чем тяжелая работа, которую он сейчас делал. Прервав на мгновение работу, он выпрямился, вытер тыльной стороной ладони пот со лба, поднял голову и встретился взглядом с эсэсовцем. От неожиданности он растерялся и приветливо улыбнулся немцу. Тот молча глядел на улыбавшегося ему еврея. К эсэсовцу подскочил находившийся неподалеку полицай.

- Warum ist dieser stehengeblieben? *

- Чого тобі, Ёська? Та вин, пан ахфіцер, божевильний**, - подобострастно доложил он немцу и выразительно покрутил пальцем у своего виска.

Йоселе, не сводя глаз с эсэсовца, протянул тому лопату, что-то бормоча.

- Was will doch dieser? Verdammt noch mals!*** – выругался эсэсовец и спрыгнул в котлован.

И прежде чем кто-либо успел сообразить, в чем дело, Йоселе мощным взмахом лопаты снес голову представителю высшей расы.

Его звали Йоселе дер мешигенер. Он был одним сумасшедшим на триста психически здоровых мужчин... И он не знал, что в этом сумасшедшем мире иметь человеческое достоинство может позволить себе только сумасшедший.

* Почему он остановился? (нем.).

** Сумасшедший (укр.).

*** Чего он хочет? Проклятие! (нем.).

Уважаемый «Лехаим»!

С большим интересом прочитал в сентябрьском журнале письмо Л. Дворкина из Саратова. Меня давно волнует мысль из его письма: «Б-гу было угодно, чтобы вера в Него утонула в морях еврейской крови».

Когда «Евреи за Иисуса» пытаются вручить мне свою листовку, я не беру ее и с презрением, даже зло говорю им: «Где он был в годы Холокоста, когда было уничтожено 6 миллионов?»

Непонятна мне позиция и ортодоксов иудаизма, хотя сочувствую вере моего народа, ведь она помогла выжить еврейскому народу как этносу. Когда случается какой-либо теракт в Израиле, в диаспоре верующие сбегаются в синагоги, молятся и говорят, что Б-г наказывает нас за наши грехи. Вот здесь я недоумеваю. За какие грехи? Это мы что ли, евреи, сжигали на кострах инквизиции христиан-испанцев, вынуждая их принять иудаизм? Это «еврейские казаки» еврейского Б. Хмельницкого уничтожили две трети украинского населения, вспарывали животы беременным украинским женщинам и младенцами кормили матерей? Это еврейские банды еврейского Петлюры повторяли те же злодеяния? Это еврейский Сталин уничтожил лучших представителей народов? Это евреи устраивают погромы, поджигают церкви, оскверняют кладбища, забрасывают посольства бутылками с зажигательной смесью?..

Мне рассказывали, что недавно по телевизору выступил какой-то высокопоставленный ортодокс и снова высказался, что Холокост связан с еврейскими грехами. Какая чушь! Такая трусливая позиция верующих, кажется, противоречит Торе. Ведь есть там изречение: «Око за око – зуб за зуб». Признавая свои «грехи», мы вольно или невольно соглашаемся со своими недругами, настраиваем их против себя и как бы говорим: «Бейте нас, сжигайте, уничтожайте: да, мы грешны!»

Думаю, не все евреи, пережившие Катастрофу, стоят на такой позиции. Я, бывший малолетний узник гетто, помню, как евреи молились и в то же время с плачем обвинили Б-га.

На силу нужно отвечать только силой, а не укрываться в талес. Как сказал великий русский князь Александр Невский: «Кто к нам с мечом...» Силу уважают и трепещут перед ней, даже если она несправедлива. Когда арабы в 1920-1930-е годы устраивали погромы в Палестине и не было никакого сопротивления, они называли нас «детьми мертвой матери». Но когда израильская армия стала побеждать в войнах с ними, на нас уже стали смотреть другими глазами даже недруги.

Выше я перечислил грехи наших недругов. Но они во много раз больше. А Б-г почему-то их не наказывает. А ведь Б-г один на всех. Л. Дворкин правильно сказал: «Б-гу было угодно, чтобы вера в него утонула в морях еврейской крови...»

Āāāāā ād × ādī ād

Ī āāāā

Уважаемая редакция!

Уважаемый г-н Дворкин!

Я, как и Вы, математик. Мне 77 лет, и сейчас я на пенсии. Участвовал в боевых действиях Великой отечественной, трижды ранен, награжден орденами и медалями.

К сожалению, не могу согласиться с Вашим тезисом о «необходимости уравнивания высказываний» («Лехаим» №9). Как математик Вы сразу же прибегаете к логике и требуете «развития критического еврейского самосознания». Все это можно было бы принять, не будь в свое время «ребё Сталина» (Ваше выражение!) с его государственно-антисемитской политикой и диким гонением религии.

Мое поколение воспитывалось в духе воинствующего атеизма. Можно верить или не верить в Б-га, но недопустимо преследование по религиозным мотивам. В особенности за желание следовать традициям доставалось евреям. Скажите, пожалуйста, что еврейского в нас оставалось в советское время?! Слово «еврей» произносилось с неприязнью, с презрительной насмешкой. Внушали, что мы хуже любой другой национальности. Приучали стыдиться своего еврейского происхождения.

По выражению Шолом-Алейхема мы «толкали чужой воз». Евреи внесли немалый вклад в мировую (и русскую!) культуру, но это вроде бы считалось нашей обязанностью, платой за возможность проживать на «чужой земле».

И вот теперь, когда появился журнал, поставивший перед собой цель возродить еврейскую национальную гордость, Вы, уважаемый г-н Дворкин, вдруг стали призывать к «уравниванию высказываний».

Безусловно, в журнале много ссылок на религиозные авторитеты. Случаются неувязки и противоречия, на которые «натывается» «математическое мышление». А найдется ли сегодня другая идея, кроме религиозной, которая способна помочь еврею идентифицировать себя с древним народом?! Не вижу другого средства вернуть заблудшим национальные самосознание и гордость.

Что касается меня, то я остаюсь нерелигиозным евреем, но глубоко уважаю тех, кто придерживается веры предков, соблюдая традиции.

Вы предлагаете для развития критического еврейского самосознания помещать в журнале обзоры криминальной хроники израильской печати. Что же нового о себе узнают евреи? Что мы такой же народ, как и другие. Но об этом говорил еще на заре XX века Владимир (Зев) Жаботинский. У нас могут быть не только свои гении, но и злодеи!

Журнал «Лехаим», ведя работу в определенном направлении, пытается (и не без успеха!) убедить евреев, что мы – нация, нам есть чем гордиться и не следует чувствовать себя отверженными в сообществе других этносов. Не представляю себе, как можно достигнуть благородной цели с помощью криминальных репортажей?!

И вовсе не следует беспокоиться, что евреи почувствуют себя «сверхчеловеками», читая комплиментарные материалы журнала. После 2000 лет непрекращающихся унижений нам это совершенно не угрожает.

Аעאעמא אד אדא אאד, יאאמא

1 НОЯБРЯ

145 лет со дня рождения историка музыки, главы Венской музыковедческой школы, профессора Венского университета, основателя Музыкального исторического института, главного редактора многотомного издания «Памятники музыкального искусства в Австрии», «Руководства по истории музыки» и др. **Гвидо Адлера** (1855, Эйбеншуц, Моравия – 1941, Вена).

120 лет со дня рождения писателя и драматурга, почетного председателя Союза еврейских писателей, автора романов «Мотке-вор», «До потопа», «Мойшеле» и др. **Шолома Аша** (1880, Кутно Варшавской губ. – 1957, Лондон).

2 НОЯБРЯ

95 лет со дня рождения экономиста, экономического советника ООН, создателя Департамента по экономическим вопросам Великобритании **лорда Томаса Балоха** (1905, Будапешт – 1985, Лондон).

4 НОЯБРЯ

5 лет со дня гибели политического деятеля, начальника генштаба, министра обороны и премьер-министра Израиля, лауреата Нобелевской премии мира за 1994 год **Ицхака Рабина** (1922 – 1995, Иерусалим).

5 НОЯБРЯ

10 лет со дня гибели общественного деятеля, основателя еврейской Лиги защиты, ультраправой партии «КАХ» **раввина Меира Кахане** (1932, Бруклин – 1990, убит в Нью-Йорке).

6 НОЯБРЯ

130 лет со дня рождения политика, государственного деятеля и мыслителя, первого в истории Англии еврея – члена правительства, канцлера Ланкастерского графства, первого верховного комиссара Палестины, министра внутренних дел, главы либеральной фракции в палате лордов, президента британского института философии, автора трудов «Либерализм», «Практическая этика», «Философия на каждый день: убеждения и действие», «Человек-творец» и др. **лорда Герберта Луи Сэмюэла** (1870, Ливерпуль – 1963, Лондон).

8 НОЯБРЯ

80 лет со дня смерти поэта, прозаика, драматурга, этнографа, автора пьесы «Гадибук» **С. Анского** (наст. имя и фамилия Шлойме-Зайнвл Раппопорт; 1863, Чашники Витебской губ. – 1920, Варшава).

10 НОЯБРЯ

110 лет со дня рождения архитектора, дизайнера, графика, профессора Вхутемаса-Вхутеина, автора проектов динамичных конструкций, оформления павильонов международных выставок, книжной графики **Эля (Лазаря) Лисицкого** (1890, Починок Смоленской губ. – 1941, Москва).

12 НОЯБРЯ

20 лет со дня смерти химика-технолога, академика АН СССР, одного из организаторов отечественной промышленности минеральных удобрений и инсектоfungицидов, профессора МВТУ, президента Всесоюзного химического общества им. Д.И. Менделеева, лауреата Государственной премии СССР, обладателя Золотой медали им. М.В. Ломоносова АН СССР **Семена Исааковича Вольфовича** (1896, Ананьев Херсонской губ. – 1980, Москва).

45 лет со дня смерти спортсмена-пловца, первого чемпиона мира по плаванию **Альфреда Хайоша-Гуттмана** (1878-1955, Будапешт).

14 НОЯБРЯ

100 лет со дня рождения одного из основоположников современной американской композиторской школы, пианиста, дирижера, автора оперы «Ласковая земля», балетов «Парень Вилли», «Родео» и др. **Аарона Копленда** (1900 – 1990, Нью-Йорк).

16 НОЯБРЯ

40 лет со дня смерти дирижера театров в нескольких крупных городах России, профессора Московской и Петроградской консерваторий, под чьим управлением в 1909 году состоялась премьера оперы Н.А. Римского-Корсакова «Золотой петушок» и первая в России постановка оперы Р. Вагнера «Нюрнбергские мастерзингеры», главного дирижера антрепризы С.П. Дягилева «Русские сезоны в Париже и Лондоне», Большого театра, Театра оперы и балета в Петрограде, Петроградской филармонии, Латвийской национальной оперы, оперного театра Чикаго, парижской «Гранд Опера», миланского театра «Ла Скала», оперного театра Монреаля и др., кавалера ордена Почетного Легиона **Эмиля Альбертовича Купера** (1877, Херсон – 1960, Нью-Йорк).

17 НОЯБРЯ

105 лет со дня рождения металлурга, члена-корреспондента АН СССР, первого директора Гинццветмета, автора основных трудов по теории и технологии получения цветных и редких металлов, лауреата двух Государственных премий СССР **Давида Михайловича Чижикова** (1895, Новая Прилука Бердичевского уезда Киевской губ. – 1974, Москва).

20 НОЯБРЯ

75 лет со дня рождения артистки балета, народной артистки СССР, исполнительницы партий Одетты-Одилии в «Лебедином озере», Китри в «Дон Кихоте», Кармен в «Кармен-сюите», главной партии в болеро и многих др., постановщицы балетов Р.К. Щедрина, в которых исполнила главные партии («Анна Каренина», «Чайка», «Дама с собачкой»), художественного руководителя балетной труппы Римского оперного театра, балета Национального лирического театра Испании, кавалера ордена Почетного Легиона, обладательницы золотой медали Испании, лауреата Государственной премии СССР **Майи Михайловны Плисецкой** (р. 1925, Москва).

21 НОЯБРЯ

20 лет со дня смерти химика-органика, академика АН СССР, профессора Уральского политехнического института, одного из организаторов отечественной промышленности сульфамидных препаратов, открывшего сульфидин, автора трудов по химии физиологически активных и фторорганических соединений, лауреата двух Государственных премий СССР **Исаака Яковлевича Постовского** (1898, Одесса – 1980, Москва).

55 лет со дня рождения актрисы, снявшейся в фильмах «Цветок кактуса» (премия «Оскар» за лучшую женскую роль второго плана 1969 года), «Все говорят, что я люблю тебя» и др. **Голди Хаун** (р. 1945, Вашингтон).

23 НОЯБРЯ

80 лет со дня рождения поэта, автора книг «Мак и память», «От порога к порогу», «Роза – никому», «Солнце и нить», стихотворения «Фуга смерти» и др. **Поля Целана** (наст. фамилия Анчель, 1920, Черноуты Румыния – 1970, Париж).

24 НОЯБРЯ

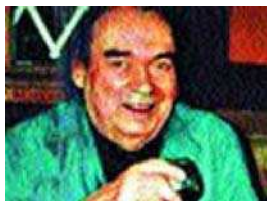
95 лет со дня рождения артиста балета, педагога, народного артиста РСФСР, исполнителя многих ведущих партий классического репертуара, первого исполнителя партий Ромео в «Ромео и Джульетте», Принца в «Золушке» и др. в Большом театре, художественного руководителя Московского хореографического училища, автора нескольких балетных либретто, лауреата двух Государственных премий СССР **Михаила Марковича Габовича** (1905, Великие Гуляки Киевской губ. – 1965, Москва).

28 НОЯБРЯ

75 лет со дня рождения математика, члена Национальной АН США, директора института математических наук им. Р. Куранта в Нью-Йорке, автора трудов по теории дифференциальных уравнений с частными производными и их обобщениям, математической физики, дифференциальной геометрии и др. **Луиса Ниренберга** (р. 1925, Гамильтон, Канада).

СКОНЧАЛСЯ БОРИС ЗАХОДЕР

Знаменитый детский писатель-сказочник Борис Заходер скончался 7 ноября на 83-м году жизни. Автор замечательных стихов, объединенных в книгу «Заходерзости», сказок, пьес для детей, он особенно прославился своими переводами на русский язык детских книг «Алиса в стране чудес», «Приключения Винни-Пуха», «Мэри Поппинс».

Уинни-зе-Пу – так назвал героя своей книги Алан Милн. Борис Заходер научил Винни-Пуха и его друзей объясняться по-русски, подарил им новые имена, помог Пуху сочинить Шумелки, Пыхтелки, Вопилки и много-много чего еще...

Мультфильмы про медвежонка, поросенка и других персонажей Бориса Заходера полюбили миллионы зрителей. А книги его в прошлом году были отмечены Государственной премией РФ.

Как отмечается в сообщении ИТАР-ТАСС, у этого тихого и скромного человека – поистине героическая судьба. В 1939 году Заходер ушел добровольцем на финскую войну вместе со своими товарищами-студентами, поэтами Лукониным и Наровчатовым. В годы Великой Отечественной участвовал в обороне Москвы, освобождал Украину, закончил войну старшим лейтенантом. Возвратившись к мирной жизни, целиком посвятил себя литературе.

Владимир Путин направил телеграмму с соболезнованиями Галине Сергеевне Заходер в связи с кончиной ее супруга. В телеграмме главы государства, в частности, говорится: «Ушел из жизни замечательный писатель, мудрый, честный и очень добрый человек. Борис Заходер подарил российским читателям Малыша и Карлсона, Мэри Поппинс и Винни-Пуха. Убежден, что без его удивительного писательского дара они никогда не стали бы нам такими родными и близкими. Он знал, что для детей надо писать так же, как и для взрослых. Только еще лучше. Поэтому его книгами зачитывались несколько поколений мальчишек и девчонок. Их любят и сегодня. Дети, воспитанные на стихах и книгах Бориса Заходера, не могут вырасти жестокими и злыми».

DEA «Γάλλος»